

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

5. 2022

С 17 по 22 сентября 2022 года в рамках празднования 100-летия государственности КБР в Москве прошли Дни культуры Кабардино-Балкарии. Делегация из творческих коллективов, артистов, деятелей культуры посетила столицу России, чтобы продемонстрировать свои достижения в области изобразительного и драматического искусства, хореографии, симфонической музыки, поделиться своим историческим, археологическим, этнографическим наследием.

12+

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители
(соучредители):

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Александр Мусукаев
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакушева
Пётр Хатуев (отв. секр.)
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

---

5. 2022 СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

ЧИТАЯ ТАНЗИЛЮ

1

Т. М. Зумакулова

Поэзии необходимы отзвук, отражение, эхо – чем они мощнее, тем явственней ее подлинность. Поэзия Танзили Зумакуловой нашла отклик и звучит в сердцах тысяч и тысяч ее читателей и преданных поклонников. Творчество Танзили стало одной из сияющих вершин мировой поэзии.

Своим чутким поэтическим сердцем Танзиля еще в начале своего творческого пути уловила ритм Времени, его величественный и трагический гул, в котором звучали людские чаяния и надежды, их боль и радость.

Но главное – взору поэта открылась возвышающая Красота, Красота мира и человека, которая, по определению самой Танзили, всегда звучит на одном понятном всем языке в любом краю света. В этом определении и понимании Красота Танзили близка к мысли Достоевского: «Красота спасет мир». Красота в ее поэзии – категория не только эстетическая, но и этическая, и наделяется нравственной силой, как, к примеру, цветок из одноименного стихотворения:

*Пятилепестный, узколиственный,
Вознесся звездочкой в лазурь,
И дышит красотой истинной
И больше не боится бурь.*

Практически каждый поэт в своем творчестве заявляет о своей любви и преданности родной земле. Казалось бы, и слова одни и те же, и ритм есть, и рифма, но не успеет высохнуть типографская краска, а стихотворение уже мертво. Но является другой поэт – и каждая строка его дышит жизнью. Как это происходит – не знает никто. В этом и есть вечная тайна, тайна, которая заключена во всех великих произведениях искусства. Есть она и в каждом поэтическом сборнике Танзили Зумакуловой.

Поэзия Танзили обладает притягательной простотой и глубиной, эти качества составляют естественную сущность ее поэтического гения. Безграничная, жертвенная любовь к своей малой родине – Балкарии, к своему народу, и уникальный поэтический дар, позволяющий

выразить это чувство без ложного пафоса и графаретных образов, органично сочетаются в стихах и поэмах Танзили.

2

Когда я впервые прочитал поэму «Моя бабушка», я был просто ошеломлен. Поэма Танзили в переводе Наума Гребнева – на мой взгляд, один из шедевров не только балкарской, но и мировой классики.

На малом поэтическом пространстве – всего лишь сто семьдесят восемь строк (!) – Танзили создает эпическое полотно, вмещающее в себя огромный временной пласт – конец 19-го и почти весь 20-й век. Это удивительное качество поэта, обладающего эпическим мышлением, выстраивать безупречную архитектонику больших художественных пространств проявлено и в других ее поэмах.

Танзили в поэме рассказала не только о многотрудной судьбе своей бабушки, но поведала о судьбе народа, пережившего войну и депортацию, – эта тема пронзительно звучит в монологе деда, обращенном к покидающей мир жене:

*Родимая земля твой прах возьмет,
Сомкнется тихо над твоим ночлегом.
А я в глухом краю который год
Покоюсь под чужой травой и снегом (...)*

*Моя жена, уходишь ты туда,
Куда наш старший сын с войны вернулся.*

*Идешь ты в край, в который молодым
Ушел когда-то сын наш предпоследний,
Ушел когда-то сын наш малолетний,
Ты помнишь, как мы плакали над ним.*

Ритм поэмы – пятистопный ямб – словно мерное движение веретена, благодаря этому ритму возникает самостоятельный, затекстовый образ женщины-балкарки, идущей по дороге и прядущей шерсть. Этот образ неутомимой труженицы проходит через всю поэму – она прядет нить своей жизни.

*Она невуньей первою слыла,
Она и песни пела, и плясала,
И плакала, как все, и горевала,
Месила тесто, шила, шерсть пряла.*

Останавливается веретено, и обрывается нить... Но как неожиданно и потрясающе соприкасаются начало и конец жизни! –

*А я, чтоб скорбный совершить обряд,
Иду и покупаю ткани тонкой,
Такой же, что пять лет тому назад
Я покупала дочке на пеленки.*

Заключительный монолог в поэме между повествовательницей и ее пятилетней дочерью пронизан высоким трагизмом, человечностью и любовью:

*Меня спросила дочка:
– Где ынна?
– Лежит в могиле, – я ей отвечала.
– А разве здесь опять была война?
– Нет, не было, но бабушки не стало!
Она на той неделе умерла.
– Что с ней случилось, расскажи скорее!
– Она больной и старую была...
– Ты тоже будешь старой?
– Все стареют.*

*Лепечет дочка глупая моя:
– И ты умрешь? –
Я говорю:
– Быть может! –
Она не замолкает:
– Значит, я,
Как бабушка и ты, состарюсь тоже?*

*Я говорю, что путь у всех такой,
На свете и не может быть иначе.
А дочка плачет, трет глаза рукой,
И, глядя на нее, я тоже плачу.*

Поэма Танзили повествует о преданности и любви, о человеческом долге и мужестве, о том, что, казалось бы, простая, неприметная жизнь может быть образцом героического стояния человека перед испытаниями, примером того, как он даже на пороге смерти, вопреки всем бедам и лишениям может выйти победителем.

Сегодня, на фоне происходящих в нашей стране и мире событий, тема войны и мира в творчестве Танзили Зумакуловой звучит по-новому, и как никогда актуально содержание ее стихотворения «Мы временем умеем дорожить...»:

*В морских волнах, в пороховом дыму
Безвестный мальчик за святое дело
Жизнь отдает совсем не потому,
Что жить ему на свете надоело (...)*

*Ни у кого нет жизни запасной.
Как век ни длинен, не хватает века,
И все же люди жертвуют собой,
Оправдывая званье человека.*

Высокий гуманизм Танзили не только в отрицании войны и насилия, но и в признании того, что если и придется взяться за оружие – лишь «за святое дело», «оправдывая званье человека». Сегодня эти слова приобретают особый вес и значение.

Размышляя о природе добра и зла, Танзиля говорит в стихотворении «Дети все – добры и хороши...»:

*Зло?! Под яростным напором зла
Не единожды на свете белом
Совершал бессмертные дела
Тот, кто слыл до этого несмелым! (...)*

*И хочу я верить, что сердца,
Где как будто пусто и печально,
Все ж не умертвили до конца
Семя чистоты первоначальной.*

*И Добро –
в истории Земли –
С грозным Злом не перестанет биться,
Чтобы в людях гуще проросли
Эти драгоценные частицы.*

*Говорю себе: найти сумею
В самом черстве спрятанное детство!
И запомни: даже яды змей –
Все-таки лекарственное средство!*

Это стихотворение наводит на размышления о событиях дня нынешнего, в нем открываются новые смыслы и обозначаются границы происходящего противоборства. Насколько в сердцах «душевных уродцев» – неонацистов и им сочувствующих остались «семена чистоты» и дадут ли они всходы? Танзиля убеждена, что надо бороться и верить в неизбежность победы добра над злом. И в этом не только ее поэтическая вера, вера просто человека – эта вера зиждется на историческом опыте ее народа.

4

Любовная лирика занимает особое место в творчестве Танзили. Цикл стихотворений «Сто брильянтовых брызг», поэма «Мгновенья счастья», стихотворения «Знаю я, что ни к чему сейчас...», «Милый мой, мой друг полуседой...», «Любовь», «О, я была наивна, как дитя...», «Меня жалеть не надо», «Я с тобою как ребенок малый...» и многие другие принадлежат к шедеврам данного жанра. Танзиля охватила весь спектр состояний и чувств, сопутствующих любви. Мало кто писал так, как Танзиля, об этом удивительном, бессмертном чувстве, рождающем не только счастье, но и приносящем немало страданий.

Истинный поэт – всегда философ. Философия Танзили Зумакуловой основывается на народной карачаево-балкарской этике и культуре, вырастает из нее. Отсюда афористичность ее поэзии – можно приводить бесчисленные примеры, но я остановлюсь лишь на одном стихотворении, в котором автор размышляет о соотношении быта и бытия. Кроме того, это стихотворение – «Беру тетрадь... Вот-вот придет она...» – очень много говорит о характере самой Танзили, ее отношении к людям и творчеству.

К героине стихотворения нисходит Муза, она уже готова творить, но тут с лестничной площадки доносится шум – соседки наводят чистоту:

*Прервать стихи в начале?.. Нет, нельзя!
И все же я вздыхаю, беспокоясь,
И пробуждается во мне, грызя,
Простая человеческая совесть,
И слышу голос в глубине души:
«Уж помоги им... А потом – пиши!»*

*И я скребу ступени по порядку...
А там – пришла пора варить обед...
Когда же вновь берусь я за тетрадку,
Где мой подъем? Его в помине нет!*

Это как бы полушутливое стихотворение о Музе, творчестве и

быте на самом деле говорит о вещах серьезных и глубоких. Для Танзили «простая человеческая совесть» выше и важнее собственного творчества. Совесть, как проявление нашего отношения к людям и Богу, как присутствие Бога в человеке.

И еще об одном очень важном, на мой взгляд, обстоятельстве, которое остается как бы за текстом, говорится в этом стихотворении. Преодолеть оковы быта, выйти за рамки привычных представлений мужчине всегда было гораздо проще, чем женщине, воспитанной в суровых горских традициях, и то, что Танзили в этих реалиях, не выходя за пределы установленных норм и обычаев, удалось ярко проявить свой талант, – вызывает бесконечное уважение и восхищение.

5

Поэзия Танзили Зумакуловой явилась из самой сердцевины национальной жизни, из жизни, в которую Танзили была всецело погружена. Она знает по опыту изгнаннического детства, как обжигает беспощадное азиатское солнце на бескрайнем свекольном поле, знает, как неустанно надо трудиться, приглядывая за младшими братьями, она познала предательство и любовь, зависть и славу, трагедию разлуки с родиной и счастье возвращения.

Когда-то известный грузинский критик и литературовед Гурам Асатиани вместе с другом-хевсуром слушали впервые выступление Кайсына Кулиева. «Мы острее, чем когда-либо, – писал А. Асатиани, – чувствовали, что этот склад (горца. – *Дж. К.*), это строение, этот характер в самом деле существует, непреходяще реален». Читая и перечитывая Танзилю, понимаешь, что также реален и непреходящ образ настоящей горянки.

Сегодня Танзили Зумакулова – классик балкарской, российской и мировой поэзии. Она – живой символ Балкарии, а ее поэтическое Слово – наше драгоценное достояние.

18. 08. 2022

ТОЧКА ВЫБОРА

В 1987 году в Нальчике состоялся очередной республиканский семинар молодых писателей. Была осень... или начало зимы. Обычные рутинные обсуждения местных талантов, стремящихся в члены СП СССР. Робкие надежды на публикацию в коллективном сборнике обладателей тощих исписанных тетрадей... Семинар успешно близился к обычному финалу, за которым – публикации в местной прессе и планы по изданию книжки в мягком переплете, с полудюжиной фамилий на обложке... но вдруг тексты одного из присутствующих вызвали яростный спор.

Руководителями русскоязычной секции семинара в том году были Аркадий Кайданов и Фатима Урусбиева. Может быть, поэтому создателям куцей прозы и обширных стихов, неприятно поражённым необычностью рассказов одного из участников семинара, не удалась солидарная атака на возмутителя спокойствия, и уже в следующем году произведения Амира Макоева встретили своего читателя.

И сегодня, читая его рассказы и повести, с предельной ясностью понимаешь, что именно нервировало давнишних оппонентов писателя, понимаешь, что в его творчестве привлекло искушённых руководителей семинара. Кто-то точно или приблизительно знает границы удобоваримости литературы, кто-то удачно ловит тему и настроение, кто-то виртуозно втискивается в границы модных философских и идеологических направлений. Эти «кто-то», в любом случае, знают, как надо писать. Как надо писать, чтобы – в зависимости от уровня одарённости и технического оснащения – понравиться читателю, критике, специалистам, ценителям, активным лайкерам социальных сетей... Амир Макоев к этой счастливой когорте творцов не относится. Он не знает, как надо писать. Более того – он не знает, как надо преподносить написанное и позиционировать своё «я». Волевые навыки, наработанные в большом спорте (а он в юности был высококлассным борцом), не позволяют ему быть неуверенным в себе и считать то, что он делает, подобием некогда сделанного другими. Художественная цель, его вечная сверхзадача – пробиться к сознанию и душе, проломиться своей дорогой, которая, вполне возможно, никак не учитывает вкусы и пристрастия читателя, даже противоречит им. В чём только не обвиняют Макоева! В преднамеренном отборе неоднозначных тем, в уходе в сумраки альтернативных интеллектуальных состояний, в сюрреализме и психоделике, поднимаемых на доморощенных измышлениях и антураже, а потому – особенно неприемлемых с точки зрения классического литературного вкуса. В полном безразличии к достоверности образа. Даже в банальном незнании русского языка. Претензии к нему, к его изложению и стилю предъ-

являют и радостные враги, и раздражённые друзья.

Думается, что Амиру Макоеву всё это неинтересно. По относительно-сравнительному, высшему и самому гамбургскому счёту. В каждом своём произведении он шагает к конечной цели – душе читателя, продираясь и пробиваясь всеми доступными ему способами, не считаясь с законами образности и художественной суггестии. Его главное оружие – несомненно, врождённое – умение поставить сознание в зону пограничного восприятия, в полосу наивысшей экстремальной точки выбора, туда, где обычные нормы морали приобретают странную амбивалентность, а в итоге теряют обычную вариативность и требуют разрешения, однозначного и фатального разрешения, поднимающегося над горизонтом обыденной этики и практического знания. Единственная система подачи материала Макоева, которая интересует его как писателя – необыкновенно тонкое и изощрённое умение выстроить сюжет, содержательную часть нарратива в филигранном соответствии с неизбежными поворотами судеб героев, их осознанными и спонтанными поступками, выходящими, волею обстоятельств, за границы нормы и аномальности. Наполнить пространство этого нарратива зыбким и, в то же время практически осязаемым ощущением предопределённости. Фантастическое сочетание однозначности опознаваемого характера, создаваемой им среды и эфемерности его существования, протекающего в мире колеблющихся и неустойчивых локаций. И всё это перетекает в знакомое, но совершенно нетривиальное сочетание внутренней мощи героя и его обречённости – фактически, Макоев возвращается к античной трагедии рока.

Насколько индивидуален его стиль, насколько первичен? Вопрос не праздный – ведь мы помним, как в конце 80-х годов на страницы литературных журналов страны полились опусы подражателей Джойса, Хаксли и Мердок. Относительно этого: особый пункт в структуре литературной одарённости Макоева – его этничность. При всей апперцептивной широте, цивилизационной унифицированности, его проза отмечена безусловной национальной определённостью, проявленной на неуловимых уровнях, не имеющих отношения к прямым описаниям, топонимике и ономастике. На каких пластах восприятия реализуется его принадлежность к миру Северного Кавказа, к адыгскому и даже конкретно кабардинскому мироощущению – ещё предстоит выяснять.

Впрочем, это уже тот материал, размышления над которым должны вылиться в настоящий и немалый по объёму литературоведческий труд. А на сегодняшний день – за редкими исключениями, подобными исследованиям М. Хакуашевой и З. Кучуковой, – таковых не имеется.

Что ж, Амиру Макоеву – 60. Уже шестьдесят, или ещё шестьдесят. Учитывая его характер – а он был и остался высококлассным борцом – можно думать, что впереди у него достаточно времени. Его лучшие произведения ещё впереди. Как, надеемся, и работы по его творчеству.

ИДИОСТИЛЬ ПРОЗЫ А. МАКОЕВА

Творчество кабардинского русскоязычного писателя Амира Макоева репрезентативно с точки зрения общих характеристик современной русскоязычной адыгской прозы. Его первый рассказ «Живая картина» был опубликован в 1988 году. К настоящему времени им написано более 30 произведений, преимущественно рассказов, несколько повестей. Наиболее известные из произведений – «Натюрморт с чайкой», «Золотые апельсины», «В пору голых деревьев», «Омовение сердца», «Лунные мальчишки», «Сады Масират», «Возвращенное небо» и др. В разное время рассказы и повести А. Макоева издавались в различных городах РФ: Нальчике, Москве, Пятигорске, Грозном, Майкопе, Бийске.

Тематический диапазон произведений А. Макоева достаточно широк: отношения родителей и детей; мужчины и женщины; социальное неравенство; кризис гуманизма; подлинная и мнимая свобода личности; «обветшание», энтропия духовного мира литературного героя и целого социума. Автор обращается «к мистике и потустороннему миру, к мифу, к вопросам взаимовлияния разных культур и стирания границ между прошлым и будущим, реальностью и вымыслом...»

Лейтмотивом творчества А. Макоева становится тема утраченного детства, потерянных идеалов юности. Входя в соприкосновение с реальностью взрослых, внутренний мир ребенка мгновенно съезживается, теряет краски, объем, свежесть, а главное – радость... Именно эта атмосфера постепенной утраты своего мира и себя в мире ощущается в атмосфере повести «Лунные мальчишки».

Круг друзей, среди которых протекает отрочество и юность главного героя по кличке Стриж, состоит из архетипически рельефных образов. В окружении Стрижа, от лица которого ведется повествование, – его друзья: Гусак, Толстый, Рыжеус, Брат, Гном. Эту группу мальчишек возглавляет Князь, прозванный так из-за его «родовитой» фамилии: у него типичный портрет лидера-подростка: «...мужественное лицо, он жилист, худощав, уверен в себе и необычайно силен, уже два года ходит на борьбу». Друзья участвуют в жизни села, обносят колхозные поля, регулярно собираются на холме за околицей: они все знают друг о друге, даже посвящены в сердечные тайны.

Живая панорама полнокровной жизни провинции, воспринятая и пересказанная подростком, контрастирует с последующей характеристикой того же топоса, в котором почти не остается живых красок: «...В какой-то момент обнаружилось, что некогда приветливое ночное

небо опустилось на холм и остановило ход времени... Кто-то неизвестный потянулся и выключил луну, неосторожным движением рассыпал на землю звезды, подмял опустевшие сады и куда-то подевал облака... Вид с него (с холма. – М. Х.) теперь открывается печальный и унылый, особенно в осеннюю пору. Ничто живое не радует глаз. В поселке перестали держать коров, и вечернюю тишину улиц давно не нарушают топот и мычание стада». Особенностью рассказа становятся ярко выраженные ностальгические интонации, которые характерны для всего творчества А. Макоева.

Изменившееся время на каком-то этапе принесло удачу Синеглазому, который вместо «маслопроводного шланга» подарил автомобиль Князю, всегда готовому помочь друзьям, но позже пустился в бега, вынужденно разлучившись с семьей, и, по слухам, исчез в маленьком мексиканском городке. Не повезло Князю, который, по словам Стрижа, всегда чувствовал «сожаления за свою судьбу, сложившуюся совсем не так... И кому же, как не ему... больше всего подходила роль героя, – в нем все для этого было». Князь – прирожденный неформальный лидер, призванный стать реальным военным лидером, однако «честность и независимость» его не устраивали ни друзей, ни врагов. Он преуспел в бизнесе, но друзья и кутежи его разорили. Вскоре Князь «увяз в семейных разборательствах, стал чиновником в Комитете по спорту, растит троих детей от разных жен и бесконечно ремонтирует свою машину...». Гном, отличавшийся артистичностью, постепенно спился; добряк Толстый, превратившись в процветающего семьянина, рано потерял здоровье...

Драматизм сквозит не только в униженном положении Князя, которое не соответствует его истинному призванию, но и в измелчании его принципов и позиций. Успех сопутствует заурядным Гусаку и Рыжеусу, которые никогда не отличались порядочностью. Первый «удачно» женился на дочери влиятельного милицейского чиновника, и у него начался быстрый карьерный рост. Рыжеус нажил большой капитал теми же сомнительными средствами, которыми пользовался уже в юности.

Художественный сюжет отражает реальные деструктивные процессы, которые разрушают гармонию, отвергают силу, доброту, великодушные, честность. История с Братом усугубляет ощущение духовной энтропии, заставляет пристальнее всматриваться в стихию человеческой жизни, в которой будто бы заложен невидимый центр зла.

Друзья знают, что Брат безнадежно влюблен в Марину, он робеет и теряется в присутствии девочки. Чтобы устранить эту «слабость», они устраивают тайное «наблюдение» за Мариной и ее матерью через глазок, проделанный в закрашенном окне женского отделения бани. Однако эта типичная подростковая проказа оборачивается впоследствии трагедией: Марину на выпускном вечере соблазняет какой-то местный

сердце из другой школы, а затем публично оглашает эту «победу» в присутствии всех товарищей. Главный герой лишь оговаривается относительно предполагаемых переживаний влюбленного подростка, который считался самым «умным» и отличался от всех интеллигентностью, впечатлительностью, особой тонкой организацией. «Ведь был же этот юноша из другой школы, ведь рассказал же он нам, насмехаясь над Мариной, как забавлялся с ней в выпускную ночь. Мы же видели после этого неживые глаза Брата – так зачем надо было смеяться над ним, а затем, похлопывая по плечу, успокаивать его и утешать, мол, не бери в голову, все они такие. А он, поддавшись минутной слабости, укрылся в себе и, видимо, там, в неведомых нам лабиринтах души, от отчаяния разом сорвал все шлюзы и затопил себя жгучим потоком... боли, с которым не в силах был совладать. И, наверное, грубая мощь его хлынула беспощадно, разбивая нежные мысли о прошлом, с надменной легкостью отвергая мечты о будущем, оскорбляя нежную любовь его к этому миру, в котором было все то, ради чего он жил...». Стриж увидел одинокую фигуру юноши на вершине крутого склона, с которого он бросился вниз. Знаменательны последние слова Брата, который так и не созрел в добровольном отказе от жизни: «Стриж, ты же видел... я... оступился...». Автор даёт возможность подвести неутешительные итоги: в век упрочившегося капитала лучшие оказываются банкротами, – преуспевают мошенники, конформисты, приспособленцы.

На более глубинном уровне осмысления художественного текста интенция читательской мысли приходит в соприкосновение с одной из главных художественных задач автора – поиском источника зла. Автор через нарратора как бы задается вопросом о том, где же на самом деле сосредоточен эпицентр зла: в самой жизни или только в человеческом социуме? В трагической короткой истории подростка, которая столь жестоко завершается суицидом, проясняется истинная причина фундаментального противоречия, она – в особенностях человеческой природы, которая несовместима с наступающей эпохой дегуманизации.

Через принцип «новелла в новелле» реализуется характерный для творчества А. Макоева метод рамочной композиции, который встречается в рассказах «Натюрморт с чайкой», «Потешный круг» и др. В пьесе, которая разыгрывается маленькой героиней с самодельными куклами, речь идет о девочке, для которой «жизнь на земле стала... невыносимой, после того как водяные существа сообщили ей, что она-де дитя небесное: ни отец, ни мать не родные ей». В основу вставной маленькой пьесы легла история жизни самой героини рассказа, которая больше всего хочет летать: «...Она так хочет взлететь, что руки вдруг превращаются в крылья и уносят ее в небесные выси. Все завидуют ей: ведь она может летать, а им до конца своих дней суждено прожить на болотах».

Потребность летать – распространённый архетипический мотив напряжённого духовного поиска, требующего для себя развития, воплощения. Избранники, отмеченные в этом смысле ярким экзистенциальным призванием, не находят способа для реализации в обычной, «земной» жизни. Художественный конфликт разворачивается, таким образом, не между жизнью и смертью, а между настоящей необходимостью в духовном росте и отсутствием такой возможности в условиях реальности. Никакой другой альтернативы автор не оставляет.

Следует отметить, что устойчивые стереотипы, связанные с представлением о детстве как о светлом, радужном начале жизни, никакого отношения к творчеству А. Макоева не имеют. При сохранении ярких рельефных образов, свойственных детскому восприятию, они, как правило, драматически насыщены (см.: «Лунные мальчики», «Остров гнома»).

В прозе А. Макоева основной проблемой художественного детского мира является одиночество. В наиболее жёсткой форме картина духовной, внутренней изоляции ребёнка развёрнута в рассказе «Золотые апельсины». Трещина, разделившая жизни отца и матери, раскалывает пространство главного героя на две части: он живёт с матерью и отчимом, отец мальчика вынужден уехать на поиски работы. Описываемая историческая эпоха ясна – распад советской системы, когда произошло постепенное обрушение производства огромной страны, образование целого класса безработных. «Лишние» люди новой эпохи оказались совершенно неготовыми к тяжелым испытаниям и жестокому способу существования в условиях анархического капитализма, отразившегося на судьбах миллионов, благополучии семей, детей.

Позиция автора-повествователя раскрывается преимущественно через восприятие ребенка, но тем острее ощущается вся степень деформации гуманистических ценностей на фоне распада некогда нормальной полноценной семьи, – механизма особенно чуткого, способного уловить первые сигналы социального неблагополучия. Ощущение ребенка становится тем непогрешимым индикатором, который безошибочно отражает уровень духовного нездоровья общества. Отцы, отторгнутые новой жизнью, и сиротливые дети, лишенные при живых родителях семьи и дома, – так формируется А. Макоевым тема бездомности, бесприютности главного героя.

В повести «Возвращённое небо» тема драматических отношений отца и сына обретает полифоническое звучание, раскрывая многие грани одной из самых глубоких экзистенциальных связей; их определением становится неразделенность экзистансов – отцовского и сыновнего. Сюжет отражает другую коллизию – криминализацию и коррупцию современного общества, расслоившегося по имущественному принципу. «Несговорчивых» – нежелающих платить «крышующему»

рэкету – вынуждают это делать отработанными методами, одним из которых является «подстава» с перевозимым грузом наркотиков, оружия или антиквариата. Груз изымается «случайными» представителями власти – переодетыми членами банды, и остается у главаря, а наивного перевозчика заставляют платить невероятную сумму для откупа. При такой криминальной разборке погибает Мурат, сын Лиуана, зажиточного независимого хозяина, отказывающегося признавать местные «авторитеты». Отец мстит за сына, убивая Исмеля, возглавляющего преступную группировку, и погибает сам.

Вина сына проецируется на отца, отныне она – его собственная, поэтому гибель героя на самом деле – его добровольный отказ от жизни. Лиуан входит в реку, в которой утопили его сына, не прекращая говорить с ним: «Мне уже по грудь, видишь? Вода гладит лицо и оmyвает мои глаза... Уже вечер, а все вокруг сияет, подо мной белые облака на ослепительно синем небе... Я знаю, ты здесь, сынок. Отзовись. Вот ты где. А теперь возьми мою руку. Вот так. Надо же, она у тебя совсем даже не холодная. Чувствуешь, как обдувает нас прохладный ветерок? Так легко и приятно здесь дышится. Держи, сынок, крепче мою руку, нам так долго теперь идти вместе»

Так, одной из наиболее ярких граней в психологии отношений между отцом и сыном становится чувство вины – не только сына за отца («Золотые апельсины», «Остров гнома»), но и отца за сына – в повести «Возвращенное небо». Оно становится важным аспектом, который актуализируется в отношениях героев на всем протяжении художественного повествования. «Несовпадение» фаз индивидуального развития – зрелости отца и ювенильности сына; ограничивающая инерция мужского эго, индивидуализм, недостижимость реализации долга и чувства перед лицом неуправляемых стихий определяют уязвимость и антагонизм сложной универсальной связи отца и сына, во многом объясняют несовершенство человеческих отношений вообще. Вина отца перед сыном и сына перед отцом – устойчивая авторская рефлексия, которая выходит на многие уровни культурологического, религиозного и философского осмысления.

Согласно художественной логике А. Макоева, нарушение связи отец – сын не только оказывается катастрофической для индивидуальных судеб, но ведет к утрате некой универсальной целостности в сложной бинарной оппозиции, которая составляет одну из основ гуманизма. Ее семантика выходит на более широкие планы – как культурологический, так и метафизический.

Художественное пространство рассказов А. Макоева, обозначенное универсальными маркерами, в части авторской самоидентификации остаётся, тем не менее, подчёркнуто этничным. Иногда гендерная принадлежность автора функционирует как институциональная харак-

теристика всего повествования. Например, в ходе анализа рассказа А. Макоева «Следы на воде» следует отметить значительное переосмысление неотъемлемой характеристики принципа повествования «мужского» художественного нарратива, который в данном случае выступает не только как категория текстопостроения, но и смыслообразования.

Вместе с тем, традиционные женские образы для творчества А. Макоева столь же органичны, как нетипичный персонаж обозначенного рассказа. Образ главной героини повести «Сады Масират» на первый взгляд соответствует стереотипу традиционной кабардинской женщины, которая подчиняется привычному алгоритму женской жизни. Семья мужа разрывает ее брак, обвиняя молодую женщину в бездетности. Автором представлен достаточно типовой исход брака, который сопровождается глубоким женским кризисом, ощущением собственной несостоятельности, бесцельности существования; нарабатанная тысячелетиями генетическая память подсказывает формат женской драмы, её психологический стереотип, из которого, кажется, даже не предусмотрено реального выхода.

Так, героиня рассказа «Омовение сердца» безоговорочно связывает всю свою судьбу, благополучие и счастье с мужем, ни на минуту не сомневаясь, что она и ребенок всецело зависят от него, что только мужчина несет полную ответственность за семью. После гибели мужа ей остается лишь сожалеть о своей вине, которая звучит рефреном в экспозиции и финале. Романтический пафос определенно диссонирует с тривиальным сюжетом и композицией. Героиня принимает свою судьбу безоговорочно как фатальную неизбежность, несмотря на разбуженные мужем скромные импульсы индивидуальности, на первые прозрения относительно своего особого назначения, которое порой лежит далеко за пределами сугубо женского. В образе главной героини воплотилась сила инерции социально-психологического стереотипа женщины прошлых веков, которая не нашла в себе готовности соответствовать вызовам новой эпохи.

Тем не менее, довольно оригинальным авторским приемом можно считать привлечение в качестве главной героини женщины-нарратора. Это, несомненно, открывает новые возможности для репрезентации новых художественных, этических, эстетических аспектов во взгляде мужчины-автора на проблемы личности женщины, женского мира в целом. А. Макоев, таким образом, реализует «возвращенный взгляд» художника, нарушая каноны традиционного «мужского» я в художественных текстах северокавказской прозы.

Помимо прочего, необходимо констатировать, что проза А. Макоева весьма развита – непривычно развита для литератур Северного Кавказа – в архитектурном плане. В его текстах обнаруживаются элементы постмодернистской поэтики, и, анализируя особенности

идиостилия в рассказе А. Макоева «Омовение сердца», Л. Мурнаева отмечает: «Метанарратив как инструмент интертекстуальности позволяет писателю наполнить текст специфическими лексическими средствами, применение которых обусловлено, в том числе, необходимостью введения образа рассказчика-нарратора женщины. Согласно постмодернистской поэтике, автор соединяет мистику и объективный мир... Метанарративный принцип повествования в данном постмодернистском тексте выступает «цементирующим» началом всей структуры, определяет субъектно-объектные отношения... Когнитивно-концептуальные особенности данной стратегии повествования от первого лица женщины-нарратора делают рассказ А. Макоева знаковым произведением для современной северокавказской литературы».

Жанровое кредо А. Макоева — психологическая проза, которая способна отражать и социально-исторические художественные реалии. Но последние, тем не менее, оказываются объектами второго плана плотного медитативно-психологического нарратива. То же свойство отмечает Л. Мурнаева: «Творчество современного писателя А. Макоева отличает своеобразная степень психологизма, в котором ощущается влияние учения психоанализа З. Фрейда и архетипов К. Юнга».

В этом жанре следует рассматривать рассказ А. Макоева «Тени Юкатана». Встреча двух россиян в мексиканском Юкатане сулит светлое будущее: Алина — танцовщица, Альберт в прошлом — успешный бизнесмен, который вынужден скрываться от должников. Но на фоне зарождающегося чувства — странные паузы, «пустоты». Главная сюжетная линия — развивающиеся отношения двух молодых людей — переданы через обычный авторский прием — несобственно-прямую речь. Автор не прерывает повествования своими комментариями, не обнаруживает своего «всезнания», лишь наблюдает за происходящим со стороны. Альберта можно отнести к эмотивному типу личности с острым восприятием красоты: «Да, она как та молодая персидская царица, которую он видел на картине давно, еще в той жизни, и как же больно доставать из себя даже какую-нибудь мелочь про ту жизнь, в конце концов, это станет невыносимо...» (использован авторский электронный ресурс). Последняя фраза «про ту жизнь» становится ключевой, она объясняет его длительное пребывание в чужой стране, ностальгию по сыну, дому.

Психологический портрет Алины представляет собой полную противоположность. Она признается Альберту в порыве откровения: «Так бы и осталась навсегда в этом городе. Жила бы в бунгало на тихом берегу, и никакой тебе суеты. Но при условии — рядом должен находиться любимый человек. Ведь я молодая, красивая и вовсе не разочарована в жизни. А вам нравится здесь?»

Игривый тон, маскирующий ожидание любви, доверчивость,

полное принятие ситуации и жизни формируют контрастный фон, на котором проявляются упадочнические интонации главного героя. По просьбе девушки ее новый приятель сбивчиво объясняет причину своей вынужденной эмиграции, которая лишь отчасти может объяснить состояние его крайней подавленности.

Альберта не спасает даже искреннее увлечение прекрасной юной девушкой, расцветающая любовь... Трагическое крушение великой страны, криминальный передел государственной собственности и превращение ее в начальный капитал российскими нуворишами в первые годы анархического капитализма не проговаривается, остается «за кадром».

Авторская поэтика базируется на нескольких художественных приемах, одним из наиболее распространенных является (как отмечалось выше) рамочная композиция, которая проявилась наиболее рельефно в таких рассказах, как «Натюрморт с чайкой», «Спаси меня, мой ангел». Другой художественный прием – описание так называемого измененного состояния сознания: видений, снов и особенно часто – промежуточного состояния. С их помощью достигается проникновение в сферу подсознания, сверхсознания, интуитивного, иногда – иррационального знания, скрытого в обычной ситуации внутренними цензорами – психологическими блоками, в социальной жизни – целым комплексом социальных запретов, табу и пр. Одной из сверхзадач творческого самовыражения А. Макоева (вероятнее всего, неосознанной) становится трансперсональная психология, преодолевающая границы эго, постижение целостной картины мира через недвойственность.

В рассказе «Мистер Ия» А. Макоев прибегает к художественному приёму открытия границ между миром мертвых и живых. Главный герой болезненно рефлексировать, видит сны о погибшей в автокатастрофе матери, в которых продолжается их бесконечный диалог, так что можно допустить, что «Мистер Ия» – продолжение сюжета рассказа «Остров гнома», а главный герой – выросший мальчик Тимур. Для героя умершая мать проявляет все признаки живого человека: «Это для вас она умерла, а для меня – нет. Тебе это покажется странным, но посуди сама: можно ли считать человека умершим, если он приходит к тебе, разговаривает, дает советы, если он возникает не только в памяти твоей как навсегда застывший образ, а постоянно живет в воображении. Ты узнаешь о нем каждый раз что-то новое, как о действительно существующем человеке, который также способен меняться, совершенствоваться и ошибаться».

В рассказе снова имплицитно реализуется тезис, типичный для всего творчества А. Макоева: нормальная человеческая жизнь несовместима с существующими законами реальности, поэтому столь настоятельной становится паранойя, побуждающая к суициду.

Ангелом-хранителем этой семьи оказывается молодая девушка Ия, живущая по соседству. Суицидальные попытки членов этой семьи – протест против жестоких реалий жизни; для каждой из них находится своя причина: в случае с Лелей – крушение всех надежд на обретение женского счастья, с ее племянником – острое неприятие социально-политической ситуации, которая открылась ему не сразу. Из длинного монолога главного героя проясняется история его жизни с центральной миссией строителя храма, который возводится с благоговейным чувством. Но постепенно открывается правда о том, что строительство – всего лишь повод отвлечь от реальных государственных проблем, подлинной реальности. Этой цели способствует лицемерная риторика государственных СМИ. Ситуация продолжается до тех пор, пока не становится очевидным, что строители храма – лишь заложники, которые «за идею» строят еще один объект на территории, обнесенной высокими стенами. В такой метафорически прямолинейной форме передан социальный протест главного героя, направленный против существующей государственной социально-политической системы.

Характерно, что главный герой «выплескивает» свои чувства перед девушкой, которую не видел с детства. Бесконечно длинный монолог почти не прерывается, носит больше декларативный характер, весьма слабо мотивированный художественной логикой и сюжетной детерминантой.

Так же, как в нескольких других рассказах, автором применён способ магического реализма, в рамках которого реконструируется экспрессивно-сюрреалистический образ: «А. очнулся от того, что его ткнули в спину чем-то острым. Перед ним стоял некто в широком, свисающем на плечах костюме. Вглядевшись, по голове, на которой остались лишь редкие клочья торчащих волос, и почти наполовину сгнившему лицу он узнал в нем Мистера Учителя... Нос полностью провалился, а верхняя губа тоже частично отсутствовала, отчего А. не понял первых слов. Тот продолжал тыкать его палкой, приглашая идти за ним».

На особенности поэтики кабардинского писателя указывает О. Абакарова: «Реформация академического синтаксиса – одна из наиболее характерных черт постмодернизма – характеризует... прозу А. Макоева. Ни прямая, ни косвенная речь в привычном виде не используются автором. Ни кавычек, ни союзов «что» и «чтобы», ни сложно-подчиненных предложений с опорными словами в главном предикате. Так может выглядеть аудиозапись «просмотревшего фильм», берущего на себя реплики героев и читающего их по ролям без предварительного объявления их принадлежности, и без того очевидной. Причем диалоги и монологи, описания и воспоминания записаны линейно... Подобная игра с текстом не отменяет наличия определенной идейной основы

произведения. За избитым сюжетом просвечивается глубокий смысл, кажущийся фантомным в ветвях житейских коллизий повествования».

Крен художественного сознания в сторону мифофольклорного дискурса, неореализма, постмодернизма, необарокко, магического реализма в литературе народов Северного Кавказа объясняется реакцией на общий кризис, попыткой его осмысления, преодоления. Последний можно весьма условно разграничить на социально-политический, идеологический, эстетический, включающий в себя, в том числе, кризис в области художественной литературы. Идеологическим и психологическим мотивом для формирования направления, акцентированного на форме или феномене некоего эстетизма, можно считать попытку преодоления типичных жанров соцреализма (критического реализма). Эта ситуация стала актуальной для писателей, заставших социалистическую эпистему, но достаточно молодых к моменту её завершения, чтобы при всем понимании остаться относительно интактными в отношении её влияния.

Говоря об эстетике и соцреализме, А. И. Алиева разделяет эти понятия как разнокатегориальные и несводимые. «Эстетика» в ее традиционном классическом понимании и содержании и «социалистический реализм» – понятия взаимоисключающие... Если эстетика – исходя из её природы – эволюционирующее учение о художественности, то «соцреализм» – категория идеологическая, философская прежде всего, и отсюда все особенности заданного властью и ею определённого, регламентированного эстетического метода».

Транслингвизм, характерный для русскоязычных авторов, в этой ситуации становится своеобразным медиатором, который во многом катализирует выход из кризиса. В первую очередь, он способствует тому, что современные процессы интеграции ведут к пересечению культурных связей, способствующих рождению новых смыслов, непривычных образов и даже синкретических литературных жанров на хорошо известном, но заново переработанном материале.

Литература

1. *Мурнаева Л. И.* Интертекстуальность в современной северокавказской русскоязычной прозе: дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Пятигорск, 2016. С. 92.
2. *Мурнаева Л. И.* Указ. изд. С. 133.
3. *Мурнаева Л. И.* Указ. изд. С. 113.
4. *Абакарова О. М.* Современная русскоязычная проза Кабардино-Балкарии: поэтика стилей и жанров: дисс. на соиск. уч. зв. канд. филол. наук. Нальчик, 2005. С. 139.
5. *Алиева А. И.* Национальная идея и эстетика социалистического реализма». *Нация. Личность. Литература.* Вып. 1. М. 1996. С. 79.

БЕЗДНА

На третьем курсе я ушел из института. Узнав об этом, родители перестали присылать мне деньги. Но домой, как они хотели, я не поехал, а устроился на работу, лифтером, что сулило мне много свободного времени, и начал писать роман.

Мне удалось недорого снять комнату почти в центре города, но в таком месте, куда не долетал шум проезжающих невдалеке автомашин. Моей хозяйкой была молодая ещё на вид женщина, старый муж которой был разбит параличом и прикован к постели. Отведенная мне комната с окнами, выходящими в маленький приусадебный участок с огромным орешником, находилась в мансарде добротного деревянного дома. Рядом с моей в доме имелась ещё одна комната, побольше. Её занимал одинокий мужчина, который появлялся редко, да и то только переночевать, но исправно платил каждый месяц вперед. В первый же год я задолжал хозяйке за несколько месяцев и не знал, как выкроить деньги из своей мизерной зарплаты. Мне едва хватало на еду и сигареты. Я прилично истратился, купив на зиму шапку и теплую куртку, а теперь надеялся, совершенно не представляя себе, сколь длителен издательский процесс, что публикация романа поправит моё бедственное положение.

Я вставал в пять или шесть утра и, перечитав за стаканом чая написанное накануне, приступал к продолжению. После трехчасовой утренней работы, когда обычно писалось легко, я шел в магазин и покупал с десяток яиц, булочки, банку кабачковой икры, иногда заменяя их пакетиком рисовой каши или какого-нибудь супа для разнообразия. После завтрака я выходил на улицу, чтобы немного развеяться, отдохнуть, и много при этом курил. Я не разбирался в сигаретах, вряд ли умел даже правильно курить, но мне непременно нужно было чем-нибудь заниматься в такие часы, и поэтому я приучил себя к курению, надеясь после окончания романа расстаться и с этим. Я всячески пытался отвлечься от мыслей о романе, а когда убеждался, что это мне не удастся, снова шел работать. Но очень скоро я начинал писать с неохотой: предложения получались нестройными, часто невразумительными, и всё чаще я ловил себя на мысли, что мне хочется заниматься чем-нибудь другим, только бы не сидеть над этим проклятым романом, от которого

давно устал. Я вылезал из-за стола и, думая о том, как много сил отдано рукописи, а конец не так близок, как казалось, выходил на узкий балкон покурить. Там я пытался читать, но каждый раз убеждался, что чужие книги сбивают с найденного тобою ритма, и откладывал это занятие,

Мне хотелось изобразить абсурдный, расколотый век, в котором я жил, через огромное философское полотно, где должна была присутствовать идея поиска своей матери – символ утерянного смысла человеческой жизни. Начав писать роман, я понял, что мое представление о мире совсем иное, чем у тех молодых людей, которых я знал. Я перестал общаться со всеми и, не желая видеться ни с кем, запер себя в этой каморке. Бывало, если я запасался продуктами и не нужно было идти в магазин, я по несколько дней не видел людей, кроме моей хозяйки, да и то лишь потому, что на кухню и во двор можно было попасть только через прихожую. Она иногда покупала мне на свои деньги свежие булочки, бутылочку кефира или пакетик супа. Выложив купленное на стол, она доставала из кармана тряпочку и начинала вытирать люстру, пыль с подоконника, выходила на балкончик и слегка журила меня за то, что забросал двор окурками. Затем подсаживалась к столу напротив меня, с любопытством рассматривала исписанные страницы, пыталась что-то понять, но скоро разочаровалась. «Да тут сам черт не разберется», – говорила она. – Так ты говоришь, по тысяче слов в день сочиняешь? Велика работа. Я, необразованная, и то смогу столько насочинять. Делать вам, молодым, нечего».

Она смотрела на меня ласковыми, немного усталыми глазами. Я чувствовал тогда, что нравлюсь ей, но не хотел никакой близости между нами только лишь потому, что она, здоровая женщина, страдает без мужчины, и на моем месте с таким же успехом мог бы оказаться кто-нибудь другой. Мне было неловко за нее и я старался показать ей свое безразличие. Я был уверен: прояви я хотя бы малейшее ответное чувство – она со слезами повиснет на моей шее, говоря, как она несчастна и как ей много приходится страдать из-за большого мужа, который никогда не любил её и, пока был здоров, как мог над ней издевался. О муже и о единственном сыне, который учится в столице и ради которого она вынуждена держать квартирантов, мне приходилось слышать довольно часто. Несмотря на то, что у неё был взрослый сын, выглядела она молодо и привлекательно. Муж был не намного старше ее, но теперь, то ли из-за дьявольской болезни, отнявшей у него нижнюю часть тела и речь, то ли еще почему-то, внешне он годился ей в отцы. Когда нужно было пересадить его с кровати в инвалидную коляску, она звала меня на помощь. Бледный, исхудавший, но всегда ухоженный, он зыркал глазами то на неё, то на меня, недовольно мычал, цеплялся слабыми руками за дужку кровати, желая остаться на месте. Я не понимал, что плохого он находит в том, что его хотят вывести во двор,

заросший густой зеленой травой, или на улицу, где он мог бы смотреть на играющих детей и прохожих. Оказалось – об этом я узнал позже, – его беспокоили и по другому поводу: когда к хозяйке приходили мужчины. Внизу, кроме одной большой жилой комнаты, кухни и прихожей, других помещений не было, и муж в таких случаях, разумеется, мешал.

В полдень я ложился спать, и после двухчасового сна, не приносящего, как правило, отдыха, продолжал валяться в кровати в ожидании моей девушки. Она проскальзывала в дом так незаметно, что хозяйке не удалось её ни разу увидеть, бесшумно приоткрывала дверь моей комнаты и представляла передо мной с неизменно печальной улыбкой на узком смуглом лице. Она одаривала меня нежным поцелуем, как умела одаривать, наверное, только она, и её легкая молчаливая тень, облаченная лишь забавы ради в одежду, садилась в темный угол и с грустью смотрела на меня. Неудивительно, что я не помню ее лица – память сохранила лишь слабые, приблизительные его очертания, – для меня она навсегда осталась подобием тени, но такой осязаемой, что стоит только подумать о ней, как вновь ощущаю теплоту её ароматных губ на своих и с горечью осознаю, что не оставил у себя какую-нибудь её безделицу, чтобы припадать к ней в минуты отчаянья, как к боже-ству. В темном взгляде её черных глаз угадывалась тоска моей подруги по уходящему лету, по далеким странам, где она мечтала побывать, по родительскому дому, из которого почему-то вынуждена была уйти навечно. Каждый раз я читал ей что-нибудь из написанного накануне, наиболее удавшиеся, на мой взгляд, места, и слушала она с благоговением, боясь пропустить хотя бы слово, и нередко вознаграждала мои старания тихими слезами. Затем я подсаживался к ней, легонько смахивал пальцем выступившие слезы и начинал её целовать. Забыв обо всем, мы целовались, пока изможденные мучительно длительным внутренним напряжением, задышающиеся от нехватки воздуха, вдруг не ощущали обжигающую боль на распухших губах. Тогда мне казалось, что люблю её, и думал о том, как счастливо смогу жить с ней после того, как завершу свой роман. А пока он не закончен и лежит на моем столе исчерканной-перечерканной грудой бумаг, для меня невысказано никакое счастье.

После того как она уходила, я ещё некоторое время ходил по комнате, думая о ней. Мне не хотелось оставаться одному, не хотелось окунаться в события романа, где всё было не похоже на мое счастье. В нём я пытался уместить вселенную в мой маленький родной городок, а извечную трагедию человечества выразить через заблуждения и страдания населяющих его людей. Усталым странником, возвращающимся домой после долгих скитаний, предстает герой с первых страниц. Дома его ожидает непонимание и презрение. Поначалу сюжет казался банальным и бесхитростным, но нити, которыми я хотел его связать,

стали рваться под напором нарастающего внутреннего напряжения, традиционные приемы в моем случае оказались неприемлемыми. Упорядоченный в начале поток описываемых событий к середине превращался в хаос: сотни персонажей начинали жить самостоятельной жизнью, что не позволяло развивать сюжет по задуманному плану. Сознание того, что многое я теперь написал бы по-другому, мешало мне двигаться вперед. Я далеко ушел от первоначального замысла и поэтому последние главы с трудом увязывались с начальными. Неужели бессонные ночи, наполненные мучительным поиском слова, кошмарами, слезами отчаяния и бессилия оказались проведенными впустую и нужно начинать сначала!

Из дома приходили письма с проклятиями и угрозой, что откажутся от меня, если не приеду в ближайшее время, с упреками, что я опозорил их перед людьми выбором себе такого бесполезного занятия. Нелепо было бы объяснять им, почему я должен написать этот роман. Этой работой я словно должен был оправдать свое пребывание на земле. И чтобы закончить её, я должен был начать сначала.

И снова я бросался в омут незрелых мыслей и полуосознанных впечатлений. Я словно пустился бежать по бесконечному кругу. Дни сменялись ночами и проносились в сумасшедшем потоке, в моем воспаленном мозгу вспыхивали яркие картины жизни, которые, не смея в них что-либо изменить, переносил прямо на бумагу, передо мной мелькали исписанные, исчерканные по несколько раз многочисленные страницы, и я порой сомневался, что начатый мною труд можно кончить в течение одной жизни. Иногда я сбивался с ритма, а вместе с тем куда-то исчезали заранее обдуманые мысли, и я останавливался, не представляя, что должно быть дальше. В такие минуты мне казалось, что не напишу больше ни слова, что я исчерпал себя, забывая время от времени восстанавливать силы. И тогда я кидался на кровать и, не стыдясь своих слез, уткнувшись в подушку, плакал. Но через несколько часов – обычно ночью – я выпадал из беспокойного сновидения и без подготовки продолжал писать. Спал я когда попало – под утро, днем, ночью – по часу или по два, но сном это никак нельзя было назвать: как только я закрывал глаза, возбужденное воображение затевало зрелищный хоровод персонажей моего романа, кошмарные видения сменяли одно другое. Я вставал ещё более уставший и разбитый. Но меня снова тянуло к столу, словно авторучка и чистый лист бумаги стали для меня своеобразными наркотиками, без которых моё существование становилось невозможным. Мне нравилось каждый раз писать много, а потом перечитывать написанное вслух, смакуя удачно найденные слова и выражения. Велико было то удовлетворение, которое я испытывал при чтении наиболее удавшихся страниц. Чувство, рождавшееся при этом, было больше и сильнее, чем то счастье, которое я когда-либо

знал, ради одной такой минуты уже стоило жить... После каторжной работы я выносил своё измученное тело на ночные пустынные улицы и бесцельно бродил по ним, покачиваясь от усталости, словно пьяный. С непонятным удовольствием я брел от магазина к магазину, разглядывая их скудные витрины, смотрел на печально светящиеся окна давно уснувших домов, надеясь увидеть чей-нибудь одинокий силуэт. Я думал о том, как за этими окнами спокойно спят люди, не ведая, что я есть и пишу книгу, которая, быть может, скоро ошеломит их неслыханной дерзостью фантазии её автора. Я долго так ходил, пока сознание моё становилось неспособным обработать какую-нибудь бесхитростную мысль. Испытав при этом приступ усталости, я чувствовал, что только теперь смогу уснуть. В таком состоянии, соблазнившись желанием где-нибудь прилечь и заснуть, я рисковал не дойти до дома. Я оказывался в своей кровати, совершенно не помня, где был и как добирался.

Иной раз я просыпался в жуткой немоте моего сознания и безуспешно пытался понять, где я нахожусь, до тех пор, пока рукопись, разбросанная на столе и на полу, не возвращала меня к реальности. Я понемногу переставал отделять себя от персонажей моего романа, с которыми не расставался даже во сне. В таком состоянии я, бывало, оказывался среди написанного, как в безмолвной снежной пустыне, не зная, куда дальше двигаться и что предпринять. В таких случаях я набело переписывал последние главы и шел с ними к редактору, которому время от времени показывал, как продвигается роман.

Редактор – маленький человек крепкого телосложения с большими залысинами на лбу, с неизменной папиросой во рту – встречал меня доброй усмешкой. Я был уверен, что он не взял бы для ознакомления три начальные главы моего романа, когда принес ему их впервые, если бы не приглянулся ему внешне. Он сказал тогда: «Это хорошо, что такой молодой симпатичный парень серьезно занимается литературой, мне уже интересно, что у такого молодца может получиться», – и, многозначительно улыбаясь, оглядел с головы до ног. Я заявил, что если издательство сочтет возможным издать мой роман после завершения сразу же, то я немедленно приступлю к его продолжению и закончу в короткий срок. Задыхаясь и кашляя от набранного в легкие дыма, он хрипло засмеялся. Лицо и кисти его рук сначала покраснели, а затем, от напряжения при кашле, приобрели синеватый оттенок, я за него даже немного испугался. «Хорошо, хорошо, – говорил он, довольный тем, что его рассмешили, – издадим, издадим, непременно издадим». Затем, успокоившись, он попытался сделаться серьезным и добавил: если, конечно, роман будет достоин этого. А потом снова и снова смеялся. Он сказал, чтобы я зашел через два-три дня. Я с радостью согласился и, уточнив, что сделаю это ровно через два дня и прямо с утра, выскочил на улицу.

Следующие два дня я провел в совершенном бездельи, бесцельно гулял по городу или валялся на берегу реки, а встречаясь с бывшими однокурсниками, рассказывал им, как в издательстве обещали напечатать мой роман. Мне хотелось предугадать оценку редактора, и я без конца перечитывал всё написанное, пытаясь взглянуть на мой опус его глазами. Результаты поражали меня: сначала я находил, что эти главы – великолепное начало большого философского романа, по которому уже можно судить об авторе как о весьма незаурядном таланте; затем я мог посчитать их неудачными: именно начало, которое мне так нравилось, теперь казалось растянутым, рыхлым, а, стало быть, дальше всё пойдет в этом ритме, к тому же на этих страницах я отыскивал ряд нелепых стилистических и даже орфографических ошибок и стыдился теперь своей уверенности в разговоре с редактором.

Рукопись через два дня прочитана не была. Он предложил зайти на следующий день, а лучше всего, конечно, записать номер его телефона и справиться по нему. Но и на следующий день я не узнал его мнения («очень был занят»), и через неделю («неожиданная командировка»), и мне вскоре стало безразлично его мнение, каким бы оно ни было. Спустя еще неделю один из многих звонков его обрадовал, и он велел немедленно ехать к нему.

Я застал его в закопченном папиросным дымом кабинете, сидящим над моей рукописью. Он встретил меня столь дружелюбно, будто знакомы были мы давно.

– Это, конечно, здорово, молодой человек. Говорю совершенно искренне – здорово. Правда, есть за что поругать, но таких мест немного и они легко исправимы.

Он встал и прошелся по кабинету. Я впервые тогда заметил, что он небольшого роста, разглядел на нем потертый костюм, на пиджаке которого виднелись две разные пуговицы, туфли были стоптанные, обыкновенные, какие продают свободно в наших магазинах. После этого робость и волнение, владевшие мной перед приходом сюда, исчезли.

– И давно ты начал писать? – спросил он, ласково улыбаясь.

– Всего с полгода, как вообще стал писать, – соврал я. На самом деле я уже почти три года безуспешно пытался сочинять небольшие рассказы.

– Не густо. Стало быть, у тебя всё впереди. Будешь расти на глазах. Из прочитанного заключаю, что объяснять тебе, что такое писательский труд, нет необходимости. Но знай, что этот труд, быть может, самый неблагодарный из всех. Будь готов ко всему. А про это, – он потряс в воздухе стопкой моих листов с началом романа, – скажу вот что: уж больно ты импульсивно пишешь, мне кажется, я бы сказал, рановато вываливаешь всё, что у тебя там набралось. Некоторые моменты кажутся недостаточно выношенными, отсюда их незавершенность. Нет,

не скажу, что много лишнего, ненужного из себя достаешь, напротив, от такого стиля возникает ощущение громадности, значительности описываемых событий, и отсюда, опять же, небрежность к слову. В общем, пиши и время от времени приноси мне показывать. Ей-богу, из того, что я прочитал, должно выйти что-нибудь оригинальное.

Потом я приходил к нему часто, без предупреждения, клал на стол ему несколько страниц, написанных накануне, и молча садился у окна. Он читал вдумчиво, сходу правя рукопись карандашом. «Этот кусок лучше прежнего, я рад», – говорил он каждый раз после прочтения. Но его одолевало сомнение в том, что по молодости своей и отсутствию опыта я смогу совладать с тем обширным материалом, который всколыхнул своим пером. Он советовал мне написать прежде хотя бы несколько рассказов, чтобы проверить свои возможности. Но я был неумолим. Мне казалось почему-то, что у меня осталось мало времени и я могу не успеть завершить начатое, будто в той стихии, куда я бросил себя не раздумывая, взявшись за этот труд, могло случиться непредвиденное, что помешало бы его закончить.

Мы с редактором подружились. Он разрешал приходиться к нему домой, в его однокомнатную квартиру, в которой теснились старый диван, круглый стол с одним стулом и двумя крашеными табуретками, стеллажи для книг и маленький черно-белый телевизор. Иногда он угощал меня холостяцким ужином. Он смущался, увидев в моих руках бутылку водки, купленную на последние деньги, говорил, что не стоило этого делать, но – что греха таить – любил это дело, и после небольшой возни на кухне мы садились к столу. За разговором мы не замечали, как вскоре хмелели, – он сразу же краснел, становился веселым, хвалил мой роман скупыми фразами, а потом говорил о недостатках и перечислял их такое множество, что я терялся. Я недоумевал: как после стольких, по сути серьезных, замечаний можно оценивать роман положительно в целом. «Ты не пугайся, – говорил он, – всё это можно выправить редакторской рукой, от этого никто не застрахован. Важно другое: «не убить в тебе Моцарта», если он на самом деле в тебе есть. А себя ты еще покажешь. Молодость – вот пока ещё твой козырь. Правда, в одном она помеха... Да не могу я принять того, что твой герой приходит к абсурдности человеческой жизни. Откуда тебе, мальчишке, знать, что может быть там впереди? О какой грядущей катастрофе ты хочешь предупредить? Какое право имеешь ты выносить обществу такой жестокий приговор? Да кто вас, молодых, обманул? Если хочешь знать, каждое поколение по-своему обмануто. Абсурдность – в отрицании вами самой жизни. В том, что мы существуем, уже есть какой-то высший смысл, своя правда, и её надо искать».

...Переписываемый заново, роман близился к концу. Если бы меня спросили, сколько я над ним работаю – год, два или четыре, – то не

смог бы, наверное, сразу ответить. Для меня перестало существовать время, я знал только о течении того времени, в котором жили мои герои. Я так увлекался работой, что иногда забывал поесть: заваренный чай и открытая банка кабачковой икры к вечеру покрывались плесенью, надкушенная булка черствела. Я понимал, что мне непременно нужно отдохнуть хотя бы день-два, набраться сил, но стоило мне забросить писанину и выйти в город на прогулку, как напор возникающих в сознании мыслей усиливался, требуя немедленного изложения. Я также знал, что был обречен находиться в таком состоянии до завершения этой работы. В новом варианте роман несомненно выглядел лучше: я удалил длинноты, без сожаления расстался со многими страницами, которые ничего не добавляли к уже написанному, исправил ошибки, указанные редактором, и, как он говорил, вещь стала крепче, жилистее. После завершения черновой работы я тут же, без отдыха, начал переписывать набело. Обеспокоенная хозяйка несколько раз в день поднималась ко мне проверить – не случилось ли что со мной. Осторожно ступая поверх разбросанных на полу листов, она подходила ко мне незаметно и прикладывала свою мягкую ладонь к моему лбу, а я сидел отрешенный, никак на это не реагируя, словно не замечал её присутствия. Она не понимала, как можно так работать, не жалея себя, говорила, что так недолго и в могилу сойти, но не слыша от меня никакого ответа, качая головой, так же тихо удалялась. Я и сам понимал, что извел себя и уже пишу на каком-то неучтенном запасе сил моего организма. Теперь уже скоро, думал я, скоро закончу и отдохну.

Рукопись я вручил редактору немедленно. Отложив личные дела, он окунулся в неё с головой и уже через три дня вернул с большим количеством пометок. Из них я исправил только то, что посчитал нужным, и на деньги, одолженные у редактора, отдал печатать. С ликованием я держал в руках отпечатанные страницы своего романа: как здорово, неужели это написал я! Редактор отдал читать мое сочинение нескольким людям, от которых зависело его издание. Большинство из них посчитало, что отдельные части и главы неравноценны: некоторые сделаны блестяще, другие очень неряшливо, и предъявили ряд претензий – всего около ста, – исправить которые означало написать новый роман. Больше всего нареканий вызывала сцена самоубийства героини: считая этот кусок сделанным лучше всего остального, многие советовали исключить его совсем и оставить героиню жить, дескать, её смерть неоправданна и усугубляет и без того гнетущую атмосферу романа. Я протестовал: никогда я не руководил действиями своих героев, их поведение складывалось само собой, я только записывал то, что, вызрев в глубинах подсознания, выплывало на поверхность. Этому процессу я полностью доверял и никогда не пытался в нем что-либо изменить. В противном случае всё выходило фальшиво. Да и какую смерть можно

считать оправданной, если каждый человек рожден на свет для того, чтобы жить. Я не принимал высказывания классика о том, что если в описании комнаты упоминается о ружье, висящем на стене, то оно в течение рассказа должно выстрелить. Я вводил в повествование много мелких незначительных деталей, которые, казалось бы, ни в коей мере не участвуют в развитии основной мысли. У меня они выполняли роль зеркальных осколков, собранных как попало, в которых отражались бы герои, или, в некоторых случаях, действуя на интуицию читателя, должны были вызывать необходимое состояние для восприятия основного момента. Моя героиня была из тех женщин, которые приносят себя в жертву ради любви. Её возлюбленный оказался не готов на подобное жертвоприношение, ему казалось, что предназначение мужчины в чём-то более высшем, чем просто любовь к женщине. Сложность и противоречивость его внутреннего мира погубили ее... Я не всегда мог объяснить то, что написал. Существовал непонятный даже мне закон, по которому выстраивалось произведение. Поэтому отклонить каждую из таких претензий стоило мне невероятных усилий. Но мой редактор считал их в принципе несущественными, последнее слово за главным, а он, как известно, благосклонен к молодым. Если по каким-либо причинам не получится издать роман у нас, то он, главный, обязательно поможет устроить его в какой-нибудь журнал. Многим талантливым молодым ребятам он уже помогал. В нём можно не сомневаться. Так говорил мой редактор. И рукопись осела у главного на несколько месяцев.

Я лежал в своей каморке и попросту смотрел в потолок в ожидании своей участи. Мне нечем было заняться, вернее, я ничего не мог и не хотел делать. Но я по-прежнему не знал, что такое сон. В коротких беспокорных снах я в мучительном напряжении правил одно, всего одно предложение: переставлял слова, менял эпитеты, а оно всё так же не выражало какой-то важной для меня мысли, не выражало ничего. Но я продолжал эту работу, хотя заведомо знал о безнадежности своих усилий. В моем воображении носились обрывки незнакомого мне текста, их становилось всё больше и больше, они были не из моего романа и не несли в себе никакого смысла, их безостановочно плодило моё воображение. В ужасе я выбежал на улицу и, оказавшись среди людей, надеялся отвлечься, но и это не останавливало бессмысленную работу мозга. Мой истощенный организм не мог дольше находиться в подобном состоянии: ещё каких-нибудь месяц-два, и случится непоправимое. Это я хорошо осознавал. Чтобы избавиться от такого странного материала, я стал выписывать всё это на бумагу – зрелище моим глазам представилось жалкое. Предложения получались чересчур длинные, хаотичные, с уродливыми словосочетаниями, не выражающими ничего, я даже не знал, где в них ставить знаки препинания. Ничего общего с недавно за-

вершенной работой. К этому ещё присоединялось обостряющееся чувство голода. Денег у меня по-прежнему не было, близким и друзьям я задолжал много, больше просить не позволяла гордость...

До сих пор не могу понять, как я решился на этот шаг. В одно утро, когда голод стал невыносим, я взял свой портфель и отправился в соседний магазин за яйцами. Не помню, как я зашел туда и взял то, за чем пришел, но, видимо, сделал это незаметно, поскольку меня никто не остановил. Когда я, придя домой, поел и голод на время отступил, то осознал, что денег за яйца не заплатил. Их у меня и не было. Другими словами, эти яйца я украл. От этой мысли мне стало так страшно, что я задрожал. Нет, в ту минуту я испугался не разоблачения и позора, — мне стало больно и обидно за себя, оттого что унизил себя подобной мерзостью.

У хозяйки было два жирных кота, за которыми она смотрела лучше, чем за мужем, — купание в специальных ванночках, расчесывание, прогулки, сон на мягких подушках, отборная еда в чистых тарелках. Кормила она котов в прихожей, и я, сидя на лестнице, не раз представлял себя уплетающим их кушанья, запах которых вызывал во мне и острый аппетит, и, в то же время, отвращение до тошноты. Понемногу я примирился с мыслью, что смогу преодолеть отвращение, и тогда, выждав момент, когда хозяйка уйдет, я быстро и бесшумно спускался по лестнице, вываливал добрую половину содержимого тарелки в свою и убегал наверх.

По-прежнему меня мучила непрерывная и усиленная работа мозга, теперь уже вызывающая сильные головные боли. Не могу объяснить, почему я не предпринимал ничего ради своего спасения. Ведь можно было вернуться к друзьям, уехать к другу на дачу, пойти в кино, на пляж или, наконец, обратиться к врачу. Я стал совершенно безволен, мне не хотелось никого видеть, ни о чем слышать, а тем более не хотелось просить чьей-либо помощи.

...Вчера ночью милиция забрала моего соседа по квартире — он оказался крупным аферистом. Я видел своими глазами, как его уводили, надменную улыбку на его гладко выбритом лице, онемевшую хозяйку, но теперь сомневаюсь: было ли это на самом деле, или мне приснилось. Я не мог в этом разобраться до тех пор, пока не пришла хозяйка и не сообщила, что завтра её вызывают в милицию для дачи каких-то показаний. Завтра... я понимаю, на что намекают — истёк последний срок, в течение которого я должен бы рассчитаться за многие месяцы проживания на квартире без оплаты. Завтра... впрочем, завтра мне нужно сходить к редактору, мы договорились с ним встретиться. А может, мы договорились с ним встретиться не в этот день? Я потерял счет дням. Встрепенувшись, я начинаю объяснять хозяйке, что завтра я пойду в издательство и узнаю о судьбе моего романа, там мне скажут, и непре-

менно скажут завтра, когда смогу получить свои деньги. Я сразу же рассчитываюсь за весь год, за который задолжал, даже вдвойне заплачу, денег-то у меня будет достаточно, чтобы позволить себе такое. Сверх того я дам денег, чтобы она послала сыну от меня – пусть бедный студент порадует, я сам был студентом и очень его понимаю. Вижу на её лице снисходительную улыбку, а на голове ощущаю её руку, нежно двигающуюся в моих волосах. Не застегнута последняя пуговица ее халата, полы которого неожиданно разлетаются и обнажаются красивые сильные ноги. От внезапного сладостного чувства наступает удушье и я, закрыв глаза, отдаюсь в ее власть... Затем я почувствовал облегчение, словно избавился от тяжелой ноши, даже опустошение.

После этого она стала приносить мне еду, я хорошо питался, но мне было противно воспоминание о случившемся. Мне не нужно было этого делать, я унизил только себя, я воспользовался её положением, я слабovolен. Неотступно мучают мысли об украденных яйцах. Пока не рассчитаюсь с магазином, пытка эта будет продолжаться.

...Был у редактора. Он сказал, что главный искал меня, хотел познакомиться, да только он, редактор, не знает, где я живу, и не смог устроить эту встречу. Сейчас главного нет – он будет дня через три-четыре, – но я ни в коем случае не должен надолго пропадать, ведь решается, можно сказать, моя судьба. Главный будто бы говорил: «Как виртуозно закручен сюжет, исполнено всё великолепно, несмотря на слабость некоторую в языке. Да, язык слабоват, но, заметьте, не везде: он как бы проваливается куда-то и начинает писать плохо. Но есть такие куски, чудо-куски, что аж сладкая дрожь пробирает, когда читаешь. А какая глубина мысли! Кстати, сколько ему лет?.. Двадцать два, говоришь?.. Начал в девятнадцать? И в такие-то годы... Это очень серьезная вещь, я тебе скажу. А сцена самоубийства героини! Как все точно передано в деталях! До сих пор перед глазами стоит...» Я был уверен, что редактор несколько преувеличил сказанное главным, чтобы поддержать меня. Но, странное дело, мне почему-то стало всё безразлично. Я вышел на улицу совершенно равнодушный ко всему. Одни лишь воспоминания об украденных яйцах и случае с хозяйкой продолжали ещё беспокоить меня.

Теперь, стоило мне подумать о том, что я написал удачную вещь и могу надеяться на успех, как тут же впадал в какую-то пугающую неопределенность и невольно начинал размышлять о том, что, переписав я роман ещё раз, то написал бы его по-другому. Это наводило меня на мысль, что я не выразил того, что хотел: не выразил сути человеческих исканий – образ печального странника, ищущего начало своего рода, свою мать, исчезнувшую при странных обстоятельствах, и, наконец, обретение героем призрачного смысла своего существования, оказалось не самым оригинальным приемом. Я вспомнил книги, где

это сделано лучше, и понял, как далеко до такого знания жизни, как у их авторов, и до такого мастерства, с которым они написаны. Моя мальчишеская вера в свою исключительность, в неповторимость того, что я могу написать, оказалась бредовой, а состязаться с кем-нибудь в том, в чем я не стану первым, мне не хотелось. Роман, на который я потратил три с половиной года упорнейшего труда, не принес мне удовлетворения.

Обстановка в моей комнате вызывала тягостные воспоминания о минувшей работе. При виде одного только стола вспыхивало мое воображение, и, не в состоянии с собой что-либо поделать, я принужден был возиться с бесчисленным количеством слов, безуспешно пытаясь составить из них упорядоченный текст. Несколько раз я собирался спросить у хозяйки разрешения перебраться в освободившуюся соседнюю комнату, но каждый раз или забывал это сделать, или не решался заговорить об этом по причине неуплаты долга. Если бы теперь меня не удерживали долги, то наверняка уехал бы к родителям и поступал так, как они того хотели. Но я не представлял себе, чем смогу заняться в дальнейшем, как жить, да и стоит ли жить вообще.

По ночам, притаившись у окна, я часами прислушивался к замирающим звукам города, и мой обостренный слух улавливал причудливые шорохи, доносившиеся отовсюду... Как-то в одну из таких ночей мне послышался стук чьих-то робких шагов в соседней комнате. За ними – тихий женский голос, лепечущий странные слова, смысла которых при всем старании я никак не мог понять. Несколько раз голос пытался запеть, но, круто исказив мелодию, тут же обрывался. В продолжение ночи эти шорохи и звуки вперемешку с неумелым пением и жалобными стенаниями не прекращались. Утром я хотел спросить у хозяйки, не пустила ли она в эту комнату квартиранта, но, испугавшись чего-то, промолчал. День прошел как обычно, за исключением, быть может, того, что я ещё раз ходил в магазин вернуть деньги, но, простояв возле кассы почти час, так и не решился на это. Вернувшись оттуда, я долго лежал на кровати, вспоминая ночное происшествие. Приходила хозяйка, спрашивала, отчего я невесел, пыталась обнять меня и поцеловать в немые холодные губы, но я, как-то глупо улыбаясь, увернулся и встал. На её лице изобразилось недовольство: мол, тебя содержат бесплатно, а если кто и пристаёт, то красивая женщина, чего тебе ещё надо? Я и сам не знал, чего мне надо.

Этой ночью повторилось то же самое, что и в прошлую ночь, и тихий голос, произносивший непонятные слова, шорохи и звуки, стали посещать меня каждую ночь. Иногда эти явления сопровождались жалобным плачем, не смолкающим до утра. Мне стало казаться, что плачет героиня моего романа, которую я довел до самоубийства, и эти ночные ужасы мне в наказание за то, что я обошелся с ней так жестоко.

Мне стало жаль её, и я начал подумывать, как бы забрать рукопись и изменить её судьбу. Но это было невозможно: она мертва, для меня она умерла навсегда, и как бы я ни пытался ей помочь, для меня она никогда не оживет. Во власти этих мыслей я как-то вышел в коридор и увидел там труп моей героини, висевшей на бельевой веревке, принадлежащей моей хозяйке. С каким ужасом я бросился назад в комнату! Ведь она висела точно так, как я описал в романе. Но почему на чистой бельевой веревке моей хозяйки? В романе была другая – толстая, вымокшая в грязной лужице. Несколько минут я сидел неподвижно в комнате за дверью, не решаясь снова выглянуть. Затем я внимательно осмотрел комнату, чтобы убедиться в реальности происходящего, и осторожно приоткрыл дверь. В коридоре никого не было...

Шумы в соседней комнате продолжались. К одинокому женскому голосу добавился мужской – грубый и повелительный, а ещё через несколько ночей возник и детский. В течение ночи не прекращались смех, позвякивание посуды и бесконечные разговоры, смысла которых я по-прежнему не понимал.

В эти дни я нашел у себя на столе два письма: одно со штампом издательства – оно было от редактора, – в котором сообщалось, что главный обещал устроить мой роман в какой-то журнал, а для этого в него необходимо внести кое-какие исправления, нужно срочно явиться в издательство и забрать рукопись для переработки; другое – из домоуправления, в котором меня ставили в известность, что я уволен с работы за длительные пропуски без уважительных причин. С холодным безразличием я отложил эти письма, пролежавшие до этого, видимо, уже несколько дней.

...Голоса наверняка принадлежали новым жильцам. Сомнений в этом у меня быть не могло, иначе пришлось бы согласиться с тем, что... Но почему хозяйка сама не сказала, что взяла квартирантов, ведь мы виделись почти каждый день? Хотя и было довольно поздно, я постучался к соседям, считая нужным, наконец, познакомиться. Голоса тут же стихли, и я понял, что там ко мне прислушиваются. Я постучал еще раз – тихо. Потом несколько раз подряд – в ответ ничего, кроме едва сдерживаемого прерывистого дыхания. А может, это моё дыхание? Может, там никого и нет? Стучу еще раз, уже сильнее прежнего, а потом ещё и ещё, с каждым разом все сильнее. Дергаю дверь – она закрыта. Не может быть, не может быть, чтобы там никого не было! Я стремительно скатываюсь по лестнице, врываюсь в комнату хозяйки, бужу её пощечинами, затем стаскиваю с постели и начинаю допытываться: пустила ли она квартирантов в комнату, что напротив моей. Она потирает сонные глаза и смотрит на меня в недоумении. Переходя на крик, я повторяю свой вопрос. В какую комнату? Она ничего не понимает. В комнату напротив моей, бешено кричу я, туда, черт возьми, где жил этот проклятый вор, уверен, её бывший любовник. Да что с тобой, говорит, уж не болен ли ты, родной мой, у тебя, кажется, температура, я

ничего не понимаю. Да чего вы не понимаете, ору я, вы ведь хотели впустить туда семейных, так впустили туда кого-нибудь? Отвечайте – почему вы молчите? Меня раздражает её глупая физиономия, на глаза мои накатываются слезы, я бесшумно плачу и говорю: я ненавижу всех вас, вы живете, как черви в земле, которую каждое утро орошают помоями, вы живете и думаете, что кому-то нужно ваше жалкое существование... Не болен ли ты, мой родной, говорит она, и поглаживает, пытаюсь успокоить. Это не ваше дело, снова кричу я, и трясу её ещё сильнее. Она может мне, наконец, ответить, кого впустила в ту комнату. Да ты сумасшедший, испуганно говорит она, что ты делаешь? Да, я сумасшедший, пусть она успокоится. Мне всего лишь нужно, чтобы она сказала мне:пустила кого-нибудь в ту комнату или нет? Да или нет? Так да или нет? Да никого я туда не впускала, говорит, можешь взять ключ и сам посмотреть. Я начинаю лепетать: что? да? там никого нет? разве там никого нет? этого не может быть... там никого нет?! – и тихо опускаюсь на пол.

ПОЛЁТЫ НА КРАЙ НОЧИ

28 марта 1991 года

Хмурый, с воспаленными глазами, не спавший четверо суток, он сидел в мятом без пуговиц плаще и время от времени прислушивался к разговору в приемной: там на вопросы дежурной сестры отвечала его жена. Рядом с ней находился его старший брат, он всё время горестно молчал, обхватив голову руками.

– Пожалуйста, фамилия, имя, отчество?

– Аркадий Владимирович К...

– Успокойтесь. Не надо так волноваться. Сколько лет?

– Тридцать два.

Услышав голос жены, больной немного приободрился, безумный взгляд его темных глаз, казалось, стал осмысленным и он чему-то улыбнулся, глядя на сидящего рядом с ним санитаря – рослого мордатого парня, равнодушно смотрящего в потолок. Иногда, встрепетавшись от какой-то тревожной мысли, больной бросал беспокойный взгляд вглубь длинного коридора, и ему слышался отдаленный лай собак, он отчетливо видел, как они появлялись из густой темноты и бежали к нему. И тогда он хватал за руку санитаря, прижимался к нему и с испугом указывал на подбегающих собак, а тот, ловко высвободив руку, внушительно говорил ему: «Сидеть!» – и поудобнее устраивался в кресле. На минуту видение исчезало. Потом в голове возникали другие, сопровождаемые гулким хаотичным шумом, из которого он поочередно выделял то невнятный ласковый шепот двух женщин, то

грубую мужскую ругань, переходящую в лай собак с обрезанными кровотокающими хвостами. Перед глазами вставала земля, сосущая молоко из коровьего вымени, обнаженная женщина, в чрево которой пытался влезть намазанный жиром мужчина, бормочущий о том, что он оттуда вышел и теперь хочет вернуться обратно и спрятаться от жестокого мира до лучших времен.

На короткое время он приходил в себя и тогда с ужасающей отчетливостью вспоминал вечер накануне, как оказался в квартире соседки, одинокой молодой женщины, разорвал на ней одежду и вцепился зубами в белоснежное тело. Он искал бы её до смерти, если бы на душераздирающие крики не прибежали соседи и не связали его. От этих воспоминаний ему становилось жутко, удушающая тошнота поднималась к горлу, он начинал жалеть себя, жену, маленькую дочь и, произнося «господи, я болен», беззвучно плакал, закрывая лицо дрожащими руками. В эти минуты он рассуждал совершенно здраво и не хотел для себя ничего, кроме смерти, чтобы забыть навсегда о случившемся с ним позоре и несчастье. Но через какое-то время он переставал ощущать какую-либо вину и даже, снова прогоняя в памяти некоторые эпизоды нападения на соседку, получал неизъяснимое удовольствие. Понемногу видения, заполнившие его воображение, подергивались какой-то странной красноватой дымкой и как бы удалялись от него, подобно улетающим вдаль птицам. И невольно следуя правилам ранее придуманной им игры, участвовать в которой под силу было разве что только ему, он начинал следить за возникновением мыслей в своём сознании. Провожая их – еще бесформенные – стайку за стайкой, он шел к зияющей черной дыре, но приблизившись, в испуге останавливался. Теперь его преследовал безотчетный страх перед этим черным пространством, куда раньше он легко и свободно мог проникать. И тогда его начинало лихорадочно трясти, он снова хватался за руку санитаря, который всё так же ловко возвращал его на место.

Появившаяся вскоре дежурная сестра велела идти. Он тут же вскочил и со словами «да, да, конечно; я всё понимаю» последовал за ней. Его завели в одноместную палату, находящуюся в конце коридора, сделали укол, чтобы снять возбуждение и успокоить до прихода врача. Он согласился со всем, что ему говорили и делали, затем лег на койку и, не успев ни о чем подумать, заснул.

2 апреля 1991 года

Заведующий отделением Хардашев ждал у себя жену Аркадия К. Он торопился в гости к знакомым, нужно было заехать за супругой, которая наверняка ещё не приготовилась, и от этого он нервничал, ругая себя, что назначил встречу в такое неудобное время. Однако, увидев на пороге кабинета молодую симпатичную женщину, тут же успокоился и

даже забыл заранее приготовленную фразу о том, чтобы посетительница как можно быстрее и короче изложила суть визита. Он и подумать не мог, разговаривая с ней накануне по телефону, что тот взволнованный с хрипотцой голос, прерываемый рыданиями, принадлежит столь обаятельной женщине. Он даже удостоверился: та ли это, кого ждет. Она села в предложенное ей кресло у края рабочего стола, закинула ногу на ногу с таким изяществом, что Хардашев не удержался и бросил мимолетный взгляд в манящую глубину ее короткой юбки. И в течение разговора не раз ловил себя на том, что, забывшись, поглядывает на ее обтянутые черным шелком стройные ноги. За время работы в больнице он многого навидался, привык воспринимать происходящее без удивления, но разительное несоответствие сидящей перед ним красавицы с тем жалким существом, которое было её мужем, поражало. Он попытался отчетливей вспомнить Аркадия К., но, кроме того, что он невзрачный, худой и гораздо ниже ростом своей жены, и припомнить-то ничего не смог. Представить, что они ещё несколько дней назад лежали в одной постели, оказалось для Хардашева невозможным.

Первое, о чём она заговорила, словно угадывая его мысли, что за прошедшие дни она выплакала все слёзы и лишилась всех жизненных сил, и поэтому может показаться чересчур спокойной перед несчастьем, обрушившимся на ее семью. Бесчувственность её – следствие глубочайшей депрессии. Она неспособна воспринимать что-либо и не чувствует ничего, кроме боли и страха за мужа. Без него она не мыслит счастья, жизнь её теряет всякий смысл. Она заплакала, но и сквозь слезы продолжала говорить. Если случится так, что ему нельзя будет помочь, она заберет его и будет за ним присматривать. А если его признают опасным для окружающих и оставят в больнице, устроится сюда работать, чтобы ухаживать за ним сама... Хардашев посмотрел на часы и подумал: потеряно столько времени, а он до сих пор так и не узнал, чего именно от него хотят. Решив, что просят разрешения увидеться с мужем, поспешил сказать, что у больного вчера был острый бред, сопровождавшийся высокой температурой, после чего на коже появились кровоподтеки. Сейчас ему лучше, он отдыхает, но видеться с ним кому-либо, а ей особенно, крайне нежелательно. Он не хочет делать пока никаких выводов – для этого необходимо понаблюдать за больным ещё несколько дней, – но одно может сказать с уверенностью: окажись её муж с таким приступом не у них, а где-нибудь в другом месте – спасти его было бы практически невозможно. Этим он хочет сказать, что для улучшения здоровья больных они делают всё возможное, а излишнее беспокойство родных и близких вряд ли поможет, скорее помешает. Вскоре он подробно расскажет о самочувствии её мужа и, разумеется, разрешит регулярно его навещать. После этого он посмотрел на часы и решительно встал. Но посетительница уходить не собиралась, она си-

дела, задумавшись о чем-то своем. Но, увидев, что Хардашев поднялся, быстро сняла с плеча узкую дамскую сумку, достала оттуда голубую общую тетрадь, свернутую трубочкой, и протянула ему. Она сказала, что это тетрадь Аркадия, в которую он записывал свои мысли, наблюдения и некоторые научные расчеты. Возможно, эти записи прольют свет на причину его болезни. Прочитав эту тетрадь, он поймет, что её муж – оригинальный ученый, хотя он и не опубликовал ещё ни одной из своих работ. В наше ужасное время, когда страну передергивают гримасы хаоса и беспорядка и миллионы людей оказались перед необходимостью переосмыслить извечный философский вопрос – в чем смысл жизни, – её муж предлагает систему взаимоотношений человека с окружающим миром, основанную на неисследованных его возможностях. Человек достаточно многосложен для того, чтобы без надрыва перевести себя в иное измерение, в иную систему ценностей, а сделать это теперь просто необходимо. С определенного исторического момента, тысячелетие назад (в записках можно найти более точную дату), человечество выбрало ложный путь и стало двигаться кровавой поступью к своей гибели, которая уже совсем близко. Человечество агонизирует, хотя, возможно, процесс этот и продолжится столетия. И таким, как Аркадий, предначертано увести мир с гибельного пути. Её муж открыл природу особой биоэнергии, которая возникает в критические моменты в обществе и становится причиной острой отрицательной ситуации. Считая физическое тело человека своего рода границей внешнего и внутреннего пространства, он предлагает трансформировать эту энергию из одного состояния в другое через призму воображения. Как это должно происходить, подробно изложено в тетради. Она надеется, что, прочтя её, он как специалист сам во всем разберется. Собственно, потому она и пришла.

На этом они распрощались. У дверей Хардашев в последний раз окинул посетительницу со спины взглядом и нашел её приятной во всех отношениях. Проводив её, он попросил санитарку найти ему молодого врача Айну, пришедшую на работу в больницу после института. Она нравилась Хардашеву, и он всячески её опекал в работе, даже помогал в подготовке её будущей диссертации. «Вот тебе, Айночка, сочинения твоего любимца, – сказал он, когда она появилась, – изучи и, как говорится, доложи об исполнении». – «Что это? – недоуменно спросила та, принимая тетрадь, свернутую в трубочку. – Чья она?» – «Да любимчика твоего из двадцать девятой. Что-то вроде записок сумасшедшего».

24 апреля 1991 года

(Из показаний И. Б. Хардашевой)

...Всё, что касается этого вопроса, можно было узнать из истории болезни К., но, раз вы настаиваете, могу коротко изложить суть дела.

Аркадий К. поступил к нам 28 марта поздно ночью. Осмотрев его, а также пронаблюдав за ним в течение нескольких дней, я установил следующее. Заболевание протекало приступообразно. Клиническая картина приступов характеризовалась помрачением сознания, обилием и разнообразием кататонических расстройств. К моменту поступления в картину болезни преобладало резко выраженное патетическое возбуждение с импульсивностью, растерянностью, восприятием окружающего иллюзорно-фантастическим образом, с проекцией фантастических картин во внешний мир, перевоплощением в образы других лиц. Возникающее возбуждение отличалось хаотичностью, нецеленаправленностью, бессмысленностью: больной был моментами агрессивен, яростно сопротивлялся окружающим, наносил себе повреждения, совершая все перечисленные действия молча. Нарушение ориентировки, обилие ложных узнаваний, фантастические представления, а также последующий рассказ об остром периоде свидетельствовали об онейроидном помрачении сознания.

При поступлении язык был обложен коричневым налетом, в глазах стоял лихорадочный блеск, зрачки расширены, губы запекшиеся, на предплечьях, голенях, туловище кровоподтеки. Мышечный тонус то повышен, то резко ослаблен. Со второго дня пребывания к вечеру наблюдалось повышение температуры. В отдельные дни отмечалась так называемая температурная инверсия: в утренние часы она оказывалась более высокой, чем в вечерние. По ночам больной не спал только первое время. Обследование внутренних органов отклонений не показало. При анализе крови и мочи патологии не обнаружено. На четвертый день начато лечение аминазином (300 мг в сутки)...

Скажу прямо: после того, что произошло, сознаю поспешность своих выводов, хотя... фантастичность случившегося до того изумляет, что не представляю даже, как ко всему этому подступиться. Уверен, многое стало бы понятно, имей я на руках тетрадь К., которую у нас поспешили изъять и которую – каюсь – я так и не нашел времени просмотреть. Когда ее принесла мне супруга К. и довольно туманно рассказала о проблеме, которой занимался ее муж, я не принял всерьез того, что услышал. Глаза больного – вот та тетрадь, которую я читаю в подобных случаях, и, поверьте, они редко обманывают меня в моих предположениях. Хотя уже случай с собакой должен был меня насторожить... Дело в том, что на седьмой день больной почувствовал себя лучше. Лихорадочный блеск глаз пропал, губы зажили, приобрели сочный вид, кровоподтеки стали рассасываться. Словом, абсолютно нормальный человек, если не учитывать, конечно, некоторую депрессивность состояния и худобу тела. Я несколько раз пытался с ним поговорить, но он уклонялся от разговора. Видя, что пациент поправляется, я не стал его беспокоить и предоставил заниматься им моей помощнице Айне,

с которой они уже нашли общий язык. Вскоре Айна попросила меня предоставить К. большую, нежели другим, свободу в передвижении по больнице, разумеется, под её присмотром. Она сказала, что К. желает совершать прогулки в то время, когда во дворе нет других. Я согласился. Через день во время обхода я нашел его в палате, всего искусанного собакой. Я решил, что на прогулке на него напала одна из тех бродячих собак, которых в районе больницы огромное множество по причине близости городской свалки. Мы не раз прогоняли этих собак с нашей территории, хотя, признаться, ранее особого беспокойства они нам не доставляли, тем более никогда ни на кого не нападали. Я нисколько не сомневался, что его покусала собака, и не мог внять слезным клятвам Айны, что К. в этот день никуда не выходил. Отчитал ее и, разумеется, лишил К. привилегий...

25 апреля 1991 года

(Из показаний Зои К., жены Аркадия К.)

..Можно понять, сколь унижительно было моё положение, положение женщины, муж который лишился рассудка. Однако сначала не это меня беспокоило. Как только я пришла в себя от отчаяния, первое, что решила сделать, – помочь врачам понять причину его болезни, преодолеть трудности, с которыми они непременно столкнутся. Ведь никто, кроме меня, не мог это сделать. Я договорилась с Хардашевым о встрече и передала ему тетрадь с некоторыми работами мужа, должными помочь ему войти в мир идей и мыслей Аркадия. Я надеялась, что, прочитав их, он увидит феномен особого – умственного ли, душевного ли – расстройства, ибо никогда не верила и не поверю, чтобы Аркадий, который познал такие таинства человеческой души, мог стать жертвой столь прозаической болезни. Хардашеву я попыталась рассказать о тех неизведанных пластах человеческого сознания, на которые вышел Аркадий в ходе своих экспериментов, но он куда-то торопился и слушал меня невнимательно, только из любезности.

Теперь, после того, что произошло, я увидела, сколь велико желание специалистов разобраться в феномене личности моего мужа. Я уже обстоятельно изложила все, что могло их заинтересовать, также передала им и все рукописи мужа. Тешу себя надеждой, что эти материалы будут опубликованы и дело мужа найдет своих продолжателей, несмотря ни на что. Здесь же, к предыдущим своим показаниям, могу сделать лишь незначительные дополнения, не высказанные ранее по различным соображениям: либо по причине их сугубой интимности, либо малозначимости.

Начну с того, что Аркадий разработал метод, по которому он, а позднее и я, могли перевоплощаться в различные предметы. Они как бы становились носителями наших душ, им передавались наши знания

и опыт. Упражнения с предметами были самыми простыми, они мне легко удавались. Как-то в зимний день я вернулась домой и тут же принялась гладить. Чтобы быстрее согреться, я представила себя уюгом. По всему телу я сразу же ощутила приятное поглаживание. Но тут в уюге замкнули провода и он сгорел. Я не могла коснуться этих проводов, они по-прежнему оставались изолированными, но я упала в обморок, почувствовав перед этим жжение в груди. К счастью, поблизости оказался муж и привел меня в чувство. Он строго-настрого запретил мне упражняться с такими опасными предметами.

Все эти упражнения с перевоплощением в предметы он осуществлял систематически, так как вызванное при этом внутреннее состояние, необходимое ему для дальнейшей работы, сохранялось в нём недолго. Такие переходы нужны были ему для того, чтобы понемногу избавиться от стереотипа восприятия окружающего мира. Кроме того, он довольно успешно применял перевоплощение для снятия напряжения, депрессии, нежелательных возбуждений. Поэтому он любил перевоплощаться в дерево, стоящее под нашими окнами. Я освоила самые простые приемы перевоплощения, которые посильны каждому. Но то, что он видел и открывал в душе человека, перевоплощаясь в других людей, вряд ли будет доступно мне или кому-нибудь еще...

То, что я хочу сейчас рассказать, не делает мне чести – это следовало бы держать в тайне, – однако цель, которую я преследую, оправдывает меня.

Прежде всего, должна заметить, что я любила своего мужа и не представляла себе другого спутника жизни, кроме него. Но... на четвертом году совместной жизни, когда после родов я, наконец, вышла на работу и снова оказалась среди людей, мне неосознанно захотелось какого-то разнообразия и остроты чувств. Впрочем, я смутно понимала, чего именно мне хотелось, но к тому времени на наши отношения с мужем наложился некий оттенок обыденности, в них не хватало многомерности, казалось, всё происходит в одной плоскости. Считая себя привлекательной женщиной, я начала ловить взгляды мужчин, интересовавшихся мной, в которых недостатка не было – работаю я секретарем начальника, а коллектив у нас сугубо мужской. Но, поверьте, делала это без мысли как-то сблизиться с ними. Но в моей жизни появился юноша, которого я искренне желала – всякие игры на подобную тему неминуемо приводят к такому концу. Причем я вовсе не стремилась к реальной близости – мне довольно было одних мыслей о нём. Это была лишь игра моего воображения. Вот тогда и случилось то, о чем, собственно, я и хотела рассказать. Занимаясь любовью с мужем, я стала представлять себя в объятиях юноши, и это меня забавляло. Но понемногу я увлеклась и, несмотря на то, что, будучи с мужем, получала большее удовольствие, чем раньше, – он насторожился. Я было

устыдилась воображаемой измены и решила больше не думать о том юноше, как вдруг Аркадий со спокойствием обреченного человека произнес: «Вот ты и начала мне изменять». Я испытала такое мерзкое чувство, словно он на самом деле застал меня в постели с другим. Но каким образом он мог догадаться о моих мыслях?! Я ведь ничем себя не выдала. От опустошительного чувства безысходности я заплакала. Он долго молчал. От пустоты в его глазах мне было страшно. Я понимала, что должна ему сказать: всё это бред, фантазии, возникшие оттого, что он долго работает по ночам, я никогда не смогу ему, отцу моего ребенка, изменить, но в то же время отчетливо осознавала – этот человек посвящен в тайны моей души. И поэтому я молчала, не в силах вымолвить ни слова. А потом заговорил он, заговорил спокойно и уверенно, бросая слова в тусклый сумрак комнаты: мне казалось, они накапливаются там, во мраке, им становится тесно, и они начинают сдавливать меня всё сильнее. «Каким образом он проник в мою тайну?» – не оставлял меня вопрос. Ведь тогда я ничего не знала о его опытах.

Он же, как мне стало ясно, стал в меня вживаться. Все особенности моей натуры, слабости мои и привычки, он изучил не как человек, наблюдающий со стороны, а изнутри, как будто их носителем был он сам. И познал меня настолько хорошо, насколько наблюдательный человек, дотошно изучающий свой внутренний мир, мог изучить самого себя. В моё отсутствие, когда он оставался дома один, начинал подражать мне в движениях тела, рук, ног, глаз, в мимике и жестах. И за редким исключением научился безошибочно угадывать тот порядок мыслей, те ассоциации, которые возникали у меня. Более того, перевоплотившись, он стал испытывать и те недомогания, в том числе и женские, которые испытывала я. Впоследствии рассказывал, что не раз испытывал даже родовые муки, и то, как он говорил о них, позволяло сделать вывод – он пережил эти ощущения, а отнюдь не предугадал.

От слов Аркадия я словно оказалась в ином измерении, где привычный порядок вещей виделся бессмысленным и нелепым. Я осознавала теперь, что, безвольно подчинившись какому-то родовому сознанию, превратила свою жизнь в жалкое, лишённое всякого смысла существование. Моральные и нравственные нормы, выдуманные людьми, далеко не посвященными в тайны души и тела, сковали меня, словно тяжелая цепь заключенного, и я стала замечать у себя развитие одного недуга за другим. Аркадий понял скрытую от меня самой причину соблазна изменить ему. Он знал, в какую темницу попадет душа человека с неудовлетворенным желанием. Вот тогда и начались наши полумистические игры, в которых я играла роль жены-изменницы, а он – моих партнеров, желаемых мною. Он с поражающей воображение точностью каким-то образом заставлял меня поверить в то, что это

именно они, а не он, находятся в данный момент со мной. И я ощутила ту многомерность, о которой мечтала, и уже не хотела видеть и знать никого из мужчин, ибо все они представляли только самих себя, а мой муж – всех их одновременно. Все люди стали казаться мне слабыми и беспомощными. Все, кроме него.

Моими словами не передать всю сложность процесса его трансформации в других людей, хотя мне он рассказал об этом вполне доходчиво, скажу только, что я была ошеломлена произошедшим. Подумать только: уметь вживаться в других, предвосхищать их мысли и желания, понимать их, управлять ими! Какая чудовищная и вместе с тем манящая бездна открылась вдруг передо мной. Я почувствовала себя совершенно другим созданием, способным на многие, невероятные по человеческим представлениям вещи. С этого дня переменялся весь порядок и смысл моей жизни...

26 апреля 1991 года

(Из показаний Айны М.)

...От первого посещения Аркадия К. у меня осталось довольно странное впечатление. Он сидел на кровати, закутавшись в одеяло. На мои вопросы не отвечал, казалось, в глазах его застыла вселенская печаль. А когда я стала настаивать, чтобы он рассказал мне о своем состоянии, едва слышно выговорил: «Оставьте. Я прекрасно понимаю, что со мной произошло. И если сам себе не смогу помочь, то вам это не удастся и подавно». При этом он смотрел так осмысленно, что невольно заставлял поверить в его слова. Вопросы, с которыми я к нему обратилась, показались мне по-детски наивными и смешными. Потом он сказал: «Вы мне очень услужите, если попросите свое начальство выпускать на прогулку не со стадом этих идиотов, а отдельно, в другое время». Я, сама не знаю почему, обещала ему помочь. И тут же побежала к Хардашеву, сказала ему, что этот пациент совершенно здоров – достаточно поговорить с ним и посмотреть ему в глаза. Я была взволнована и не понимала, что со мной происходит. У меня подскочило давление, дрожали руки. Хардашев принялся меня отговаривать: «Какой же он здоровый? Видела бы ты его два дня назад. У него был острый бред. Ты понимаешь, что это такое? Мы еле его спасли. Следующий раз зайдем к нему вместе, и я покажу тебе, как таких умников надо раскручивать». А я стояла и дрожала, словно находилась под воздействием какого-то поля, ступить за границу которого почему-то не смела.

К. отказался говорить о своей болезни даже тогда, когда мы зашли к нему вместе с Хардашевым. Но, уступая нашей настойчивости, попросил принести бумаги и ручку, пообещав изложить всё, что нас интересует. Через два часа мы получили подробный рассказ о его ощущениях во время приступа и самочувствии в последующие дни. Про-

анализировав картину приступа, описанную самим больным, Хардашев сказал, что его предположения оправдались, и назначил лечение. На следующий день он вызвал меня и передал тетрадь К. Изучение этой тетради вызвало эффект разорвавшейся у меня в руках бомбы. Я, конечно, знала, что в определенном состоянии человек может увидеть своих предков, умерших столетия назад, стать очевидцем своего рождения, ощутить себя в шкуре зверя, которым он был якобы в прошлой своей жизни. Меня интересовали эти эксперименты, но не больше. Дело в том, что с нашей привычкой жить, как все, с нашим стремлением к одним и тем же благам и приверженностью к одним и тем же ценностям невозможно долго находиться в состоянии, совершенно отличном от других. Быт устроен таким образом, что быстро возвращает нас в привычную систему взаимоотношений. Состояние же, предложенное Аркадием К., привлекало тем, что оно предусматривало постепенный и многоступенчатый переход в него, при котором исчезают привычные связи с миром. Его теория предполагала перенесение человека в такое измерение, что знакомыми нам понятиями и выражениями трудно было дать определение самому человеку. Всему происходящему с ним К. пытался дать научное объяснение, приводя многосложные формулы, чертя графики и шкалы. Рассказывать о его опытах я не стану – они подробно описаны в тетради, – остановлюсь только на том, что связано с укусами собаки. Когда это произошло, я уже знакомилась с тетрадью, но не дошла до страниц, объяснявших произошедшее. Поэтому, зная, что К. в этот день не выходил из палаты, была в недоумении. Когда же прочитала об этом, тут же побежала к Хардашеву, но он не захотел даже меня слушать: «Мне с трудом удалось замять этот собачий скандал, – сказал он, – а ты все фантазируешь». Больше я к нему не обращалась. Продолжала читать тетрадь и с каждой страницей изумлялась все больше. Опыты были описаны так ярко, что мне казалось, я смогу их повторить. Самое трудное – это трансформация себя в другого человека, с полным подключением к его мозговому, зрительному, слуховому центрам, дабы считывать всю поступающую к нему информацию. Да и не только считывать, но и посылать ему. Выбранный «объект» должен подчиниться тебе настолько, насколько прочно ты сумел в нем воплотиться. В какой-то момент я усомнилась в допустимости излагаемого. Обладая развитым воображением, можно представить себя кем или чем угодно, но не более. Дальше чудеса заканчиваются. В этом случае пришлось бы признать записи в тетради плодом расстроенного воображения, но как быть тогда с формулами и графиками, которые в столь стройной и логической последовательности вряд ли могли быть изложены человеком, лишенным рассудка. К тому же опыты его производились не на уровне воображения, а осуществлялись через какие-то непознанные биоэнергетические поля. Ведь та же собака, оставившая

кровоточащие раны на теле К., вряд ли существовала в действительности... Когда я дошла до страниц в конце тетради, рассказывающих о том, как К. пришла в голову идея создать свою «Антифизическую теорию единства и взаимодействия полей», то решила: вот она нить, ведущая к разгадке. Ночь в степи, строительный отряд, в котором К. работал в студенческие годы, и... Он описывает, как отошел от палаток на значительное расстояние и костер виделся маленькой огненной точкой, лег в траву. И вдруг вообразил себя волком, вышедшим на ночную охоту. Конечности свои и тело он мысленно представил волчьими, идентичными, разумеется, настолько, насколько он располагал сведениями об этом звере, принялся фантазировать, какие мысли могут возникнуть в зверином мозгу, глядя на огонек, вокруг которого мелькают человеческие тени. Он прокрутил в памяти всю «свою» волчью жизнь, мысленно лизнул рану, полученную недавно в бою с вожаком, вспомнил подругу свою и детенышей, ждущих добычу... И когда он вздрогнул от крика ночной птицы и вскочил, то, не раздумывая, свернул в сторону подлеска и быстро побежал. Лишь потом, остановившись, задумался и удивился своим действиям: люди, силуэты которых мелькали возле костра, чужды ему, они его враги...

9 апреля 1991 года

Утром, когда Хардашев и Айна зашли к Аркадию, он стоял у окна, глядя на мокрые после дождя деревья. Услышав звук открывающейся двери, повернул к ним небритое, отекающее лицо. Хардашев попросил его присесть на койку, а сам пристроился возле него на стуле.

– Глядя на ваше лицо, глупо спрашивать, как вы провели ночь, – сказал он. – На что жалуетесь?

– На всё, – ответил Аркадий, давая этим понять, что не желает разговаривать.

– Да-а, – протянул Хардашев. Достав из кармана халата блокнот, он сделал в нём какую-то запись и продолжил: – Не хотите говорить – не надо. Мы про вас и так узнаем всё, что нужно. И вылечим, дорогой, обязательно вылечим. Вы только верьте в это и не подводите нас больше... Ну что ж, раны заживают как на... Быстро заживают, надо сказать. И надо же было такому случиться! Здорово же она вас отделала. А может, на вас несколько собак сразу напало? Ума не приложу, как этого никто не заметил. Вы только не бойтесь теперь выходить на прогулку. Погода сейчас замечательная. Вот и Айна вызвалась вас сопровождать.

– Я просто поражен: неужели всем собравшимся здесь оказывается такое внимание?

– Разумеется, нет. Вы у нас на особом положении. Как... пострадавший. Да к тому же, согласитесь, большинство из наших пациентов не смогут оценить такую любезность. А вас Айна называет ангелом,

поверженным уродствами земной цивилизации. Да, она так именно и сказала.

...Выглянувшее к полудню солнце подсушило землю. По аллеям небольшого скверика мирно прохаживалось несколько пациентов. Вышли Айна и Аркадий.

– Хардашев, наверное, через вас хочет узнать, какая собака меня укусила, – сказал Аркадий.

– Во-первых, он меня ни о чем не просил, во-вторых, он и в самом деле уверен, что вас покусала бездомная собака.

– А разве вы считаете по-другому?

– Да, считаю.

– Стало быть, вы всё знаете... И тетрадь, конечно, прочитали. Я был уверен, что жена покажет мои рукописи психиатрам, лишь бы спасти меня. Этого ей не стоило делать. Да и кто их поймет? Хардашев, который уверен, что больного можно вылечить одними лекарствами? Вы? Признайтесь, вам приятно, что я наконец заговорил. Вам, конечно, хочется узнать, каким образом на моем теле появились эти царапины и укусы. И, само собой, вы до сих пор сомневаетесь – верить или нет. Не так ли?

– Да, так.

– Очень хорошо. Вы мне нравитесь. Должен признаться вам, что в последние дни я обращался в вас: пил воду из одного стакана, спал с вами в одной постели... И нашел в вашей душе столько чистого и прекрасного, столько возвышенного, что не могу не сказать: бегите! Бегите отсюда. Не место вам здесь. Вы только начинаете жить, вам рано еще знать, что мир так уродлив. Даже если вы добьетесь успехов на этом поприще, уверяю, это не умножит вашего счастья.

– Но вы-то сами принялись даже изучать это уродство, пытаетесь изменить мир.

– Я не пытался его изменить. Я хотел изменить мое восприятие. К тому же я – другое дело. У меня в жизни было всё иное, и прежде всего детство. Иной раз мне кажется, что его и не было. В шесть лет я испытал невероятно сильное потрясение, узнав, что смертен, и эта определило мою дальнейшую судьбу. Все эти годы, кажется, не было дня, чтобы я не думал о своем исчезновении. И уже в детстве затаил в себе злобу против этого мира и людей, его населяющих, перед равнодушным взором которых мне будет суждено уйти из жизни. Я ненавидел всех, с кем мне приходилось соприкасаться, словно считал, что умереть суждено только мне одному, а все другие будут жить. Но в то же время я никогда не делал никому зла, никого не обманывал, изгоняя любую мысль, несущую хоть каплю корысти. Всю жизнь ожидал какого-то знамения. Я был уверен, что мир обо мне услышит, хотя не представлял, в какой именно роли мне суждено выступить. И вот создал свою теорию,

свою, если хотите, модель мира. Но это не просто модель, а своего рода оружие, которое может быть использовано человечеством против себя самого. И силу этого оружия было суждено узнать первому мне, его создателю. И это хорошо. Хорошо, что на мне всё закончится: я первая и последняя жертва его. Уверен, мои другие тетради уже растасканы моими друзьями под разными предлогами, переписаны, размножены. Но это ничего не даст. Без меня, без заветного слова, которое я один знаю, никто не сможет эту модель привести в действие. Она мертва. Я не так глуп, чтобы доверить это бумаге. И ключик этот унесу с собой...

Айна ни о чем не спрашивала. Ей немедленно захотелось взять снова тетрадь и перечитать.

...Вечером, когда она вновь зашла к нему, Аркадий сидел, завернувшись в одеяло, была видна только его голова. Глаза его лихорадочно блестели, пересохшие губы жадно ловили воздух.

– Что с вами, у вас жар? – бросилась к нему Айна.

– Не подходите, – резко сказал Аркадий. – Всё уже прошло. Посидите со мной, если у вас есть время. Но только в сторонке. Это лучшее, что вы можете для меня сделать. – Он несколько раз провел рукой по своему лицу, как бы снимая с него незримую паутину, и продолжил: – Знаю, так здесь ни за кем не смотрят. Один в палате... просто роскошь. Но меня хотят перевести в общую. Хардашев уже об этом думал. Уговорите его не делать этого – я там не вынесу и дня. Я сейчас слишком слаб, чтобы заставить его делать то, чего хочу.

– Он ничего мне об этом не говорил. Не волнуйтесь, всё будет хорошо. А сейчас давайте сделаем успокоительный укол.

– Не стоит. На меня он не действует. Вы забываете, что моя болезнь носит совершенно иной характер, чем те, которые вы лечите. Впрочем, вы мне всё ещё не верите. – Он тяжело вздохнул, затем сморщил лоб, пытаясь что-то припомнить. – Я хотел вам что-то рассказать, но забыл... Ах, да. Четвертого марта умер мой отец. С этого все и началось. Вы знаете, у нас на похоронах нужно долго стоять во дворе, принимая соболезнования родственников, друзей и знакомых. А в тот день было очень холодно. И я заболел. У меня был сильный жар. И вот, будучи в таком состоянии, отчетливо вспомнил случай из детства. У нас была собака, к которой я был очень привязан. Но она состарилась и целыми днями лежала в саду. Отец завел другую собаку, а от старой решил избавиться. Никак не реагируя на мои слезные просьбы, он несколько раз её прогонял, но она, на мою радость, неизменно возвращалась. А потом исчезла и больше не вернулась. На мой вопрос, куда она подевалась, отец отвечал, что понятия не имеет. Спустя несколько месяцев, отец, подвыпив, признался, что отвез её на мусорную свалку и, сунув в мешок, чтобы не видеть ее глаза, огрел ломом. От его рассказа мне стало жутко. Утром я пошел на свалку и нашел тот самый мешок. Раз-

вязал его и увидел весь в червях труп моей любимой собаки. Можете вообразить, какие чувства я испытал. Я возненавидел отца и долго не мог ему простить совершенное. Со временем забыл об этом случае... Но недавно, через несколько дней после смерти отца, вспомнил о собаке, и теперь тень её постоянно преследует меня, словно я виновен в её смерти. – Аркадий вдруг нервно откинул одеяло и скинул халат: – Смотрите, это следы от укусов собаки-призрака, она отомстила за себя, отомстила мне, взявшему вину отца на себя. Понимаете, что произошло? Вы представляете, как очистится душа человека, если боль, которую он причиняет другим, отразится на нем?! Вот они, эти следы! А вы думали, что была другая, настоящая собака... Со мной теперь происходит нечто невероятное: я не в состоянии контролировать свои перевоплощения. Налаженный механизм перестал мне подчиняться. Помимо моей воли и желаний мой дух может устремиться куда и в кого угодно. Я могу превратиться в дым от сигареты, что курит вот тот старичок за окном, и улететь вместе с ним, улететь навсегда. А здесь, рядом с вами, останется лишь мое мертвое тело. Вы понимаете, что я с этим ничего не могу поделать?

Айна молчала. Когда их взгляды встретились, Аркадий рассмеялся:

– Я понимаю ваше молчание. Немало исповедей, подобных моей, здесь можно послушаться. Вы можете ничего не говорить... Знаете, вчера ночью я летал во сне.

– Это же чудесно, – оживилась Айна. – Если вы летаете во сне, значит, поправляетесь. Это свидетельствует о том, что недуг не властен больше над вашим организмом.

– Думаете? Но вспомните, в каком состоянии вы застали меня. Я взлетал высоко, а потом неожиданно падал вниз. Мне кажется, если бы не проснулся до момента соприкосновения с землей, то разбился бы. Я боюсь. Поймите, для меня не существует сна, в котором тебя проглатывает крокодил, а проснувшись, ты оказываешься невредимым. Все мои сны происходят наяву. Я боюсь сомкнуть глаза.

– Не волнуйтесь. Все будет хорошо. Вы слишком большое значение придаете своим мыслям. Вы выздоравливаете, я в этом абсолютно уверена. Меньше анализируйте свои мысли. И всё будет хорошо. И лекарства надо принимать. Я слышала, вы от них отказываетесь. Но вас ведь всё равно заставят. Лучше добровольно. Вы сами всё прекрасно понимаете. А теперь отдохайте.

На этом они расстались. Через час к Аркадию зашла медсестра сделать ему укол, но он категорически отказался, потребовал к себе Хардашева для важного разговора. Медсестра, худенькая невысокая женщина с холодными стеклянными глазами, ничего ему не ответив, вышла. Через минуту она вернулась с двумя санитарями.

Аркадий не успел ничего сказать, как его ловко подхватили и бро-

сили на койку. Дыхание его сбилось и вместо слов вырвался нечленораздельный звук. Он предпринял несколько отчаянных попыток вырваться, даже сумел довольно сильно ударить одного из санитаров в живот, но тут же, получив короткий ответный удар, притих, даже не почувствовав, как его крепко привязали к койке.

Когда он пришел в себя, в палате никого не было. Стояла глубокая ночь. Он дернулся, попытался пошевелить руками, но тщетно. Его оставили привязанным. Неожиданно для самого себя он заплакал, и ощущение давно забытой детской обиды вернулось к нему. Так проникновенно и мучительно сладко он плакал только в детстве. Слезы обильно текли по небритому лицу. Неожиданно почувствовал себя легким, воздушным, способным взлететь от тихого дуновения ветерка. Он закрыл глаза и увидел себя ребенком. Вместе со старшим братом они бежали на крутой, покрытый небольшими деревьями, холм. Дыхание его перехватывало от сладостного предчувствия предстоящего полета, он бежал легко и радостно. Старший брат отставал, сзади доносился его ноющий голос:

– Куда ты меня ведешь? Давай вернемся назад. Скоро ночь, и нас, наверно, уже ищут.

– Еще немного осталось, теперь уже совсем близко.

– Вернемся, а то я всё папе расскажу. Ты младше и должен меня слушаться.

– Потерпи ещё немножко. Я тебе покажу такое, чего ты никогда не видел.

И вот они взобрались на вершину высокого холма: впереди обрыв, внизу – бурлящая горная река.

– Ты не верил, что я умею летать. Я тебе сейчас покажу, – сказал Аркадий и побежал к краю обрыва.

– Что ты делаешь? Остановись. Нас папа поругает, – испуганно крикнул брат.

Но Аркадий его не слышал. Оттолкнувшись с разбегу от края обрыва, он... полетел.

– Видишь? Видишь, я лечу! – кричал он с высоты. – Теперь ты мне веришь?

Он был счастлив, и так громко звенел его смех, что казалось – его слышит весь мир, застывший в восторге от этого чуда...

Но вдруг Аркадий почувствовал какую-то невероятную тяжесть, навалившуюся на него сверху. И вот он уже падает вниз, тщетно пытаясь взмахнуть обессиленными руками. Ему бы взмахнуть ими, как крыльями, раз-другой, и он снова поднялся бы, но руки скованы намертво. Он приблизился к земле, и в ноздри ему ударило больничное зловоние. Он был уже не тот маленький Аркадий, он понимал, чтобы не разбиться, ему надо открыть глаза, проснуться, но ничего не мог

поделать. И когда до земли оставалось совсем немного, он на короткое мгновение почувствовал избавление от боли, мучившей его долгие годы.

...Утром, когда санитарка открыла дверь палаты, она увидела страшную картину: привязанное к койке тело Аркадия К. было разможено, словно он упал с огромной высоты, стены и пол палаты забрызганы каплями крови...

ЧУЖОЙ

Брата моей матери я видел всего несколько раз, да и то в детстве. Невысокий, худой, с белым болезненным лицом, он вызывал во мне, видимо, как и в других, жалость и сострадание. Было заметно, что он давно не следит за своей внешностью: темные, слегка вьющиеся волосы всегда находились в беспорядке, под затертым пиджаком, на котором сияла одна-единственная пуговица вместо трех, виднелась неглаженная, но чистая бумазейная рубашка. Самым примечательным в этом человеке были его тонкие красивые пальцы, запачканные фиолетовыми чернилами. Казалось, он замечал эти пятна, лишь когда здоровался с моим отцом, и потом, краснея, долго украдкой потирал пальцы. В присутствии отца он чувствовал себя скованно, стыдился своей внешности и старался без надобности уйти в другую комнату или брал газету и делал вид, что читает. Отец всегда говорил с ним высокомерно, как держал себя с людьми, перед которыми чувствовал хоть какое-нибудь превосходство, и долго мучил его расспросами, видимо, не очень приятными дяде, потому что он морщился, отвечал неохотно и тихо. Отец не любил его и говорил, что он самый неприспособленный к жизни человек, что только лодыри придумывают себе занятие писать, лишь бы не работать, и без конца ругал мать за то, что у нее нет ни одного порядочного родственника.

Из разговоров я знал, что он долгое время находился не то на учебе, не то на заработках, но там ему не повезло, и теперь живет на окраине нашего городка, а вот где именно и с кем – не имел представления. Да и вся его предшествующая жизнь была покрыта для меня таинственным мраком, я знал о нём лишь то, что он является братом моей матери, а других близких родственников у них никого нет. Когда он появлялся у нас, я был единственным, кто ему радовался. Он поднимал меня на руки, глядел с улыбкой, которая странным образом сочеталась с неизменно печальным взглядом его больших глаз. Осторожно опустив, он легонько трепал мою лохматую голову и уходил на кухню, в самое тусклое и тесное помещение в доме, где садился в угол и, достав из

кармана зажигалку, долго следил за игрой пламени, словно хотел познать какое-то тайное его свойство. Мать появлялась на кухне неожиданно, здоровалась почти незаметным кивком, будто виделась уже с ним в этот день, и начинала греметь посудой, протирать пол, заставляя переходить его с места на место. А я стоял в дверях и, не понимая этого жестокого молчания всегда ласковой и внимательной матери, с болью глядел на усталое лицо дяди. Мне было горько и стыдно за своих родных, за их пренебрежение к человеку, которого я втайне от всех любил.

Как-то, лежа в гостиной, спрятавшись с головой под одеяло, я притворился спящим и подслушал разговор дяди с матерью. Сквозь маленькую дырочку в одеяле я видел освещенное серебристым лунным светом его небритое лицо, как всегда, немного грустное. Он снова достал зажигалку, осветил мою большую фотографию, стоящую между раздвижными дверцами серванта, и сказал: «Слушай, сестра, как он удивительно похож на меня в детстве. Ты помнишь? Интересно, что из него получится?» Мать молча кивнула и, сложив руки перед грудью, с каким-то незнакомым мне еще видом, чем-то напоминающим высокомерную позу отца, сказала: «Послушай теперь меня. Вон сколько ты уже здесь, а серьезно мы между собой еще не говорили... Я молчала, когда ты решил уехать. Не перечила, когда захотел остаться на несколько лет. Думала: взрослый уже, понимает, как надо жить... Но раз твою не получилось, слушай теперь меня. Скоро тебе тридцать лет. Подумать только! У твоих сверстников дети уже в школу ходят, а ты и не помышляешь жениться. Бросай-ка ты свою бессмысленную писанину и живи, как все люди». – «Как все люди», – тихо повторил дядя. «Да, именно так. Пойми ты, наконец: не было среди нас никогда такого, каким хочешь стать ты, и не надо понапрасну мучить себя и других. Кому может понадобиться то, что ты пишешь? С тех пор, как начал писать, ты стал непонятным, скрытным, чужим. Да, чужим». При этих словах матери он поднял на нее глаза. «Чужой, – удивленно произнес дядя. – Да, наверное, ты права. Но почему ты считаешь, что по-моему не получилось? Я и не хотел жить, как все вы... Понимаешь, сестра, среди всех болезней существует одна особенная, поражающая всего человека и проявляющаяся во всем образе его жизни. Это болезнь души. Человек этот обречен до конца дней своих мучиться мыслями о несовершенстве своем и несовершенстве мира. Так вот, – он попытался улыбнуться, – я заболел этой болезнью. Она неизлечима, и все ваши советы, недоумения па этому поводу совершенно напрасны. Я не смогу жить иначе. Эта болезнь или откроет мне великую тайну и я добьюсь своего, или же она убьет меня... Передо мной это роковое: или – или...» – «Я не понимаю, не понимаю, о чем ты сейчас говоришь!» – раздраженно вскрикнула мать. «А я и не для тебя все это говорил, – ответил он громко и глянул с улыбкой в мою сторону. – Поздно уже, пойду...

Да, – спохватился он, дойдя до двери, – если мне на ваш адрес придут письма, то, пожалуйста, передай их мне сразу же». Он тихо вышел, а мать встала у окна и, глядя ему вслед, что-то сердито шептала, но я не слушал её, я думал о нём.

После этого дядя больше у нас не появлялся. Первое время я ждал его появления с трепетом, потом это ожидание переросло в угнетающую боль, мне казалось, что вот-вот появится он, поднимет меня на руки и улыбнется. Но его все не было. Время шло, и самым мучительным было то, что я боялся спросить о дяде у своих родителей.

Не знаю, чем бы закончились мои переживания, если б не наступил тот зловещий день, после которого я тяжело заболел, надолго вселив в своих родителей тревогу о моем здоровье.

С утра, пока не поднялось изнуряющее июльское солнце, мы решили с отцом поехать в село, но, когда он уже завел машину и собирался открывать ворота, появился незнакомый высокий мужчина. Он молча поздоровался с отцом и направился через весь двор к матери, стоящей у колодца. До нас, недоумевающих, донеслось несколько отдельных, ничего не значащих фраз. Мужчина не закончил ещё говорить, как мать неожиданно разрыдалась. Она подбежала к нам и, не в силах выговорить ни слова, в истерике начала обнимать меня и целовать. Незнакомый мужчина затем подошел к отцу и ему что-то сказал, после чего отец вырвал меня из объятий матери, велел зайти в дом и оставаться там, пока не позовут. Через некоторое время во двор въехала телега, а за ней появилось еще несколько человек. Не выдержав, я стремительно слетел с крыльца и подбежал к телеге, но не успел разглядеть, что в ней, как почувствовал на плече тяжелую, сдавливающую до боли руку отца. Он, пытаясь от злости, потащил меня по лестнице, швырнул в комнату и запер дверь. Тут же, едва не плача от обиды, я припал к окну, но оттуда ничего нельзя было увидеть. Я слышал голоса, но громкий плач матери заглушал их, и разобрать, о чем они говорили, было невозможно. Мне захотелось плакать. Но слезы не шли, и я стал мучительно задыхаться от ужасающего предчувствия какой-то неотвратимой беды и своего бессилия что-либо сделать, когда услышал разговор двух мужчин, подошедших к окну. Один из них говорил: «Голова пробита в нескольких местах... Каждый удар был смертелен... Переломаны ребра... Тело же, сам понимаешь, четверо суток в такой жаре... Нашли его в канаве у озера возле тутовой рощи...» Потом услышал голос отца: «Надо на стол положить. Сейчас вынесем». В тот момент, когда тело укладывали на стол, одеяло соскользнуло, и сквозь целлофан я увидел окровавленный труп дяди. Потрескавшаяся, почерневшая на солнце кровяная корка покрывала его лицо и даже широко раскрытые глаза... Я настолько онемел от ужаса, что не мог даже заплакать, но когда заметил его вывернутые кисти и ноги, оглушительно

заревел. Больше я ничего не помню, потому что быстро ослеп от слез, и только в сознании запечатлелся крик отца: «Убери ребенка! Ребенка убери, дура! Сейчас же убери ребенка, я сказал!».

На следующий день меня увезли в село, где я пробыл целый месяц. Первое время я почти не выходил на улицу, ни с кем не разговаривал, а уединялся в саду среди густо растущих деревьев. Ночами сон мой был беспокойным, и, просыпаясь, я долго лежал с открытыми глазами, думая о нём. Я не мог понять, почему с такой жестокостью убили этого тихого, безвредного человека. Кому он помешал жить? Кому понадобилась его смерть? Никто не мог на них ответить. Не был найден и убийца...

Через несколько дней после того, как меня перевезли в город, мы с матерью побывали в доме, где он жил. Помню узенький дворик, заросший травой, худую рыжую собаку, даже не залаявшую на нас, скособоченный домик с маленькими тусклыми оконцами и низким деревянным крыльцом. Внутри было темно и тесно: стояла железная кровать с измятой подушкой, посреди комнаты – стол, заваленный книгами, на нем пепельница, переполненная окурками, ржавая настольная лампа и чернильница, под столом – шаткий некрашенный табурет. В углу комнаты ещё находился шкаф, где мать долго что-то искала, выбрасывая оттуда содержимое. Потом она прибрала в доме. Когда мы уже уходили, мать заметила между домом и забором груды полуизодранных, полусожженных бумаг. Она задумчиво разворошила их, а затем, прислонившись к стене, тихо заплакала. Слабый ветерок медленно носил пепел по двору. У конуры скулила собака, которую мы (об этом я вспомнил только сейчас) так и не догадались отцепить...

С тех пор прошло много лет. Я вспоминал о дяде всё реже и реже, а когда вспоминал, то уже равнодушно отмечал в себе, что в жизни моей был такой человек, брат моей матери, но ради чего он жил, о чем думал, к чему стремился – так я и не пытался никогда узнать. Но однажды одно обстоятельство, поразившее меня необычайным сходством с давно уже произошедшим, вновь заставило вспомнить об этом человеке. Тогда я несколько дней подряд почти не выходил из своей комнаты – упорно работал над рассказом, без конца перечеркивал и переписывал по нескольку раз, а он, как назло, не удавался, казалось, с каждым разом становился всё хуже и хуже, и я в отчаянии бросился на кровать, готовый заплакать от бессилия. В эту минуту отворилась дверь в мою комнату и раздался раздраженный голос матери. Она кричала, что от меня нет никакой пользы, ничего из того, что я пишу, не получится, и никому это не нужно, что с тех пор, как начал заниматься этим делом, для всей семьи я стал чужим и совсем не похож на молодых людей, которых она знает... В эту минуту я вспомнил дядю – его тонкие пальцы в фиолетовых чернилах, большие глаза, глядящие с тоской, затертый

клетчатый пиджак с одной пуговицей – и с такой силой вдруг ощутил близость этого человека, что, казалось, понял стремления и мысли, которые возникали и жили в нем. Вспомнил о страшной болезни, о которой он говорил матери в темной гостиной... Неужели я тоже поражен этой неизлечимой болезнью, которая может осчастливить или, наоборот, принести горе? Неужели и я, как и мой дядя, никогда не буду понят людьми, которые не испытывают мук этого редкого и странного недуга?

...Рукописей дяди я никогда не видел и ничего о них не слышал. Но, кажется, если бы они попались сейчас, то, скорее всего, не заглянул бы в них, как, страшась познания тайны своего существования, не решился бы заглянуть в книгу судеб.

Думаю, в тот день, когда мы с матерью побывали в доме, где жил дядя, она искала там его рукописи. На эту мысль меня наводит следующее обстоятельство: за день до этого на имя дяди пришла телеграмма. Помню, как отец, получив её, зашел в дом, неторопливо достал очки и прочитал с недоумением: «ЧИТАЛ УПОЕНИЕМ НЕПРЕМЕННО ПРИШЛИТЕ ЕЩЕ ЭТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО».

Об авторе

Родилась в Нальчике, в 1996 году репатрировалась в Израиль. Работает врачом. Замужем, трое детей, два внука и внучка. Стихи пишет с 2005 года. В 2009 году выпустила книгу «Планета чувств. Антология неземной философии» – образные философские размышления о душе и смысле существования, куда вошли и некоторые стихи. В 2018 году публиковалась в поэтическом альманахе «Арфа». Дважды на конкурсах, проводимых в Facebook, занимала первое место. Стихи – отражение ее мироощущения.

РАЗРЕШИ МНЕ НАШЁПТЫВАТЬ СНЫ

Разреши мне нашёптывать сны...
Гулким эхом... пустого вокзала...
Видно, накуролесили мы,
Что Вселенная нас наказала.

Разреши мне запомнить тебя:
Все подробности, взглядов сигналы...
Память – как колокольцем – звеня,
Пропитаться тобой приказала.

Разреши мне коснуться тебя,
На мгновенье, намёком, внезапно...
Чтоб потом, вспоминая меня,
Улыбался, чему – непонятно!..

Я вернусь. Ухожу не навек, –
Не прощаются Запад с Востоком –
Оставляя в душе яркий свет
Этим солнечно-жгучим потоком!

ТВОИ ЦВЕТЫ С СИРЕНЕВЫМ ОТЛИВОМ

Твои цветы с сиреневым отливом
К груди прижаты нежно – аккуратно!..
Любовь писала «от руки» – курсивом...
Но был прочитан – бегло – текст печатный.

А память скрыла чувства по местам
Сакральным, сохранив очарованье...
Но сердце против «чистого листа»,
И... борется душа с сознанием.

Вновь. Крутит в голове своё кино
Судьба моя наивно-оголтелая...
Бокалу жгуче-красного мерло –
Зачем?! – тогда – предпочитала белое...

Не позабыты – искрами – блестят
Ниспосланные Случаем моменты...
Давно ушедшие, к себе манят
Спросонок сказанные комплименты.

Но память скупко прячет в багажи
Громады лет, дней и минут останки...
А сердце вымывает эту жизнь,
Выискивая счастье для огранки.

ЗАПОВЕДЬ

Не называй любовью зло,
Преследуя – гаремной стервой –
Последнюю, что стала первой;
Срывая крохи от натуры
Рабыней, брошенной на шкуры;
Наказываясь посекундно... Но!

Любовь сберечь злу не дано!
Оно ведь обоюдоостро.
Покроет жёсткою коростой...
И прозвучит для вас, поверьте,

Как «Реквием» Джузеппе Верди,
Оставив тело, как бревно.

Порывы мести – заглуши
Волною Веры безграничной.
А дар любви, он – Ключ Скрипичный!
Не тронь им ящика Пандоры,
Решая глупые раздоры
Своей не вызревшей души.

Сыграйте Музыку Любви,
Как музыканты и поэты,
Восторга трепетом согреты!
Дуэтом – искреннее скерцо!
Синхронно – на открытом сердце!
В потоках вечной синевы...

ПЕРЕХОД

Зазвучав удивленья струной,
Мысли сердца – фортуны кумиры,
Эфемерных надежд ювелиры –
Безвозвратно украли покой:
Предъявляют мне счёт – «дезертиры»!

Как... успеть... о себе рассказать
Про рисунок, в душе огранённый!
...Светофора зажётся зелёный –
Что ж, пора – хватит думать и ждать!..
В путь! По «зебре» – в провал?.. за прорывом?!

Горизонт облаками зарос.
Тротуар чисто ливнем постиран.
Пролетел мимо ветер-проныра:
Прошептал: «Чему быть... – не вопрос!»
Сохраню его мысли. На вырост!..

ШАГ

Уцелев в виртуальном пространстве,
Перегруженном стоном обид,

В вихре будней – неистовом танце –
Отцепившись от пут невезения,
Обретаю Кристалл с посвящением ¹,
Восходя до небесных элит.

Прорывая проклятья укоров,
Что осколками – в глаз, а не в бровь,
Я нащупаю Точку опоры –
Бритвы лезвие!.. шаг... на пуантах...
В мир поэзии – путь!.. Доминантно.
В фуэте, ощущая – Любовь.

Муза... выкроит флёр вдохновенья
Из судьбы и невзгод ассорти –
Ритм для рифмы! И – рифма... блаженно...
Тронет мысли теплом совершенного,
Наполняя слезою Вселенную!..
Очень... Хочется. Это пройти!

P. S.

И, стремясь докоснуться до Точки:
Стихоцепь! – «расщеплённый уран»,
Звуковолны... от строчки до строчки, –
Удивят мыслеформой – ментально!..
Но... останется отсвет финальный –
Предначертанный. Мне. Талисман!

СТОНАЛА ОСЕНЬ, СБРАСЫВАЯ ЛИСТЬЯ

Стонала осень, сбрасывая листья.
Игривый вихрь вращал её каприз.
Природа землю окропляла кистью.
Кружило время свой круиз.

И Бог с ней, с этой непогодой,
Но шепчет сердце – помоги!
Вот дотянуться б до восхода!
Там счастье отпускают в две руки...

---

¹Кристалл с посвящением – элемент инициации духовного возрождения.

Непрост маршрут. Судьба – пролётка –
С реальностью давно на «ты»...
Частицы Света собираю в чётки,
Осознавая смысл темноты.

Вновь хлещет дождь, кислотный, едкий...
Сползает макияж харизм.
Мне б удержаться на прищепке
С названием коротким – жизнь!

***

Осень с грустью завела романы...
Воеет ветер – в ревности – сильней!
Листопад зализывает раны
Непокорных разуму страстей...

Облака безрадостно по лужам
Шлепают желаньям вопреки...
«Я – и – Ты»... союз вдруг стал не нужен?!
Тень сомненья давит на виски.

Догорают угольки камина.
Стынет чай – вкус дождевой воды...
Полуобнажённая рябина
Зря свои раскрасила плоды!..

Трепет в сердце – не унять биенье!..
Ланью выбегаю на крыльцо...
В темноте окна – крылом мгновенья –
Угадалось мне твоё лицо.

БЛАГОДАРЕНИЕ

Я мир и Бога прославляю,
За радость жить благодарю.
Уже давно не осуждаю,
Учусь, борюсь, пишу, люблю.

И не страшны мне грозы, тучи –
Сквозь линзы слёз увижу лучше.
А если твердь вдруг станет зыбкой,
Начну работу над ошибкой.

Зачем нужны причины слёз
Давно не задаю вопрос.
Но помню ощущение счастья,
Когда кончается ненастье.

От бед молитвами спасаясь,
Я за детей ЕГО молю.
Уже давно не удивляюсь,
А восхищаюсь и люблю.

ДАР

В потоке слов и взоров нежных
И в искрах звёздного дождя
Я подарю тебе надежду,
Твоей любовью стану я.

Под звуки арфы купидона
Твоих детей тебе даря,
Храня очаг и счастье дома,
Твоей женою стану я.

И, постигая совершенство,
Благословляя и любя,
Я подарю тебе блаженство...
Твоей царицей стану я.

Но блекнет солнце на контрасте.
Меня правила игры,
Вдруг ты, объятый новой страстью,
Забудешь все мои дары...

То ангелам любви в угоду,
И ни мгновенья не вина,
Я подарю тебе свободу...
Твоей свободой стану Я!

31 АВГУСТА

Последний урожай снимая,
Уходит август на покой.
Пчела прощальный вальс играет,
И осень тихо наполняет
Свой кубок дождевой водой.

Скорей, в сентябрь – он всё за нас решил!
Какой колдун мой путь запорошил?!
Зависла между осенью и летом,
В пространстве меж вопросом и ответом,
В «бермудском» треугольнике души.

А флёр любви, как резкий запах лилий!..
О чём мечтали вместе... Что творили...
Уже не в наших силах поменять.
Насколько искренни тогда Вы были
Я Вас, mon cher, не стану проверять.

Но истина в ви-не... не в искуплении...
Её – с тобой – мы разопьём вдвоём...
Так больше, чем себе, прошу налей мне...
И, словно светопреставленье,
Вдруг разорвётся связь времён.

Плесните ж летний зной в бокал дождя
И лед зимы... пусть заморозит сны,
Чтоб солнечные зайчики, шутя,
Резвились в пузырьках былой весны.

С плеча стекали волны пледа.
Неясный свет... игра теней...
И в исчезающий миг лета
Желтеющим листом ответа –
От августа – «не сожалеи!».

Об авторе

Кабардинский поэт, писатель, драматург, общественный деятель, главный редактор газеты «Горянка», заслуженный журналист КБР, руководитель КБРОО «Жан». Пишет на кабардино-черкесском языке.

Автор шести книг стихов, десяти пьес.

«НАЙДЕТ, КТО НЕ ИЩЕТ...»

Главы из романа

Эльбрус – гора примирения

На городском блошином рынке у хромого старичка – бывшего учителя физкультуры, долго никем не замеченным лежал значок с эмблемой «Эльбрусиада». Эмблема с разной символикой: круг, в центре которого белые вершины Эльбруса на фоне голубого неба, каймой идет альпинистская веревка. На концах флагов России и Германии расположены немецкий военный крест и красноармейская звезда. Флаги объединены в единую ленту, лента охватывает древко ледоруба и стебель эдельвейса. Эти два изображения – эмблемы немецких горных стрелков. В нижней части ленты дата – 1992, а по контуру значка надпись на русском и немецком языках: «Эльбрусиада примирения». Старик знал, что это была за Эльбрусиада, ждал покупателя или того, кто из любопытства возьмет в руки отлично сохранившийся знак, чтобы рассказать, к чему была выпущена серия. Мероприятие тогда прошло у него на родине, не так далеко от Нальчика, в Приэльбрусье, но как-то тихо прошло, хотя затевалось оно с размахом. А эмблема на значке до выпуска серии нагрудных знаков была представлена на презентациях в Москве и в Мюнхене. Затем, почти обманом, в обход местных властей, была поднята на Эльбрус вместе с флагами России и Баварии. Точнее, восхождение было совершено через уловки. Оно было спланировано в Москве, но в какой-то момент организаторы спохватились, чего-то испугались...

Покупатель значка в итоге нашелся – им стал я. Взял в руки и не положил его обратно. Все, что касается Эльбруса-Ошшамахо мне интересно, и дата, на нем указанная, для меня все-таки особенная: в 1992-м я умер. Оказывается, когда за цепью Кавказских гор, в Абхазии началась война, куда были втянуты северокавказские регионы, а в Нальчике

проходили стихийные политические митинги, в Приэльбрусье спокойно встречались и пили баварское пиво помирившиеся враги, воевавшие друг против друга в 1943-м.

«Видно, что ты не местный», – сказал мне хромой старик. Он подумал, что я турист. Ответил ему утвердительно, и он с упоением рассказывал о значке, а я уже не слушал его. Вещица сама переключила мое внимание на события 90-х. Тогда границы огромной страны открылись – Советский Союз распался. Северный Кавказ, как и вся территория России, бывшие союзные республики, стал доступен для желающих. А вот в Нальчике туристов почти ничего не привлекало – курорты здесь позакрывались, и сервис был никакой. И в Приэльбрусье сервис оставлял желать лучшего, но ради посещения двуглавой вершины иностранцы готовы были терпеть все трудности пребывания на Кавказе.

10 августа 1992 года красный «Икарус», встретивший баварцев в аэропорту в Минеральных Водах, чтобы вверх по баксанскому ущелью доставить гостей к подножью горы, мог быть не единственным на этом маршруте транспортом с иностранцами. Но интереснее этой группы поселок Терскол, что у самого подножия Эльбруса, точно не встречал.

Почти все, кто приезжает сюда, видят себя на вершине горы, не принимая в расчет вещи очевидные – плохую подготовку, неподходящую для этой цели погоду и обстоятельства не менее важные.

Река Баксан или Бахасан, что на местном языке означает «сеющая пар», течет с ледников. Вода в реке даже в летнюю жару не прогревается, такой же ледяной течет по ущелью.

В одну и ту же реку дважды не войти? Нет. А почему люди думают, что на гору – на одну и ту же вершину взойти можно и дважды, и бесчисленное количество раз? Объединенная группа восходителей в том 92-м наверняка считала себя особенной. Тому было основание. Они ведь были на вершине в 43-м, и завоеватели кавказских гор, и защитники родины – советские стрелки? Еще как были! Первая группа аж два раза поднималась. И вот снова побывали: кто однажды почувствовал себя покорителем вершины и мира вместе с теми, кто спустился всего лишь месяцы забрал ощущение торжества победы.

Горы трудно удивить, но группе объединившихся на старости лет бывших врагов, возможно, это удалось.

В Германии и в Москве они вызвали большой интерес, только местные жители не знали ничего о пришельцах из прошлого. Кто-то их встречал, сопровождал, а кому-то было поручено запретить, остановить восхождение – этот небольшой круг людей был в курсе происходящего.

Я, погибший на другой войне, еще не растворился в свете-неф и в мраке-чиф, и мне по-прежнему важно узнавать о событиях и людях. Оказавшись вне времени, теперь вижу все или почти все. Кажется, об этом я когда-то мечтал.

Която – Лощина грязи

В одиннадцать лет я мечтал стать художником, скульптором, наездником, воином, мечтал о первом поцелуе. И начал лепить из глины.

Я, Тефит, мальчик из Лощины грязи – Която, стал лепить из глины.

Ребенком я однажды пожелал смерти родному человеку.

– Мама, прости. Я был слаб.

– Сын, не думай обо мне. Ты сейчас ищешь то, что начал искать при жизни. Занимайся этим.

– Ты не встретила меня. Я не вижу тебя нигде.

– Я с тобой давно, не отходила от тебя ни на шаг. Ищи, сын. Пока ты не растворился во тьме или в свете, не стал чиф или неф.

...И я стал лепить из глины коня. Размером с голубя. Вылепил одного, второго. Третьего уже чуть больше – с щенка.

Глина высыхала и трескалась. Потом я догадался смешивать глину из ямы под холмами с грязью из нашего озера. Такая смесь оказалась очень удачной. Я лепил одну фигурку за другой. Они не были одинаковыми, я и не старался повторить точь-в-точь. Печи для обжига не было в округе, и был один только способ – сушить на солнце. Не сказать, что они совсем не трескались, но теперь намного меньше. А цвет получался хороший – шоколадный.

– Тефит, зачем тебе столько одинаковых игрушек?

– Нана, это не игрушки.

– И хватит грязь месить.

– Это не грязь, это моя секретная смесь.

Из глины женщины обычно делали кирпичи, а грязью из озера лечили больные суставы. И, действительно, никто никогда не смешивал их. Грязи много на дне озера. А вода в нем при этом чистая, купаться можно. Но тем летом мне было не до игр, не до купания. Хотел успеть вылепить три тысячи пятьсот фигурок лошадей. Как в кавалерийской дивизии, сто пятнадцатой. Ее собрали в сороковых, во время войны с Германией, а где-то в полях в бою почти все полегли. Памятник этим воинам стоит при въезде в Нальчик. Воин-горец обнимает коня. Он сам огромный, как скала, с конем он как одно целое, точно из одного камня вытесали.

– Дада, разве с саблями можно победить танки и пушки?

– По тактическим соображениям... – дед начинал свой пространственный ответ, из которого как бы я ни прислушивался, не мог выудить слов «да» или «нет».

– Но они почти все погибли. Ты сам говорил. Почему их отправили воевать с железными танками?

– По тактическим соображениям...

– И они почти все погибли, ты сам мне говорил. И твой брат с ними. А ты почему не пошел воевать?

– По тактическим соображениям...

Я хитрил с последним вопросом, хотел деда растормошить, а сам знал ответ на вопрос. «По тактическим соображениям, кто-то должен был снабжать фронт всем необходимым». Мой дед был ветераном тыла. И он, и мой покойный отец, и брат деда – все были наездниками. А я не решался сесть на лошадь. Дед устал от моей трусости, разозлился, отдал лошадь отца на конзавод.

– Почему воинов было три тысячи пятьсот, а памятник отлит одному воину?

– Я не буду больше отвечать на твои вопросы. Ты не умеешь слушать.

Ура! Дед включился в разговор!

В дальней холодной комнате жила моя молчаливая мать, в большой теплой – дада, у которого все путалось в голове. На кухне обитала нана, которая готовила всем еду, доставая ее непонятно откуда и никогда не жалуясь.

Я иногда заглядывал к матери. Та лежала с закрытыми глазами. Постою, послушаю, как она дышит, и ухожу.

...Дада его зовет, мальчик и к нему идет неохотно. Назыр внука почти никогда не узнает, называет его именем младшего брата, того, который ушел на войну и не вернулся. Назыр по утрам требует, чтобы его одели как на выход. Поэтому на нем почти каждый день брюки-галифе, сапоги, но верх – белоснежная нательная рубашка. В комнате тепло, и если еще наденет китель, то ему будет жарко. Он разговаривает, как мальчишка, думая, что перед ним младший брат, а он сам подросток. Потом старик перестает замечать возраст мальчика, говорит, будто перед ним взрослый брат. То упрекает его, что не вернулся с войны, то оплакивает, вытирая слезы. Пальцы у него коричневые, слезы крупные. Взгляд синих глаз становится яснее, но мысли по-прежнему путаются.

Тефит хочет убежать, бабушка просит его остаться еще ненадолго. Затем начинается самое ужасающее и увлекательное для Тефит – деду кажется, что это он ушел на войну и погиб. Он рассказывает о боях, идет в наступление вместе с другими бойцами, кричит, что не отдаст ни пяди земли врагу, и падает, как раненый...

Однажды Нафин, решив, видимо, за терпение поощрить внука, открыла свой синий сундук и достала оттуда кинжал, настоящий, из прочной стали, в ножнах. «Это кинжал деда, но ему нельзя говорить, где я его храню. С таким же уезжал на войну и его брат. Это сейчас кинжалы стали ненужными, а раньше мужчина из дому не выходил без него... Этот будет твоим, когда вырастешь. Просто храни, на память».

Нафин уже давно смирилась с болезнью мужа – он ее тоже не унавал, обзывал старухой, кричал, требуя полного комплекта одежды и коня – хотел отправиться на войну, воевать то ли за себя, то ли за младшего брата...

Нафин спрятала кинжал обратно. С того дня синий сундук стал моим излюбленным местом. Я на нем сидел, спал, ел, играл. Он не был заперт, нана, как некоторые женщины, не повесила на нем замка, но все в доме знали, что никто не имеет права открывать сундук. Душистое мыло, куски ткани, платок с каймой, а еще в отдельном сшитом из бязи мешочке все необходимое для похорон. В нем и тонкая белая ткань для савана, и зеленое покрывало – чтобы накрыть тело усопшего, духи, чтобы купальщицы, смешав с водой, на покойного вылили, и одеколон – на могиле чтобы мужчины разбрызгали. Нафин говорит, что она все это для себя собрала. После ее смерти открыть сундук и достать все это должны были снохи. На всякий случай она и соседке показала, где что лежит.

Я боялся думать, что нана умрет. И понимал, что старшие умирают с возрастом. Я не знал, успею ли я вырасти к тому времени, когда их будут хоронить. Сейчас я не умел ничего и боялся многого. Боялся заходить в комнату матери, она после отца почти не выходила оттуда, ни с кем не разговаривала. Не живая и не мертвая, как говорили про нее соседи. Я прислушивался к ней, она дышала и даже ворочалась во сне. Никогда не подзовет к себе, не обнимет. Я забыл ее объятия, привык к запаху наны, стал зависеть от нее. И ждал приездов Ули – дочери соседки Дисы.

Уля жила в другом селе, приезжала к матери вместе с Маей-Менли – своей дочкой. Уля меня при встрече обнимала. Красивее ее я никого не видел, замирал, когда она гладила меня по голове и щекам. Она иногда целовала меня в макушку.

– Тефит, уже не вмещаются в наш амбар твои жеребцы.

Подсушив на солнце, я аккуратно складывал фигурки на чистом полу амбара. Сюда кроме него и бабушки никто не заходил.

– Там всего двести фигурок, нана.

– Вот и хватит тебе. Скоро в школу пора, лучше книжку в руки возьми. Или отдам тебя на конзавод, будешь конюшню чистить.

Конзавод – когда-то гордость района, почти все мужчины из села там работали. Мой дед его основал, отец тоже там работал. А еще в селе артель была, женская, где бурки делали из овечьей шерсти.

Видимо, все сошлось для того, чтобы во время войны Нагорный район КБАССР стал центром подготовки кавдивизии. За какие-то считанные месяцы смогли собрать, одеть, снарядить три тысячи пятсот всадников.

Тефит представляет себе, как будет лепить всадников, как их оденет. А из чего делать им шашки и кинжалы? Бабушка даст сукна на черкески?

Только она сможет помочь с бурками. Хотя это будут малюсенькие бурки, но ради такого количества придется шерсти свалять немало.

Пока еще тепло, надо решиться ее попросить об этом. Единственному внуку не откажет.

В конце лета очень редко шли грозовые дожди. В тот раз ливень был, о каком говорят – по нему на небо можно подняться. На небо подняться... Ветер сорвал камышовую крышу с амбара, водой залило пол, да так, что все шоколадные лошадки снова превратились в смесь глины и грязи. Нана всю ночь сидела с четками в руках, молилась, дада Назыр лежал с закрытыми глазами, слушал, как хлещет вода за окном. Тефит спал, ему снилось, что он на холме Харамаяшха табун пасет.

С табунами на пастбища обычно управлялся его отец, Буба. А дед, тогда еще моложавый и здоровый, управлял конзаводом. Буба с детства научился и верхом ездить, и за лошадьми следить. Вырос лошадником, и ни о чем другом не помышлял. Когда отец постарел, Буба стал вместо него конзаводом управлять. Никто и не против – в колхозе все к нему привыкли, а руководство считалось с авторитетом Назыра, раз он так хочет, значит, сын на его место и пойдет. Только завод не получал, как раньше, поддержки из центра, больше для видимости держали лошадей. Никто не знал, сколько так будет продолжаться.

Буба был крепкого сложения, характером спокойный. Отец женил его рано, но все не мог дожидаться внуков. А Буба не мог обидеть жену, отправив ее из-за бездетности к родителям. Старшие стали открыто говорить о том, что сыну нужно снова жениться. Воля отца и желание иметь сына – этого для мужчины было достаточно, чтобы привести в дом вторую жену.

Цветущая, с залиvistым смехом, как встанет у очага – паста в чугунок не вмещается, много готовит. Значит, семья у нее большая будет, говорили про невесту для него. Разве такая оставит мужа без детей? Зариля родила в первый же год мальчика, Тефит ему дали имя. Жану, первая жена Бубы, сама по себе тихая, маленькая, тут совсем скукожилась, стараясь быть незаметной. Нафин держалась особняком, чтобы не обидеть, не задеть невесток. За мужем следила, как и раньше, постель свою сама стирала, под предлогом, что пока она в силах, будет все делать.

Мальчик рос здоровым, мужчины в семье стали увереннее – род не прервется. Спал Тефит с дадой и наной – те и рады засыпать и просыпаться с малышом. Зариля и Буба ждали наступления вечера, чтобы уединиться. Все бы хорошо, но в доме живет Жану. В дальней комнате спит одна – Буба к ней и не заглядывает вовсе. Соседи поначалу говорили «бедная Жану», затем забыли про нее. Кому интересна бездетная, чей муж вторую жену привел?

Зариля всегда в движении, руки покоя не знают, в доме при ней все должно блестеть. Комнаты каждый день проветривает, солнце впускает. Только дальняя комната занята, не может туда заходить, когда хочет.

Говорят, нет лишнего человека. Зария забыла про эту поговорку. Ей Жану показалась лишней. Бывают ведь ненужные предметы, так и эта. Выставить бы, выбросить и забыть. Подходила к дверям ее комнаты не раз, задеть пыталась, на ссору вызвать. Та ссориться не хочет. Что ей скажут, прикажут – все выполняет, хоть в огороде, хоть во дворе, ни от какой работы не отказывается. На кухню сама не идет – готовит только младшая жена, а предложат поесть – ест, добавки не попросит, благодарит за пищу. И обратно мышкой – в свою комнату. К ребенку притрагиваться ей не разрешили. Значит, и это стерпит. Все стерпела бы, лишь бы к родителям не возвращаться, и не потому, что родные ее не ждут, вовсе нет. Оттуда, из отчего дома, разве видела бы она Бубу? А здесь то утром во дворе, то вечером в прихожей появляется мужчина – свет очей, и дышать ей легче. Пусть и с молодой женой, но такой родной... Не тянуло Жану в люди, на улицу. Она не сдружилась особо с соседями. Която – маленькое селение, когда советская власть создавала новые хозяйства и села, из большого Ашаба отселили людей сюда. Люди всегда селились рядом с чистой водой, а тут речка, родники. Грязевое озеро рядом, но оно соленое. К озеру иногда приезжают больные. Останавливаются на удобном берегу, мажут себя черной грязью и лежат, сохнут на солнце, пока грязь не станет коконом. Потом смывают ее. И так по нескольку раз. Местные особо не интересуются грязью, только Диса – знахарка, часто ходит к воде. Берет она грязь в определенном месте, никто не видит, в каком. Сколько раз дети шли следом, а Диса их, наверное, замечает, сворачивает с дороги, делает вид, что травы собирает, к озеру при свидетелях не идет. А лечит она больных хорошо. Не только травами и грязью. Она ведь не простая знахарка, а ворожит еще, аза она. Родом из кумыков. Ее взял в жены местный мужчина из Ашаба, который часто ездил в Дагестан, товары разные привозил. Привез однажды жену-кумычку. Она скоро антихабза – язык местный выучила, русский немного знала, а что знала хорошо, это как заговаривать разные болезни. Уасман, муж ее, ушел на войну и не вернулся. Диса однажды посидела, замерев, и «увидела», где и как он погиб. В бою от глубоких ран умер, в поле осталось лежать его тело. Вороны стали кружить над ним. Диса спать перестала, сидела днями, ночами в своем маленьком домике в Която и «работала», чтобы вороны с поля возле сожженной немцами русской деревни разлетелись. Под телом Уасмана земля стала оседать. Осела и стала могилой для бойца, невидимой рукой она присыпалась. Следа к могиле не найти, камня нет на нем, но хоть кости в земле лежат. Сон к Дисе вернулся не скоро. Про могилу мужа никому не сказала, дочка маленькая была, а соседям она лишнего не говорит. Они что знают, то знают: что лечит Диса, за болезни разные берется, но часто и отказывает, к чему люди относятся с пониманием. За плохим тоже к Дисе ходят. Люди, осуждая

тех, кто за плохим ходит, про Дису молчат. Даже дети знают, что такая участь у знахарки – делать, что прикажут. Приказывают ей духи и слушают они же ей. Потому умеет и птицей, и хищным зверем управлять. Один из местных пастухов часто рассказывал, как нашел пропавшую корову. Она с пригорка, где ее дети пасли, сошла и забрела в лощину. Искали пропавшую дня два – не нашли. Пришла хозяйка коровы к Дисе с вопросом, стоит ли искать дальше. Та глянула и увидела, что там да как, подсказала, где искать живность, и добавила: ушла одна голова, вернутся две, если до сумерек поторопитесь. Корову нашли с теленком – та успела отелиться, а поодаль от нее сидел волк, с места не двигался, корову с приплодом не трогал, а сам исхудавший, голодный. Заговорить волка Дисе не стоит трудов, хотя никто не знает, чего ей это стоит. Спрос большой на ее «мастерство», из дальних сел приезжают люди, из разных мест. Некоторые готовы на все, лишь бы аза помогла. Иногда Диса тихо бубнит под нос, упрекая просителя в жестокости и крайности, будто не она сама исполняет эту просьбу. Соседи привыкли к разным слухам, злятся на знахарку лишь по причине, что из-за нее на улице чужие появляются постоянно – в их окна пялятся. Бывало, в райсовет жаловались, приходили разбираться, и уходили, пожав плечами, – лечит больных, грязь здесь у вас целебная, даже ученые из Москвы взяли на анализ. А ворожба – это выдумки, пережитки прошлого, нет никаких духов, шайтана и Бога, между прочим, тоже нет.

Некоторых это равнодушие властей еще больше злило, между собой называли Дису хитрой колдуньей, как будто есть нехитрые колдуньи. Хитрость Дисы они видели в том, что она целебными свойствами грязи прикрывала свою совместную с духами «артель». Никто не знал, возможно, Диса сама до конца не понимала, во что втянута. Она не задавала духам вопросов о себе, узнавала только о делах чужих. И лиц этих чужих она не запоминала – ей это и не нужно было. Бывало, что из райцентра тайком люди приезжали. Однажды за ней из Нальчика прислали «Волгу», она объяснила, что за пределами Която не работает. И пришлось одному большому начальнику самому приехать. В сумерках, в сопровождении секретарши, тихо заходил он в покосившийся домик знахарки. Вот его имя Диса запомнила.

Когда слух прошел, каким «шишкам» она помогает, соседи успокоились, понятное дело, что теперь-то ей никто не запретит темными делами заниматься. И сами они «за нехорошим» обращались к Дисе, в основном это были молодые женщины.

Когда к ней однажды пришла соседка – вторая жена Бубы, Диса не удивилась, сразу поняла, о чем будет говорить молодая. Зария волновалась, щеки ее горели. Столько жизни в ней и такое горячее желание. Диса на секунды замерла, когда за спиной Зарили встали тени, повторяя ее движения и мелодию голоса. Никто, кроме Дисы, их не видит,

а Зария рассказывает дальше. Дися не может ей не помочь – главная тень двинулась к синему сундуку. Давно аза его не открывала, не было надобности, «дела» последних месяцев проще были. Нет там ни одной полезной для хозяйства вещи, только то, что может понадобится для «дела»: серая бумага, нарезанная на кусочки, серебристая фольга, старые карандаши, чернильница, перьевые ручки и мешочки. В одном из них засушенные головки ящериц, в другом бычий желудок, здесь и свалывшаяся волчья шерсть. Зария просит помочь, чтобы из дома ушла первая жена мужа. В ответ услышала, что не уйдет она, пока Бубу помнит, только если памяти лишиться. «Значит, пусть так и будет...» Лишняя в доме эта первая жена. Без нее хочет жить Зария.

У Дисы давно нет желаний. Она не вникает в большее, чем ей диктуют. Люди приходят, просят, она помогает им или отказывает – это как духи велют, а люди ей платят какие-то деньги. Вроде бы все что-то дают, но дом у нее один из бедных, двор запущен. Она не помнит того дня, когда у нее был выбор быть аза или нет. А был ли этот выбор? У дочери взяла клятву, что не поддастся духам. У духов она просит не переходить к дочери. Все, что ее держит в жизни, – дочь и ее благополучие. Родня про нее забыла давно, муж с войны не вернулся. Уля выросла красавицей, хоть бы неприметная была, а то видная, ладная, и нет ни одного мужчины-родственника, чтобы защитить ее. Вот и выдала мать ее рано замуж. Жаль, что Уля не мальчика, а девочку родила. А вот у Бубы и Зарии сын родился – как мечтали.

Когда Зария в первый раз пришла к Нану с просьбой освободить дальнюю комнату от Жану, Тефиту года не было. Одним визитом не разрешилась проблема, мальчику два года уж исполнилось, когда Жану забрали родители – она тихо сошла с ума, за ней нужен был уход. Зария вычистила дальнюю комнату и проветрила. Прибираясь, нашла какие-то вещи Жану, тряпье, ничего ценного, вынесла и за домом сожгла. На следующее утро в селе появилась Жану. Тайком, сбежав от родителей, она вернулась к Бубе – пешком пришла. Тот пожалел ее, заявил: пусть живет, он ее отвезет в Пятигорск, к врачам, может, вылечат. Свекровь помогла Жану помыться, покормила и уложила спать. Зария не перечила мужу, только отпросилась к родителям и уехала с ребенком. До отъезда к Дисе заглянула. Жану проснулась среди ночи, встала перед домом, где спали Буба и Нафин. Ожидая рассвета, не спал только неходячий Назыр. Жану облилась керосином и подожгла себя. Старик закричал, увидев в окно живой факел. Буба выбежал и кое-как сбил огонь, положил обгоревшую в телегу, чтобы отвезти в больницу, но не довез – Жану умерла, умерла, как и мечтала – на руках мужа, без второй жены рядом...

Хоронили Жану в Която. Приехали ее родители. Мать несчастной, как унесли тело дочери на кладбище, подошла к Зариле и тихо сказала:

«Одну комнату пожалела для нее. Чтоб теперь весь дом остался тебе одной, без мужа...»

Люди осуждали Зарилю, вспоминая болезнь и страшную смерть Жану, и боялись говорить о Дисе плохо. Донесут ей, ведь у нее везде уши, то есть духи. Никто не хотел быть наказанным такой искусной аза. Сама Диса вела себя так, как будто ничего не случилось. Также принимала людей, не выходя за порог, получала продукты, деньги. На себя ничего не тратила, все копила для дочки, хотя та не особо нуждалась – муж в колхозе на должности хорошей работал, заведующим молочной фермой.

Буба вскоре отправился на пастбища, там простыл. Вернулся с большими легкими, в жару и в бреде лежал, сторел за месяц. Зариля ходила как тень, рано ложилась спать. И, бывало, не выходила из комнаты целыми днями. Сжалась, скукожилась вся. Смешливой и задорной Зарили уже никто не видел. И зачем она пошла спать в комнату Жану? Сказала, что ей плохо спиться в своей.

Нафин кое-как справлялась с домашней работой. Тефит часто думал, что хорошо быть перелетной птицей, птицы, они летают стаями. Что будет, если бабушка умрет и он останется с молчащей матерью и постоянно говорящим дедом? Если будут по одному умирать, кто уйдет первым?

И мальчик тихо-тихо подумал, что пусть лучше бабушка поживет подольше.

– И я подумал, что пусть лучше первой умрет мать...

Однажды Зариля вышла за ворота и не вернулась. Пошла к озеру, а плавать она не умела. Назыр в тот день громко разговаривал, подзывал к себе внука, принимая Тефит за младшего брата. Старику казалось, что он сам подросток, которому поручено приглядывать за братом. Он наставлял младшего, запрещал подолгу отлучаться из дому, садиться на необъезженных лошадей, припоминая ему, как тот однажды упал с одной и чуть не сломал себе шею. Тефит уставал от громкого голоса деда, ему хотелось убежать за ворота и забыть громкий голос старика, путающего все на свете и, стоял и слушал бессвязную речь...

Тело Зарили нашли в озере, хорошо, что сразу, а то обмыть по мусульманским обычаям не получилось бы. Нафин пришлось доставать из синего сундука припасенный для себя саван и все остальное для похорон. Сельсовет семье выдал справку о смерти – не хотели вызывать нареканий со стороны районных властей, записав факт самоубийства. Родственники и соседи на похоронах делали вид, что верят в историю про то, что Зариля утонула, спасая сына. Якобы они вместе пошли брать грязь, и Тефит вошел в воду там, где ему оказалось глубоко. Никто в это не верил, но здесь, на похоронах, не осуждать мать мальчика означало проявить уважение к старшей женщине – Нафин. Теперь ей

и внука поднимать, и за мужем ухаживать. Хоть Зариля давно не принимала никакого участия в происходящем в доме, мать у ребенка была, а это важно. В год взросления, если мать рядом, духи отступают перед ее молитвами. Но теперь никто из молодых не читает молитв. При этом почти все продолжают верить в духов, джинов и плохие места. А в определенные дни весной в некоторых селах женщины плотно закрывают окна, чтобы уды-ведьмы, пролетая мимо, не украли малое дитя и не заприметили подростковую дочь.

– Нана, почему ты меня не разбудила?

– Ты бы ничего не смог сделать, такой ливень был, что на небо можно было подняться.

– Я поднялся бы и остановил там дождь!

– Оно и к лучшему, что вода размыва твоих зверушек. Больше не нужно лепить ни животных, ни людей. Нельзя этого делать, нам вера запрещает.

– Я хотел каждому воину кавдивизии, как память.

– Зачем им твои кривые лошадки? Пусть этим занимаются те, кто умеет это делать. Ты не умеешь.

– Смогу, если выучусь на скульптора.

– Это не занятие для мужчины-антиха... Не ходи больше на озеро и на холм не ходи. Никакой грязи и глины чтобы я не видела.

А куда мне было ходить, если не к озеру? Поиграю на лысом берегу, потом перейду к зарослям камыша, поброжу там, пугая диких уток. Однажды меня самого Диса напугала. Подошла тихо сзади, и глухим голосом как крикнет:

– Ты что здесь один делаешь? Хочешь утонуть, как твоя мать?

Я встал, как вкопанный, а под ногами топь, стоять на месте нельзя, засосет. Это был год моего взросления, и я понимал, что смерть матери каким-то образом связана с Дисой. Ей бы молчать, как обычно, но она решила мне напомнить о ней. Да еще смотрит мне в глаза. Ты почему на меня уставилась? Бери свою грязь и иди отсюда, я тебе не мешаю, и меня не трогай! Мои ноги увязли в жиже, она вдруг задвигалась, мягко оседая и обволакивая мои ступни и икры. Если меня засосет, то никто не найдет. Мою мать хоть нашли и похоронили... Не смотри на меня, я лишь раз подумал про нее плохо. Всего один раз. Не я, а ты виновата в ее смерти. Слышишь, колдунья!

– Мама, кто там?

В камышах появилась Уля. Приехала!

– Тефит, что ты там делаешь?

– Тащи его... Стоит, как истукан, затаяет его скоро.

Диса сама не притронулась ко мне, Уля взяла меня за руку и легко вытащила из жижи. Отвела на лысый берег, помогла помыть ноги и сама постояла в соленой воде, шутя и смеясь. Уля, какая же ты краси-

вая! Мы шли обратно рядом, она теребила меня за волосы, обнимала. Почему она меня так любит? Хотела мальчика, а родила девочку, только лишь поэтому? А я почему так ее жду, что сердце колотится при встрече?

– Майа приехала со мной. Приходи к нам вечером. Я пироги буду печь.

– Приду, я люблю пироги.

Не скажу ведь, что я люблю и пироги, и ее руки, и смех, и глаза...

Майа, как же тебе повезло. И не только с мамой. Отец у тебя такой большой и сильный. Правда, всегда хмурый. Но зато он у тебя есть, живой.

Паго, муж Ули, из Бахасана. Улю он туда забрал, когда та школу заканчивала. Приехал он в Която не за женой, а за конем. Выбрал гнедую, хорошую лошадь и чтобы проверить, какая она на ходу, вышел на улицу. Диса замерла у себя в комнате, прощуршала мышь в углу, на нее кот бросился, схватил, мышь запищала. Диса кота за дверь выгнала и позвала Улю.

– Сходи к Аружан за солью.

– А зачем так далеко? Я у Нафин возьму.

– Я сказала, иди к Аружан.

Уля пожалала плечами, вышла за ворота и быстрым шагом пошла вниз по улице. Диса присела во дворе. Кот на траве игрался с мышонком, то выпуская его, то снова запуская когти в маленькую плоть.

Аружан вынесла девочке соль, и та пошла обратно. Услышав за спиной топот копыт, сошла с дороги на обочину и обернулась. Она почему-то рассмотрела пыльные кирзовые сапоги всадника и подумала, что надо бы их хорошо помыть и натереть маслом. Паго заметил высокую девочку, только подумал, какая милая, как та уронила что-то.

– Что, красавица, лошадь моя тебя испугала? Она не привыкла ко мне еще, вот и понеслась сразу.

Уля не поднимала глаза, упершись взглядом в пыльную обувь мужчины. А тот спешил. Зачем? Мало ли, девочка у дороги что-то уронила.

– Так ты соль рассыпала. С кем ссориться будешь? Кто дома ждет? Разговорились...

Диса вздохнула, выпрямляя спину. Кот положил перед ней придушенную мышь. Паго через месяц прислал сватов. Уле семнадцати не было еще, но разве мать будет против? Паго, хоть и был однажды женат и имел ребенка, не бедно жил, наверное, прокормит семью, раз колхозной фермой управляет.

– Мама, он старше меня на все двадцать.

– И что теперь? Я должна искать тебе другого жениха, или ты забыла, от чего я хочу тебя уберечь?

Уля хотела бы забыть, как однажды сын мельника затащил ее в овраг и повалили на землю – она еле вырвалась.

– Некому за тебя заступиться, все это знают. Так что лучше выйдешь за того, с кем не пропадешь.

Не пропала Уля, повзрослела, еще красивее стала. Дочку родила, она не такая милая, как мать, но белокожая, с тонкой костью. Хмурая, как отец. Или она в бабушку Дису такая?

– Нет, Тефит, больше не пойдешь к соседям, стыдно уже. Если Уля приехала на три дня, ты все три дня возле нее должен быть?

Нафин ругает внука, хоть и жалеет его. А ему дома не сидится, скучно ведь. Раз к Уле нельзя, поедет с женщинами к холмам, за глиной. Они и не против, мальчик помогать им будет. За это лето подружались, пока кирпичи саманные делали, не раз за село пришлось ездить. Глину с конским навозом и соломой мешают, в деревянную форму вываливают и сушат, опять-таки, на солнце. Женщины немало кирпичей так отлили за лето, но ливень подпортил последнюю партию, вот и пришлось снова отправиться к холмам. Тефит не отпрашивался у наны, а та бы и не отпустила его. В дороге мальчик молчит, о чем он будет говорить с женщинами? Они не похожи на Улю, которая интересуется его мыслями, удивляется его словам, загадывает загадки и смеется над неправильными ответами, совсем не обидно смеется. Дорога пустынная, в поле несколько коров лениво оглядываются на проезжающих, орлу в небе вовсе не до путников, он свою добычу ищет на холмах, в траве.

Тефит помогает набрать глины, женщины молча и быстро делают свое дело. Обратного мальчику все равно идти пешком, не будет же он садиться в телегу, нагруженную глиной. Он говорит, чтобы его не ждали, и поднимается на холм.

Харамауашха – место, где погиб Сосруко, герой преданий. Отсюда видны горы Пятигорья, мой любимый Машук. И Ошхамахо – Эльбрус. Он кажется таким маленьким, собранным, игрушечным. Я ни разу не был у его подножия. Горную цепь разглядываю каждый раз, когда поднимаюсь на холмы. Хоть нечетко, но видел, что двуглавая вершина не стоит в этой цепи, а чуть в стороне. И здесь я обычно давал себе клятву быть сильнее, не бояться мальчишек, мышей и рассказов деда. Знал, что если ты вступил в пору взросления, то спать где попало нельзя. Во время сна в тебя попытаются проникнуть джинны. Неизвестно какие. Может, вовсе и не джинн придет к тебе в какой-нибудь час, когда ты без защиты.

Я заснул тогда на холме. Мне приснилась Уля...

Перевод с кабардинского автора

Кулиев Хусей Магомедович – член Союза писателей России. Автор сборника рассказов «На завалинке», около ста произведений юмористического жанра на балкарском и русском языках. Его пьесы и сценки ставятся на сценах местных театров, транслируются по телевидению и читаются по радио.

«КРИТИК»

В редакции, как всегда, шумно. Носятся какие-то типы с рукописями, сотрудники о чём-то спорят в углу, телефоны трещат, в общем, кавардак. Лалак, не обращая внимания на весь этот шум и гам, проходит в свой кабинет и, не снимая пальто, хватается за телефон.

«Алло! Алло! Шотту, ты? А это я! Ну как ты там? Прочитал? Как это что? Опус этого дурака Шоная! Его новую повесть «Конфликт»? Прочитал, да? Ну и как? Правда, чушь? Ни эпитетов там настоящих нет, метафоры какие-то слабенькие, а уж о гиперболах я и не говорю! Дрянь, а не гиперболы! А последняя сценка? Ну, там, где главный, так сказать, герой, спорит с директором комбината? Правда, ерунда? Ну, что это за спор? Вместо оживлённого искромётного диалога, тягомотина какая-то! Со скуки можно помереть. Нет, это не спор! Ты мне дай настоящий искромётный спор, так, чтобы я весь дрожал от наслаждения, когда читал, вот тогда я тебе поверю, а так... В общем, не повесть, а чепуха! Да и вообще, этот Шоная не писатель. Ремесленник! Кропает там белиберду...

Что? Серьёзно? Я, правда, предисловие и не читал. Знаешь, я их вообще не читаю! Сразу беру быка за рога! Кто, говоришь, его написал? Да ты что? И он хвалил эту повесть?

Хм! Вообще-то, конечно, если как следует разобраться, есть в этой вещичке, я бы сказал, нечто такое, знаешь, оригинальное, даже изюминка какая-то! Метафоры там довольно сильные, если не сказать больше, эпитеты весьма красочные, о гиперболах я уж и не говорю. Мощные, прямо скажем, гиперболы! За душу прямо берут! Особенно в последней сценке! Там, где главный герой спорит с директором комбината. Вот это, я понимаю, спор! Искромётный, прямо скажем, спор! Насыщенный, богатый, не оторвёшься! Я весь дрожал от наслаждения, когда читал! Вот! И вообще, молодец этот Шоная! Умница! Порадовал нас всех. Ну, бывай! Звони!..»

Лалак кладёт телефон, снимает пальто и садится в кресло. Заходит Хотту. Завотделом прозы. Лалак вскакивает и жмёт его руку. Хотту садится напротив Лалака и достаёт из внутреннего кармана книжку. Повесть «Конфликт»...

– Читал?

– Да!

– Ну и как?

– А ты как?

Хотту листает книжку и подаёт её Лалаку.

– Да как тебе сказать? Вообще-то...

– Вот и я говорю, что чувшь! – Лалак вертит в руках книжку. – Ни метафор тут настоящих нет, ни эпитетов, а о гиперболах я уж и не говорю, дрянь какая-то, а не гиперболы! А последняя сценка? Ну, там, где этот главный, так сказать, герой спорит с директором комбината. Ну кто так спорит? Вместо искромётного спора мычание какое-то. Не-е-ет! Это не спор! Ты мне дай настоящий, искромётный спор, чтобы я весь дрожал от наслаждения, когда читал! Вот тогда я тебе поверю! А так... В общем, чепуха!

Что? А главный хвалил, говоришь? И даже очень? Серьёзно? Хм. Ну, если разобраться, то старик-то наш немножко фурьчит в литературе. И даже не немножко, а хорошо фурьчит! Собаку, можно сказать, в ней съел.

М-да... Ну что тебе сказать об этой повести? Есть, конечно, здесь, – Лалак снова вертит книжку в руках, – есть здесь, конечно, кое-что. И не кое-что, а оригинальное, я бы сказал, что-то. Я бы даже заметил бы, изюминка какая-та. Метафоры довольно сильные, если не сказать больше, эпитеты весьма красочные, ну а о гиперболах я уж и не говорю. Мощные, прямо скажем, гиперболы! Особенно в последней сценке. Где главный герой спорит с директором комбината. Вот это, я понимаю, спор! Искромётный, богатый, насыщенный. Веришь, я весь дрожал от наслаждения, когда читал! А ты? Что? Ты ещё и не читал эту повесть? Прочти! Получишь огромное удовольствие! Молодец этот Шонай, правду сказать! Талантлив, как чёрт!

Хотту вздыхает и уходит, покачивая головой, а Лалак достаёт из шкафа книжку. На обложке название. Повесть «Конфликт». Лалак задумчиво листает книжку. Звонит телефон. Лалак берёт трубку.

– Алло! Кто говорит? Читатель? Какой ещё читатель? Ах, читатель! Очень приятно! Что же вас интересует? Читал ли я повесть «Конфликт»? Хм. А вы кто? Ах да, вы ведь читатель! Ну, а вы читали эту повесть? Читали, да? Ну, каково ваше мнение о ней? Писатели, знаете ли, пишут, в общем-то, для вас, и мне крайне интересно знать... Что? Вы всё-таки сначала хотели бы знать, читал ли я её? Хм. Ну, читал! Ну и что? Моё мнение? Ну, что вам сказать? Повесть-то так себе. Серенькая, прямо скажем, вещь. Ни метафор там настоящих нет, эпитеты

какие-то слабенькие, а о гиперболах я уж и не говорю. Горе луковое, а не гиперболы! А последняя сценка? Где этот, с позволения сказать, главный герой, спорит с директором комбината! Ну что это за спор? Скука смертная, а не спор. Разве так спорят? В час по чайной ложке! Нет, ты мне дай настоящий, искромётный спор! Чтобы я весь дрожал от наслаждения, когда читал! Вот. В общем, не повесть, а чепуха!

...Что? Автор повести – ваш отец? Тагаш, это ты, что ли? Вот те на! А я тебя и не узнал! Что у тебя с голосом? Почему хрипишь, как зарезанный? Простыл, говоришь? Хм. Сто грамм хряпни, понял? А ещё лучше – двести! Вот. Желательно с перцем! Столовую ложку перца и...

Что? Так я и говорю о повести! Читал, конечно! Читал и вот перечитываю! Какая великолепная вещь, я тебе скажу! Какие тут метафоры, какие эпитеты! А о гиперболах я уж и не говорю! Мощные, прямо скажем, гиперболы! Особенно в этой, как её, в последней сцене. Ну, где главный герой спорит с директором комбината. Вот где спор! Искромётный, насыщенный, богатый! Верить, я весь дрожал от наслаждения, когда читал! Молодец твой отец! Так ему и передай! Ну, пока!

Лалак кладёт трубку и снова берётся за повесть. Позёвывая, перелистывает несколько страниц. – М-да-а. А если честно, дрянь это, а не повесть! Вода одна! Ну кто так пишет? Что за дурацкий спор главного, так сказать, героя с директором комбината? А метафоры где, я вас спрашиваю? Где эпитеты? О гиперболах я уж и не...

Входит Шонай. Автор повести. Лалак несколько секунд смотрит на него, раскрыв рот, затем вскакивает и бросается обнимать.

– Ну, молодец! Обрадовал, прямо скажу! – Лалак вытирает сухие глаза. – Какую вещь отгрохал, а? Толстой, честное слово, Хемингуэй! Какие метафоры, какой великолепный язык, какие красочные эпитеты! А гиперболы? О них я уж и не говорю! Мощные, прямо скажем, гиперболы! И где ты их нашёл? А спор? Ну, там где твой главный герой спорит с директором комбината! Вот это, я понимаю, спор! Искромётный, богатый, насыщенный. Верить, я весь дрожал от наслаждения, когда читал! Вот что значит, настоящий писатель! Вот настоящий талант! Спасибо, большое спасибо тебе, дорогой!

И Лалак снова вытирает свои сухие глаза.

ДУБЛЁНКА

– Пляши! – кричит однажды утром жена, – скоро нас будет трое. Поздравь!

Я от радости чуть не упал.

– Душенька! – кричу, – лапочка, поздравляю! Мальчик или девочка?

– Женщина! – говорит жена. – Моя мама переезжает к нам.

Вот тут я упал. Целый час был в отключке. Снились мне какие-то крокодилы с разинутыми пастьями, змеи и один дракон. При этом все они здорово смахивали на маму моей жены, то есть на мою тещу. Особенно дракон. Был он весь жёлтый, пасть, конечно, красная, а в пасти... я. Вот.

Очнулся я уже в полдень. Жена привела в чувство.

– Очнись, – кричит. – Я пошутила.

Я встал кое-как и... опять упал. На диван. Ноги отказали. Голова не моя. Стучит там что-то, гремит и поёт. Вот.

– Ну, – говорю жене, еле приходя в себя, – ну и шутки же у тебя! Так ведь и insult недолго схлопотать!

– Обойдётся, – говорит жена, – ишь чего захотел! Insult ему. Шиш!

– Да ты, – говорю, – знаешь хоть этот insult? Знаешь, что это такое?

– Я знаю одно, – жена садится рядом со мной и тычет мне пальцем в грудь. – Или ты покупаешь мне дублёнку, или мама переезжает сюда! Выбери! Срок один час.

– А я уже выбрал, – говорю ей поспешно. Тут и выбирать нечего. Конечно, дублёнку. Тебе с каким мехом? Кроличий подойдёт?..

– Ха, – опять кричит жена. – Кроличий! И как я его буду носить? Ведь меня люди засмеют!

– Не засмеют, – говорю я, – крольчиха вон носит и никто не смеётся, а если и смеются, то ей плевать. Лишь бы муж не смеялся. Кролик.

– Так он и смеяться не умеет, – зло кричит жена. – Только зубы скалит. Это во-первых. А во-вторых, я-то ведь не крольчиха! Что же ты меня со всякой скотиной сравниваешь?

«Да, – думаю, – здесь ты права. Это точно, что не крольчиха. Детей у нас до сих пор нет». – А вслух говорю:

– Милая, крольчиха не скотина, а животное.

– Один чёрт! – орёт жена. – Какая разница! В общем, хочу импортную дублёнку.

– Какую? – ехидно спрашиваю я. – Канадскую или французскую?

– Обе, – говорит она, не обращая внимания на моё ехидство. – Мне канадскую, а маме французскую.

– Что-о-о?! – теперь уже ору я. – И ей?!

– И ей.

– А ей зачем?

– Носить.

– Где? Она ведь дома сидит.

– Дублёнки нет, вот и сидит. Короче, – жена встаёт с дивана. – Я сказала, ты слышал. Чао!

– Подожди, – я умоляюще смотрю на неё. Может, обойдётся пока без мамы?

– Обойдёмся, – говорит жена. – Тогда мне ещё сапожки. Импортные, конечно.

– Давай серьёзно. – Я тоже встаю. – Шубу, так и быть, беру. А сапожки у тебя есть. Четыре пары.

– Хорошо, – говорит жена. – Только чтобы дублёнка была импортная. Всё! Чао!

Что было делать? Утром я был уже на толкучке. Во-первых, я приехал туда по привычке, которая выработалась ещё в те времена, когда никаких супермаркетов и в помине не было, а во-вторых, в этих супермаркетах я теряюсь. Никак не привыкну к ним. У меня никак не складывается в голове то, что всё лежит, а ты ни черта не можешь взять. Вот. А в-третьих, у меня возник один планчик из трёх пунктов.

Пункт первый: купить дублёнку как можно дешевле.

Пункт второй: сэкономить хотя бы рублей пятьсот.

Пункт третий: пропить их в ближайшем кабаке.

В общем, план был очень недурён, и требовалось как можно быстрее претворить его в жизнь. Подхожу к одной толстухе с дублёнками разных цветов.

– Здравствуйте.

– Проходи. Работать надо, а не кланчить! – говорит она, лузгая семечки.

– Да я не кланчу, – возмущаюсь я. – Вы дублёнки продаёте?

– Ну не картошку же! – толстуха усмехается. – Не видишь?

– Вижу. Мне женскую, импортную, размер пятьдесят.

– Какую импортную? – толстуха смотрит на меня уже с интересом.

– Есть канадские, французские...

– Французскую, – говорю я и, чтобы показаться, что не лыком шит, прибавляю: – Шерше ля фам!

– Так ты, – толстуха смеётся, – так ты, друг милый, женщину ищешь или дублёнку?

– Дублёнку, – говорю я и тоже смеюсь. – Женщина уже есть.

– Ладно, – говорит она, – щас нарисуем. – И кричит через мою голову куда-то: – Манька!

– А! – отзывается другая толстуха из второго ряда. – Я тут!

– Подь сюда!

– Иду-у-у! – подбегает Манька. В свитере и фартуке.

– Слышь? – обращается к ней продавщица дублёнок, – французскую. Быстро!

– Айн момент! – Манька бросается обратно и тащит целый фартук этикеток. Выбирает одну и подаёт мне. – Подойдёт?

Я смотрю, этикетка довольно солидная, написано не по-нашему.

– Подойдёт!

– Тогда выберете дублёнку, а я оформлю. – Маня лукаво улыбается.

- Стольник.
- Лады. – Я поворачиваюсь к дублёнкам. – Вот эта рыжая почём?
- Сто.
- Даю пятьдесят.
- Да ты что? Смотри, воротник какой?
- А из чего он?
- А я знаю? Говорили, норка.
- А дублёнка чья?
- Моя.
- Как ваша? Из вашей кожи?
- Слушай, мужик, – продавщица выходит из себя. – Берёшь – бери, а нечего тут...
  - Но я хочу знать, из какой она шкуры!
  - Ну, раз дублёнка, то из дублёной!
  - Тьфу! Шкура чья?
  - Кабана!
  - Чья?
- Кабана, говорю, – продавщица мнётся, – а может, и не кабана. Может, барана. Чёрт её знает, меня рядом не было, когда эту шкуру снимали.
  - Мда-а... В общем, шестьдесят.
  - Семьдесят! И катись ты к чёрту!
  - Беру. – Я отсчитываю тётке семьдесят тысяч, беру дублёнку и иду к Маньке. Она присобачивает этикетку, и дублёнка превращается во французскую. Довольный сделкой и тем, что я свой план даже перевыполнил, сэкономил не пятьсот, а целых пятьсот десять, отправляюсь в кабак.
- Вечером, навеселе, напевая, иду домой. Захожу. Жена на кухне.
  - Пляши, – говорю, – держи! – И кидаю ей дублёнку. – Три тысячи баксов отвалил! И за бельё тысячу. – И подаю ей упаковку.
- Жена смотрит на дублёнку и... принюхивается. Потом подозрительно смотрит на меня. Я взрываюсь:
  - Ну что ты нюхаешь, что нюхаешь? Не видишь – французская, в супермаркете взял!
  - А из чего она?
  - Как из чего? Из шкуры! – я усмехаюсь. – Коню ясно.
  - Из чьей?
  - Ну не моей же! – Я опять взрываюсь. – Ну что ты придираешься? Вот дублёнка, вот воротник из... норки. А ну, надень!
- Жена надевает дублёнку, и мы выходим во двор, чтобы показать-ся знакомым. Но тут собаки, которые мирно копошились в какой-то куче, с воем и лаем кидаются на жену, нисколько не обращая внимания на меня. Жена в панике прячется за моей спиной. Собаки ялятся ещё больше и стараются достать её. Мы опрометью кидаемся в дом. Наша

комнатная Жужу, которая дремала до этого на кухне, вдруг с визгом прыгает на дублёнку и вцепляется в неё зубами. Что такое? Я насилу отдираю Жужу и смотрю на жену.

– Что это они к тебе привязались все?

– А это тебя надо спросить! – кричит жена. – Ты что это мне привёз?

– Дублёнку, – говорю я. – Воротник – норка.

– Чёрта лысого норка! – орёт жена. – Кошка, самая настоящая! Я ещё по нюху определила! А собаки подтвердили! Они кошку чуют за версту! Тебя провели, как последнего лопуха! Где этот супермаркет? Едем сейчас же туда!

– Куда? – говорю я, пряча глаза. – На ночь глядя.

Уф-ф-ф! В общем, пришлось мне всё выложить, скандал был огромный, в результате чего тёща переехала жить к нам. И теперь нас трое. Вот!

«ДРУЖКИ»

Сидим у Шоная. Так называемые «дружки жениха», то есть мы – его приятели и собутыльники. Пришли его женить. В третий раз, между прочим. Первую жену Шоной выгнал, за то, что она якобы много ела. Вторая ушла сама, сказав, что чуть не подохла от голода у этого скупердяя.

Шоная после всего этого приуныл и стал скулить, что остался один, и что он уже не мальчик, и чёрт-те что может случиться, а ему и стакан воды подать будет некому и т.д. и т.п.

Короче, пристал к нам, чтобы мы его женили. Ну что ты с ним будешь делать?! Он ведь не отстанет. Если уж вбил себе в голову, то уже всё! Упрямый, как... В общем, понятно как. Вот.

Ну, собрались мы, и наш бессменный тамада, по имени Касох, держит речь. Сидим мы в жарко натопленной комнате, так как на дворе январь и мороз градусов двадцать. Касох в толстой ватной фуфайке и суконных штанах, стоит, прислонившись к железной печке, и даёт нам, как всегда, наставления:

– Пока не привезём невесту, – веско говорит он, – никто не пьёт. – Слышали? Ни капли водки!

– А вино можно? – спрашивает Хутта. – У меня тут...

– И вино нельзя! – перебивает Касох. – Вино ещё хуже. Ты, например, от вина дуреешь ещё быстрее, чем даже от спирта. Помнишь, что ты вытворял на той неделе от двух бутылок вина? Вообразил себя жеребцом и требовал, чтобы мы тебя запрягли в сани. Этого хочешь?

– А что? – говорит Шутта. – Это мысль. Транспорта у нас нет, дадим Хутте пару бутылок шмурдяка и пускай везёт нас.

– Я повезу! – Встаёт Хутта. – Я тебя так повезу...

– В общем, – продолжает Касох, – я вас предупредил. Теперь да-
вайте...

– Касо-ох! – кричит Лалак, – отойди от печки. – Сейчас задымишь!

Касох поспешно отодвигается, но уже поздно. Его штаны вспыхивают, как факел. Мы бросаемся тушить. Лупим его по штанам, стараемся их снять, но Касох вырывается от нас, бежит в угол и с размаху садится в ведро с холодной водой. «Пш-ш-ш!» Комнату заволакивает паром, и Хутта, думая, что его никто не видит, быстренько вытаскивает бутылку «Золотой осени», откупоривает и поспешно прикладывает к содержимому.

Но мы видим. Видим и вырываем у него бутылку. Чтобы допить самим. Вот.

Лалак бросается к окну и выбивает стекло. Пар выходит в окно, но вместо него врывается мороз.

– Идиот! – кричит Касох с ведра. – Заткни чем-нибудь окно. – Мне что, околоть тут, что ли? Видишь, я и так сижу в холодной воде.

– Не бойся, – говорит Лалак. – Она уже согрелась. – Посиди ещё.

Но тут Шонай, хозяйин дома, накидывается на Лалака.

– Тебя, – кричит, – кто уполномочивал разбивать моё окно? Где я теперь стекло возьму? Оно ведь денег стоит!

– А дышать чем? – огрызается Лалак. – Паром, что ли? Нам что, задохнуться тут прикажешь из-за твоего паршивого окна? Заткни вон подушкой.

– Правильно! – опять кричит Касох. – Заткните подушкой. – А ты, – обращается он к Шонаю, – не выступай, понял? Если хочешь знать, это всё из-за тебя. Какого чёрта раскалил так печку? Руду, что ли, собрался там плавить? Там железо сгорит, не то что одежда! – Он встаёт и смотрит на заднюю часть своих штанов. Там огромная дыра, с дымящимися краями. – Ну, куда я теперь поеду с этой дырой? – надвигается он на Шонаю. – За какой невестой? Чтоб ты провалился вместе с ней!

– Да, – глубокомысленно говорит Шутта, – с такой дырой к невесте переть нечего. Не поймёт.

– Касох, – Лалак смотрит на Касоха с жалостью. – Может, тяпнешь? Грамм триста – и забудешь всё. А если бутылку вмажешь, то не только в этих штанах, а вообще без штанов поедешь. Давай?

Касох презрительно смотрит на него, а потом на нас. – Я пойду, переоденусь, – говорит он. – Смотрите тут без меня. Если кто хоть рюмку выпьет, брошу, как собаку. Никуда он не поедет. Поняли?

– Поняли, – говорит Хутта, облизываясь. – Будь спок, шеф! Мы будем сухие, как гербарий.

– Не остроумничай, – говорит Касох, – подозрительно смотря на него. – Ты что облизываешься?

– Губы потрескались, – улыбается Хутта. – От сухости.

– Ладно, – говорит Касох, – я сейчас приду.

Касох уходит, и Хутта тут же кидается к Шоной.

– Давай! Давай! Не стой столбом! Давай, пока его нет!

– Кого нет? – Шоной вяло поднимается. – Что давать?

– Водку давай, остолоп! – кричит Хутта. – Пока этого наставника нет. Водку, вино, всё, что есть!

– Ничего нету, – вздыхает Шоной. – Голяк.

– Как голяк? – Хутта бледнеет. – Совсем голяк?

– Совсем.

– Да ты что, издеваешься? – Хутта смотрит на нас. – Видали этого типа? То проходу нам не давал, жените да жените, а женить собрались, так у него ничего нету! Ты что, за дураков нас держишь? В такой собачий холод мы поедем голодные да холодные за тридевять земель за какой-то мымрой? Держи карман шире. Я никуда не поеду!

– Ну и не езжай, – говорит Шоной. – Подумаешь, напугал. Другие поедут.

– И другие не поедут. – Хутта смотрит на нас. – Ведь не поедете же?

Мы отрицательно качаем головами. Шоной нехотя встаёт и достаёт из шкафа начатую бутылку водки. – Натё, подавитесь!

Мы все удивлённо смотрим на бутылку.

– И это всё? – Лалак берёт бутылку и взбалтывает. – Самопал. При этом самый худший.

– А ты бы хотел «Абсолют» да? – Шоной усмехается. – Скажи спасибо и за это.

– Спасибо, – говорит Лалак и кланяется в пояс. – Уважил нас. Жадюга. Жмот. Крохобор! Недаром от тебя жёны убегают.

– Увидите, – встречает Шутта, – и эта убежит. Зря мы всё это затеваем. Она ведь не дура, с таким сквалыгой жить. Никакая девушка на это не согласится. Кстати, как зовут девушку-то?

– Майрус, – говорит Хутта. – И никакая она не девушка. – Ей за пятьдесят. Нашёл девушку!

– Как за пятьдесят? – Лалак в недоумении. – Я слышал, что она м-м... не первой молодости, но что за пятьдесят... А что, моложе не было там, в этом ауле, куда вы ездили с Касохом в поисках жены для этого оболтуса?

– Те, кто моложе, не захотели, – вздыхает Хутта. – Да и эту мы уговаривали часов пять. Пришлось пообещать пару баранов, и двух индюков. Правда, она требовала пять индюков, но сошлись на двух. Так что, Шоной, готовь индюков и баранов. Их надо везти с собой. А то она откажется. Скажет, надули.

– Ну и пусть скажет! – Шоной машет рукой. – Я вас не просил обе-

щать. За двух баранов я бы и здесь нашёл, не говоря уже про индюков. Услужили называется. Спасибо за такое услужение.

– Так ещё не поздно, – улыбается Лалак, вынимая из бутылки за- тычку. – Иди, ищи! Найдёшь – бараны с меня! Даю слово мужчины. Иди!

– Не пойду, – говорит Шонай, следя за бутылкой. – Не хочу остав- лять вас одних. Боюсь, заскучаете тут без меня.

– Не этого ты, друг, боишься, – нюхает водку Лалак. – А боишься ты, что мы твою заначку найдём. А я и так знаю, где она.

– Где? – настораживается Шонай. – Ну-ка, скажи.

– Не скажу, – говорит Лалак. – Не хочу выдавать друга. – Сходи, принеси стаканы.

Шонай встаёт и плетётся на кухню.

– Его не исправишь, – говорит Лалак вслед ему. – Скупость у него в крови.

– Точно, – говорит Хутта. – Помните его отца? Скупость этого человека вошла в поговорку. Помните, как он одному алкашу, вместо водки, старый градусник дал. Тут, говорит, тоже градусы, пей на здо- ровье.

– Да, – смеётся Шутта, – было дело. – Зато богатый был. Всё у него было. И гвозди, и шурупы, и...

– Какие ещё гвозди? – Шонай, зашедший в этот миг со стаканом, с укором смотрит на Шотту. – У нас, если хочешь знать... м-м-м... ни- чего не было! Вот!

– Было и есть! – твёрдо говорит Лалак, посмотрев на Шоная. – Есть! Только ты ещё похлеще своего отца. Ты почему только один ста- кан принёс, да и тот мутный какой-то? Нас здесь трое.

– Четверо! – Шонай тычет себя в грудь. – Меня что, не считаешь?

– Нет!

– Почему?

– Жениху не положено. А то дети будут дебилами.

– Ты за моих детей не бойся. – Шонай ставит стакан на стол. – На- ливай. Как бы ни был я пьян, мои дети всё равно будут умнее тебя. Наливай.

– Нет! – Лалак отодвигает стакан. – В этот стакан не буду. Я ещё жить хочу. Принеси чистый. Или чистые.

– Чистые потому и чистые, что из них не пили, – говорит Шонай. – Тем более, вы. После вас их неделю надо мыть, да и то вряд ли от- моешь. Не хотите пить, не надо. Налей мне.

Лалак, цокая и чмокая, наливает стакан до половины.

– Ещё, – говорит Шонай, – наливай полнее. Что ты жалеешь эту гадость? Не ты же её покупал.

Лалак охотно наливает стакан до краёв и быстро выпивает сам.

Шонай остаётся с протянутой рукой. В это время распахивается дверь, и, запыхавшись, влетает Хотту. Ещё один наш «дружок».

– Аха! – кричит он, даже не думая здороваться, – расселись тут! А там такие дела!

– Какие дела? – мы смотрим на него. – Что случилось?

– А вы что, ничего не слышали?

– Нет! А что?

– Как? Действительно ничего не слышали? – Хотту удивлённо смотрит на нас. – Ничего себе!

– Да говори, подлец, что случилось? – теряет терпение Лалак.

– А то случилось, – говорит Хотту, стараясь отдышаться, – что Камук с обрыва слетел! На комбайне!

– Ка-а-ак?

– Как слетел?

– Он живой? – Мы вскакиваем с мест и набрасываемся на Хотту с вопросами.

– Я косил рядом, – начинает Хотту. – А он убирал кукурузу. Ну, ту, что над обрывом. Убирал на силос.

– Да знаем, – орёт Хутта. – Дальше!

– Вот. Убирал, значит, а я косил. Рядом косил. Дай, думаю, Рыжке, это я корову свою так назвал, в честь одной дамы, с которой я познакомился на море. Такая была, такая была, у-у-ух! Рыжая, толстая. Как-то раз... ну, ладно, об этом потом, вот, кошу я, значит, рядом, хочу корову, Рыжку эту, побаловать зелёной травкой, я очень её люблю, корову имею в виду, это такая корова, такая корова...

– Слушай, ты, корова! – Лалак берёт Хотту за шкуру. – Ты будешь толком говорить? На чёрта нам твоя корова? Ты скажи, Камук живой или нет? А то заладил, корова, корова! Плевал я на твою корову! Камук живой?

– Так я и говорю, – освобождается Хотту от Лалака, – я косил рядом корове...

– Тьфу ты, чёрт! – Хутта хватает Хотту за обе руки. – Умоляю! Камук живой?

– Не знаю, – вздыхает Хотту, – я косил рядом, не перебивайте, а то вообще ничего не скажу, так вот, я косил рядом, а Камук убирал кукурузу...

– Слышали! – орём все, – на сило-о-ос! Знае-ем? Дальше-е!

– Убирал кукурузу, – невозмутимо продолжает Хотту, – на силос, вот, и вдруг, смотрю, он едет прямо в пропасть, да ещё и улыбается при этом. Я бросаю косу и мчусь наперерез. Машу руками, кричу: «Сто-о-ой! Сто-ой!». Чёрта с два! Он, продолжая улыбаться, кивает мне головой и показывает, что всё в порядке. Я ору: «Какой порядок? Сейчас свернешься в пропасть, будет тебе порядок!» А он кричит: «Не

дрейфь! За баранкой Чкалов!..» И пока он это кричал, улетел. Ну, а я к вам полетел. Вот.

– Так чего же ты, обормот, – кричит Шутта, – к нам прилетел. К нему надо было! Может, он ещё живой! Может, ему помощь нужна!

– А что я один сделал бы с ним? – обижается Хотту. – В нём пудов десять. Попробуй, подними. Вот и прибежал к вам за подмогой.

– Ладно, – решает Лалак. – Шонай! Ты оставайся здесь, придёт Касох, скажешь ему, так, мол, и так. А мы побежим к Камуку. Может, действительно, он ещё жив. Побежали!

Мы бежим. Прибегаем к обрыву, на счастье, это недалеко от села, спускаемся по тропинке вниз и видим: на дне пропасти стоит комбайн цел-целёхонек, а рядом с ним лежит Камук и... бессмысленно улыбается. Колени у него дрожат, голова дёргается, а руки трясутся. Он смотрит на нас и продолжает улыбаться.

– Ты что лыбишься? – кричит Шотту. Камук приходится ему зятем. Женат на его двоюродной сестре. – Ты что лыбишься? Жить надоело? – Шотту садится рядом с ним и принимает. – Так я и знал, – говорит он, поднимаясь. – Пьян, как свинья.

– Н-н-нет, не пьян-н-н, – говорит вдруг Камук. – Выпимши. На... на... натошак хряпнул, ну и... А виновата, – уже увереннее продолжает он, – виновата твоя сестра! Не положила мне завтрак в кабину, а я думал, положила, выпил, кинулся закусить, а там ни черта нет, ну и... уф-ф-ф!

В это время прибегают семья Камука. Жена и двое сыновей.

– Папа-а-а! – орёт младший. – Что случилось-о-о-сь?

– Сволочи вы, – говорит Камук, лёжа. – Вот что случилось! Какого чёрта подсунули мне комбайн, в котором нет тормозов? Убить меня хотели, да? (Сыновья Камука работают в гараже. Ремонтируют сельхозмашины. И этот комбайн тоже отремонтировали они.)

– Неправда! – кричит старший. – Там всё в порядке! Я сам проверял!

– Проверял! – желчно усмехается Камук. – Проверяльщик тоже мне. – Я вот встану и проверю... так проверю...

– Дорогой! – кидается жена Камука к нему, – ты живой, и это самое главное!

Она, не стесняясь нас, обнимает его и чуть ли не целует. – Я так испугалась, так... Пойдём! Пойдём домой. Я тебе рубашку новую купила! Пойдём!

– Рубашку? – Камук резво вскакивает. – Рубашку – это хорошо! А это?..

– И это есть! – радостно говорит жена. – Бутылочка в холодильнике! А дети мясо на шашлык замариновали. Пойдём!

– Ладно, – важно говорит Камук и смотрит на сыновей. – Отгоните комбайн в гараж. Ещё раз всё в нём проверьте. – Потом поворачивается

к нам. – А вы что уставились? Спектакль, что ли, здесь? Поглазели и хватит! Идите!

Мы удивлённо смотрим друг на друга. А Камук берёт под руку жену и степенно шествует домой. Сыновья заводят комбайн и тоже уезжают. Мы остаёмся одни.

– Да – говорит Лалак, – помогли, называется. Выгнали нас, как собак. Тьфу!

– А я, – говорит Хутта, – честное слово, завидую этому охламону. Какая у него жена! Какая жена! Ведь он пьяный слетел с этого обрыва, а она хоть бы хны. Ещё и шашлык ему приготовила.

– И не только шашлык, – говорю я, – а...

– Э-э-эх, – вздыхает Лалак. – Дуракам счастье! Мою бы сюда! Из самого бы шашлык сделала. За то, что выпил за рулём. Да что говорить. – И он смотрит куда-то вдаль.

– А моя бы, – говорит Хутта, – и разговаривать бы не стала. Я как-то выпил...

– Знаем, – смеётся Лалак, – это когда ты в жеребца превратился.

– Сам ты жеребец! – обиженно сопит Хутта. – Один дурак сказа-нул, а вы и поверили. Ни в какого жеребца я не превращался. Я что, совсем, что ли?.. Ладно, – машет он рукой, – пошли. – И первым направляется к тропинке. Мы за ним. Приходим опять к Шоною. За столом – Касох. Сидит в новых штанах и плаще.

– Ну что, – говорит он оглядывая нас. – Живой Камук?

– Живой, – вздыхает Лалак. – Пошёл шашлык кушать.

– А вы? Вас не пригласил?

– Какое пригласил? – опять вздыхает Лалак. – Выгнал, как псов!

– Так вам и надо! – Касох встаёт и снимает плащ. – Нечего было шастать. Ладно, – продолжает он, садясь. – Ты, – он смотрит на меня. – Ты у нас самый грамотный, возьми лист бумаги и ручку.

– Зачем?

– Составишь список присутствующих. А где Хотту?

– Смылся.

– Идиот! Ничего, он тоже неженатый. Тоже обратится к нам, посмотрим тогда. Составляй список!

– Зачем?

– Деньги будем собирать!

– Какие деньги?

– Вы что тут младенцами прикидываетесь? – сердится Касох. – Обычаев не знаете? Деньги, которые собирают «дружки жениха»! Поняли? В помощь ему. Не с пустыми же руками переть ему к невесте? Нужен выкуп за неё!

– Так вы же вроде ей баранов обещали, – говорит Лалак. – А деньги зачем? Не жирно ли ей будет. Она же не девочка. Три раза, говорят,

уже была замужем. Нахапала, наверное! Я думаю, баранов вполне достаточно.

– Плохо думаешь! – Касох подвигает ко мне лист бумаги. – В-первых, сколько раз она выходила – не наше дело. Не она нас сватает, а мы её. Вот. Не она нас умоляет, а мы её. Значит, что? Значит, нечего об этом думать. Не хочешь – не бери. А если берёшь – не умничай, а делай всё по обычаю. А по обычаю нужен калым её родителям – раз; выкуп за невесту её подругам – два; поварам, которые будут нас обслуживать – три...

– Каким ещё поварам? – кричит молчавший до сих пор Шонай. – Облезут! У них и так всё под рукой. Ешь-пей не хочу!

– Так вот, – говорит Касох, не обращая внимания на выкрик Шоная, – за шапку – четыре...

– А шапка при чём? – опять кричит Шонай. – Что ты сочиняешь? Какая шапка?

– А такая, – усмехается Касох, – в которой ты будешь там на смотринах.

– Я что, невеста, что ли? – Шонай обиженно поджимает губы. – Что на меня смотреть! Я не телевизор!

– А то смотреть, – объясняет Касох, – что, по обычаю, жениха представляют родственникам невесты. Так сказать, знакомят в первый раз. По этому случаю режут отдельно барана для его «дружков» и устраивают пир. На этом пиру родственники невесты крадут у жениха шапку, а мы – «дружки жениха» – должны эту шапку выкупить. Вот.

– А если я буду без шапки? – вскидывается Шонай. – Что тогда красть?

– Без шапки нельзя, – твёрдо говорит Касох. – Это не по обычаю.

– А я хочу без шапки, – запальчиво кричит Шонай. – Без шапки пойду!

– Ты можешь пойти хоть голым, – тоже кричит Касох. – Дураку закон не писан! Я про обычай говорю.

– Красивый народный обычай, – вставляет Хутта.

– Ага, красивый, как же! – вздыхает Шонай. – Кому красота, а кому горе. Вам, может, это и красота, а мне раскошеливайся. Я женился два раза, и никакой шапки не было! А теперь – шапка. Тьфу!

– Так ты женился-то где? – Хутта смотрит на него. – Первый раз в ЛТП, а второй...

– В каком ЛТП? – орёт Шонай. – Что ты выдумываешь? Не в ЛТП, а в КПЗ на поварихе!

– Ещё лучше, – говорит Хутта. – Хрен редьки не слаще, а второй раз в больнице. Там не до шапок было. Еле живыми выбрались.

– Слушай. – Шотту подвигается к Шоною. – Расскажи, как это

было. Меня тогда здесь не было, и я только краем уха слышал про это? Как тебя угораздило попасть в КПЗ да ещё там жениться? Ну, больница, ладно, но КПЗ?

– Да не в КПЗ это было! – Шонай сердито смотрит на Хутту. – Сочиняют они. Не был я ни в каком КПЗ!

– Ага, не был, – говорит Хутта. – А кто стибрил кур на колхозной ферме? Ты! И кто потом загремел в обезьянник? Ты? А кого на поруки взяла та повариха? Тебя. А кто потом прямо оттуда отправился с ней в загс? Ты! А как ты её отблагодарил? Молчал бы уж!

– Ладно, – говорит Касох, – что было, то было, сейчас не об этом речь. А речь о деньгах. Давайте скидываться. Пиши! – он смотрит опять на меня. – Список готов?

– Да! – говорю я, кивая на лист. – Давно.

– Тогда пиши! – Касох вынимает из нагрудного кармана чёрный бумажник, долго роется в нём, и достаёт тысячерублёвую банкноту. – Пиши! Касох – тысяча рублей!

Я старательно пишу: «Касох – тысяча эр.».

– Следующий, – смотрит Касох на нас. – Кто следующий? Что, языки проглотили? – Потом снова обращается ко мне: – Пиши! Хутта...

– Я не дам! – кричит Хутта. – Не пиши напрасно. Не порть бумагу!

– Это почему же ты не дашь? – спрашивает Касох зловеще. – Ещё как дашь! Пиши...

– Не дам!

– Почему?

– А Шонай мне должен, – Хутта смотрит на Шоная. – Кусок.

– Какой кусок? – Касох тоже смотрит на Шоная. – Что за кусок? О чём он говорит?

– Бредит, – спокойно отвечает Шоная. – Белая горячка.

– Заткнись! – опять кричит Хутта. – Это у тебя горячка! Уже два года, как ты у меня вымолил тысячу рублей, сказав, что вернёшь через час. Хорош час! Не дам больше ни копейки! Пусть отдаёт!

– Ладно! – тоже кричит Шоная, покраснев. – Отдам! Я и забыл про это! Подумаешь, одолжил. Пиши, – обращается он ко мне. – Хутта – тысяча рублей. Пиши!

Я медлю. Смотрю то на Шоная, то на Хутту.

– Написал? – Шоная заглядывает в список.

– Нет.

– Почему?

– Деньги!

– Какие деньги?

– Тысяча рублей. Сначала дайте деньги.

– На! – Хутта достаёт деньги. – Ещё тысяча. Пиши! Хутта – две тысячи.

Я пишу: «Хутта – тысяча».

Хутта смотрит в список.

– Ты почему написал только тысячу?

Но я не успеваю ответить, потому что открывается дверь и заходит... невеста! Майрус! За которой мы должны вот-вот поехать. И которую мы должны привезти с песнями и танцами. А она – вот она! Мы смотрим на неё, разинув рот. А Майрус, усмехаясь, смотрит на нас.

– Что? Не ждали? – Майрус, продолжая усмехаться, проходит к столу и садится. – А я решила вас не дожидаться. Если всё равно мне сюда ехать, то какая разница, с вами или без вас? Ну, что уставились? Где мои бараны? Где индюки? Кто тут Шонай, мой муженёк?

– Я, – несмело говорит Шонай. – А что?

– А то, – говорит Майрус. – Хочу с тобой поближе познакомиться. Как-никак, теперь мы муж и жена. Что ты дрожишь?

Шонай действительно дрожит.

– Я... Я... – блеет он, – дрожу от... от... оттого что в первый раз вас... вас... тебя вижу!

– Я тоже тебя в первый раз вижу, – презрительно цедит Майрус.

– Но я же не дрожу. Хотя дрожать есть от чего. Если бы знала, что ты такой, чёрта лысого я бы согласилась за два барана. Тут не два, а отару надо. Уф-ф-ф! Ну, ладно, – поворачивается она к нам. – Покалякали и будет. Уходите!

– Что?! – Мы смотрим друг на друга. Не ослышались ли мы?

– Майрус! – наконец, говорит Касох, волнуясь. – Мы тут...

– Знаю! – повышает голос Майрус. – Всё знаю! Вы – «дружки жёниха»! Вот этого вот обормота, – указывает она на Шоная, который стоит с пришибленным видом. – Вы собрались ехать за мной. Так? Так! Так вот, я освобождаю вас от этого, вернее, уже освободила, поэтому ком шнель нах хаузе! Вам тут уже делать нечего! Это мой дом. А вас я не звала. Ферштейн?

– Но мы, – робко начинает Касох, – мы думали свадьбу... шапку...

– Какую ещё шапку! – уже кричит Майрус. – Вы что, с луны свалились? Будем мы на старости лет свадьбу играть и шапки разыгрывать? Этого ещё не хватало! Марш отсюда!

Мы пулей вылетаем во двор, не успев даже одеться. Полушубки и прочее у нас в руках.

– Уф-ф-ф! – вздыхает Касох, – честное слово, первый раз вижу такую стерву! Мне говорили, что она прошла огонь и воду, да ещё и медные, как говорится, трубы, но чтобы вот так...

– А что ты хотел? – говорит Хутта, не попадая в рукав пальто. – Я ещё когда в первый раз её увидел, понял, что она за фрукт. Она ведь спекулянтка, или, как теперь говорят, бизнесменша. Объехала чуть ли

не весь свет. Вот и понахваталась там. Этим бизнесменшам палец в рот не клади. Оттяпают всю руку. Видали, как она сразу спросила про баранов да индюков? Она ещё припомнит Шоною этих баранов. Говорю вам, как на духу, крышка теперь ему. Погибнет он, как кролик. Эта змея проглотит его.

– Бедный Шонай, – вздыхает Лалак. – Теперь он точно влип.

– Да, – соглашается Хутта. – Я даже готов ему долг простить, до того мне его жалко.

– Теперь жалея не жалея, – говорит и Шотту, а...

Но тут распахивается дверь, и чья-то сильная рука вышвыривает Шоная в сугроб. Мы бежим к нему и за ноги вытаскиваем его из снега. Шонай еле дышит.

– Что там случилось? – кричит Шотту. – Кто это тебя так?

Шонай молчит. Глаза его полны слёз.

Касох бережно стряхивает с него снег, протирает лицо, и Шонай плачет, повиснув у него на плече.

– Я... она... она... го-говорит, режь, говорит, барана, я, говорит, го-голодная, а я го-говорю, нет, го-говорю, баранов ровно двадцать, не могу, го-говорю, счёт нарушить, а она... а она... хватает меня и... – Шонай ревет в голос.

– Понятно. – Касох смотрит на нас. – Что будем делать? Это мы знаем Шоная. Знаем его... м-м-м... бережливость. А она-то ведь не знает. Убьёт ведь его, чего доброго, из-за этих баранов! А виноваты будем мы! Потому что мы нашли эту мегеру! Что будем делать?

– Зайдём в дом, – храбро предлагает Лалак, – и выкинем её к чёртовой бабушке!

– Ага, – говорит Шотту, – так она и выкинется тебе! Жди!

– А что ты предлагаешь? – спрашивает Лалак. – Отдать на растерзание Шоная?

– Я предлагаю, – степенно говорит Шотту (иногда он бывает очень благоразумным), – я предлагаю переговоры. Вот. Поверьте мне, силой мы тут ни черта не добьёмся. Она как-никак женщина, а нас четверо мужчин. Если мы попытаемся силой её выдворить, она может поднять крик и обвинит нас, что мы хотим её...

– Изнасиловать! – кричит Хутта.

– Ну, не изнасиловать, допустим, а избить, – говорит Шотту, – или... В общем, это не годится. Лучше пусть Касох, как самый старший из нас...

– И самый умный, – опять кричит Хутта.

– И самый серьёзный, – продолжает Шотту. – Пусть Касох пойдёт к ней и попробует договориться.

– О чём? – Лалак смотрит на Шотту. – О чём договориться?

– Ну... – Шотту мнётся. – Ну...

– Чтобы она убиралась подобру! – говорит Лалак и смотрит на Шоная. – Правильно?

Тот лишь энергично кивает головой.

– Ладно, – говорит Касох. – Я, конечно, попробую, но за результат не ручаюсь. – И он уходит в дом.

Переговоры длятся час с лишним. Всё это время мы топчемся на снегу, хлопаем друг друга по спинам и бокам, стараясь согреться. Наконец, Касох выходит. Мы с надеждой смотрим на него. Шоная бросается к нему первым.

– Ну как?

– Уговорил! – радостно сообщает Касох. – Уходит!

Шоная на радостях обнимает Касоха и начинает танцевать.

– Уходит! Уходит! Ура-а-а!

– ...За тысячу долларов, – говорит Касох.

Шоная без чувств валится на снег. Мы еле успеваем подхватить его.

– Как за тысячу долларов? – говорит Лалак. – Она что, свихнулась? Ничего себе аппетит!

– За меньшее не хочет, – говорит Касох. – И то, говорит, скажите спасибо, что ваш Шоная урод. Был бы по красивей, потребовала бы три.

– М-да... – говорит Шотту, – оказывается, иногда полезно быть уродом.

– Так что, – Касох оглядывает нас, – готовьте денежки. Она говорит, можно нашими. По действующему курсу. Вот. Я даю три тысячи эр. Хутта, ты сколько?

Но тут приходит в себя Шоная:

– Послушайте, – вдруг говорит он. – Я тут о многом размышлял, пока лежал. Вы думали, я без сознания был? Нет! Я притворялся. И пока притворялся, вот что надумал! Не надо ничего собирать. Тем более, что у вас, наверное, таких денег и нет. А без них, как я понял, она не уйдёт. Я сам отдам ей эти деньги. Мне, в конце концов, моя жизнь дороже. Тем более, что виноват я сам. Это я вас заставил найти её. И не ваша вина, что она оказалась хамкой. Буду впредь умней. Нате! – И он достает из кармана пачку долларов. – Возьми, Касох, и отнеси этой ведьме. Пусть катится к чёрту. Я считаю, что мы ещё дешёво отделались.

– Молодец! – кричит Лалак и бросается обнимать Шоная. – Я всегда знал, что у тебя добрая душа! Мужчина, клянусь!

Мы все обнимаем Шоная, а Касох, зажав в руках деньги, торопливо уходит в дом. Через минуту он выходит вместе с невестой. Майрус пожимает руку Касоха и, даже не посмотрев на нас, направляется к автобусной остановке. Мы ликуем.

– К столу-у-у! – вопит Лалак. – Обмывать!

Мы кидаемся в дом, Шонай вытаскивает ящик водки и бараний бок. Начинается пир горой!

– Да, – говорит Касох, – воспользовавшись тем, что Шонай вышел за каким-то делом, – не скоро, я думаю, захочет наш Шонай теперь жениться. Боком ему вышла эта женитьба.

– Ещё бы! – подхватывает Лалак. – Штуку баксов псу под хвост! После этого вряд ли захочешь кого-нибудь. Сто раз подумаешь, прежде чем...

Но тут возвращается Шонай:

– Послушайте, – говорит он, вертя рюмку в руках. – Я вот ещё что надумал...

– Что? – Мы смотрим на него, ожидая подтверждения нашим мыслям. – Что?

– А то, – говорит он, – ящик ещё только начат, а бараний бок почти цел. Может, поищите мне какую-нибудь молодку, а? Что ж добру-то пропадать зря? Сыграем свадьбу, я надену шапку, чёрт с ней, пускай крадут! Как вы думаете?..

Не зная, что сказать, мы ошарашенно смотрим друг на друга.

«В ОБЩЕМ СВЕТЕ...»

– Проживи достойно век один,
как оно положено от веку,
посреди родин и годовщин, –
человек желает человеку.

У веков летящих на счету
невосстановимые маршруты,
и ломают копья на лету
неостановимые минуты.

По происхождению, по всему
непонятна ненависть людская.
Есть у нас секреты. Почему?
Жить бы, настезь сердце открывая.

Существуем не единым днем,
не про нас – и несколько столетий.
неизвестным будущим живем,
мы ему подвластны в годы эти.

Ссорятся соседи и роды,
государства в распрях ошалели.
В общем свете солнечной звезды
мы друг друга держим на прицеле.

Тянем ляжку. Честно и хитро.
Строим планы. Трезво – или спьяну.
Кто-то вечно делает добро,
а другой ему копает яму.

НЕПРОСТАЯ ЖИЗНЬ

У всех – свой взгляд, свое кино,
своя дорога по отчизне.
Коль чисто слово рождено,
пускай и станет стержнем жизни.

А в небе – месяц молодой
пасется, звезды умывая.
А в этой жизни непростой
вопросам нет конца и края.

Земле – достаточно забот,
и небо дышит чистым светом.
С орбиты солнце не свернет,
богоподобное при этом.

С того ль в лазурной чистоте
планета щедрая такая?
Зачем же бродим в темноте,
ища врагов, себя терзая?

Стоит сосна на высоте,
и веет бриз, ее качая.
С того ль в лазурной чистоте
планета щедрая такая

А все же зависть вперехлест
нас гложет, беспричинно вроде.
И ты смешон одной из звезд
на бесконечном небосводе.

ПОРТРЕТ

Я придумал двенадцать частей твоей плоти.
Написал: твои волосы, руки, глаза...
Слово к слову собрал в кропотливой работе
и поднял над собой, и вознес в небеса,
и, пророческой власти поставив предел,
твой портрет написал, как хотел.

Совершенно без сна, лишь тобой увлеченный,
поражаясь тебе все сильнее и сильнее,
полагая, что нет в этой жизни бессонной
ничего, кроме солнечной плоти твоей,
я, не видя иных упоительных тел,
твой портрет написал, как хотел.

Я тебя написал совершенно прозрачной,
и сквозил в тебе свет родниковой струи.
И струя трепетала. И собственноручно
я зажег лучезарные очи твои.
Свой в тебе прозревая грядущий удел,
твой портрет написал, как хотел.

Я иссяк. Источились немалые силы.
Я присел, захлебнувшись восторгом своим, —
до штриха этот образ высокий и милый
соответствовал правде, искусством храним.
Ты ушла, усмехнувшись. Мой дом опустел.
Я таким написал твой портрет, — как хотел...

ИГРА

«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» —
такого не случалось искони.
Лелеем жизнь — во снах, да все напрасно,
играет время нами в наши дни.

Когда во тьме плутаем, бестолковы,
забыв, куда и для чего идем,
свою вину на всех свалить готовы,
кружа вслепую пройденным путем.

Ты, нарт Сосруко! Ты — виновен, ибо
принес огонь и в золоте огня
дерзнули люди слепо и спесиво
играть с огнем, премного возомня.

В пути мне с каждым шагом тяжелее.
Горят подошвы. Сухо. Жду дождя.
В лицо смеется солнце, не жалея.
Спалит, смеясь, немного погода.

Мы тоже улыбаемся как надо
друг другу. Мы играем целый век.
Мгновенье останавливать не надо!
И так играет жизнью человек.

Переводы Ильи Фаликова

НАСЛЕДИЕ

Оглянулся. Рукой не достать
Лет минувших бесценную кладь.
Как волной, равнодушной и стылой,
Моё прошлое время накрыло.

Только память оставлена мне,
Оттого и дороже вдвойне
Дар не слишком богатый, но искренний
Навсегда ускользающей жизни.

Как же мало накоплено мной
Между небом и твердью земной...
Мчалось воинство замыслов смелых,
Но надежд обогнать не сумело.

Что не так? Я не в силах понять,
Потому что опять и опять
Дни летят надо мною, как призраки,
И несут долговые расписки.

Хоть покаялся ты невпопад –
Нет у жизни дороги назад.
И помеченный памятью стыд.
Незажившею раной саднит.

Пусть не хватит умений и сил
В руки взять то, что ты упустил,
Память в прошлом хозяйствует бережно,
Где и скорбь, и восторг перемешаны.

Есть ли воспоминаньям число?
Велико оно или мало?
Сколько раз не спросил бы об этом –
Все, что прожито, будет ответом.

АПОКАЛИПСИС

В тесной комнате окон нету,
Дверь крепка, как железный капкан,

И в тона темно-серого цвета
Расписал эти стены туман.

Двор уныния полон, как грузом,
Птиц не стало в саду – он молчит,
И роняет росу кукуруза
Словно плачет о чем то, грустит.

Не цвела эта ветка, быть может,
И теперь, как рука сироты,
Держит воздух, холодный до дрожи,
Так, как прежде держала плоды.

Высока, непокорна ограда,
Сад за ней обо всем позабыл,
И тропы нет из этого сада,
А взглянуть за ограду – нет сил.

Одиночество в комнате стылой,
От тоски поглядит из-под век,
Что за тьма эту землю накрыла,
Под которою прячется век?

Ни закатов, ни ярких восходов,
Ни назад, ни вперед – ни следа,
Лишь стенает теперь непогода
На тропе, что ведет в никуда.

ОБЛОМКИ КОРАБЛЕЙ

Садится чайка мне на подоконник,
Я отроду такого не припомню,
Воркует, стонет про жите-бытье.
Я вижу: что-то мучает ее.

В глаза смотрю я этой странной птице,
В них волны темно-синие кольшутся,
И, кажется, зовут меня с собой
На берег, где бесчинствует прибой.

Волной обломки вынесло на мели,
Над ними чайки белою метелью...
У кораблей, томящихся на дне,
Хочу спросить, что жизнь готовит мне?

Порой обломки открывают тайны:
У них когда-то были капитаны,
Но только я не вижу их следа:
Лишь след войны не вымыла вода.

Ах, чайка, моя гостья, милый странник,
Как уцелела ты в той жуткой брани?
А, может быть, Аллах тебя хранил,
Чтоб рассказать о том хватило сил?

Печаль о полоненных морем душах
Слезы твоей прозрачной не иссушит,
И брызги волн в беспомощной тоске
Без счета застывают на песке.

Они рисуют странные картины:
Вот, конь богатырю подставил спину,
Он бьет копытом, рвется, но с небес
На землю лег туман, и конь исчез.

По берегу, как по странице книжной,
Брожу, читая все, что он напишет,
Про то, как жил мой род в моей стране.
А сколько книг покоится на дне?

Адыгской кровью каждый том написан,
Старательно хранит слова и мысли,
Врезается в песок за валом вал...
Я это в птичьем взоре прочитал.

Умолкла чайка. Больше не стенает.
Ей непривычна наша жизнь земная,
И в воздух поднимается она
Искать простор без края и без дна.

Но на прощанье взглядом поманила,
И я на берег стылый и пустынный
Иду за нею следом, чтоб найти
Обломки кораблей в конце пути.

ДАЛЕКИЙ ОСТРОВ

Во сне, когда душа не спит,
И думы набирают ход,
Я вижу остров посреди
Бескрайних черноморских вод.

Он зыбкой тенью на воде
Дрожит, бесплотен и лучист.
И открывается лишь тем,
Кто разумом и сердцем чист.

Коль эхом радостным с утра
Тебя окликнет остров тот,
Знать, на тебе печать добра,
И к счастью путь тебя ведет.

Там льстивый обретет позор,
Там нет ни зависти, ни лжи,
И не горит, как метеор,
Еще не прожитая жизнь.

Там гурии поют мотив
Для красотой плененных душ,
И рыбы, обо всем забыв,
На водной глади пляшут удж.

Там птицу страх не стережет,
Там нет тоски и скуки нет,
А песню, что несет восход,
Не заглушает звон монет.

И музыки его шагов
Во сне наслушавшись сполна,
Непринужденно и легко
Очнется улица от сна.

Там вкусно пахнет круглый год
Горячей пастою земля,
И новая весна идет
По борозде через поля.

Тот остров слишком далеко:
Его обходят корабли,
Но души пращуров тайком
В соленой мгле его нашли.

И, завершив земную жизнь
В холодных, пенистых волнах,
На нем адыги собрались
И обустроили очаг.

В ЗИМНЕМ САДУ

Зимний сад, где не слышно беседы
Меж деревьями белого цвета,
Где в дремотном дыхании под снегом
В старом корне рождаются побеги.

Не тревожьте уснувшее древо,
Это вовсе не стон, а напевы
Тонких веток под снежным покровом,
Что к земле наклониться готовы.

Снег глубокий просыпался к сроку,
Что-то ищет под кроной сорока,
Ну а ворон над веткою кружит,
Защищаясь крылами от стужи.

Уравнял этот снег, этот холод
Тех, кто прожил свое, тех, кто молод,
В белой дреме прозрачные, кроткие
До весны все здесь стали погодками.

Валят хлопья из туч темно-синих,
Черный ворон на дереве стынет,
Топчет снег осторожно синица,
Белый сон саду зимнему снится.

ОТЦОВСКОЕ ПОЛЕ

Дар отцовский всех даров дороже,
В нем моя надежда, мой оплот,
Лучшего наследства быть не может,
Этим чувством полон я и горд.

Нет цены отцовскому наделу,
Нашей жизни тоже нет цены.
На родное поле без предела
Смотрят восхищенные сыны.

И плоды по-прежнему прекрасны
Там, где предки побеждали твердь,
За спиною гор я вижу ясно
Тени их, отринувшие смерть.

Для адыга нет страшнее муки,
Коль в чужую землю сеять стал,
И пустеет поле, если в руки
Он берет отточенный кинжал.

От зерна чужого плачет поле,
Стонет, как от вражеских сапог,
Но захватчик ни огнем, ни болью
Наше поле покорить не смог.

Дай земле чуть-чуть – получишь вволю,
Есть такой неписанный закон,
Только, если ты на отчем поле
Борозду продолжишь – верен он.

Плуг не брошен, значит, есть надежда,
Древний род продолжит древний труд...
Дождь о чем-то шепчет, как и прежде,
Радуги по-прежнему цветут.

ОДНО ЛИШЬ ВРЕМЯ
ИЩЕЛЯЕТ РАНЫ...

Одно лишь время исцеляет раны,
Но раны пробуждаются, подчас
Я спать ложусь в тревоге неустанной:
Каким он будет, новый день для нас?

Сегодня ночью раны стали свежи,
От боли сон умчался без следа,
И я смотрю в окно с одной надеждой,
Что в небе есть счастливая звезда.

У двух эпох просить пощады глупо:
Им не соединиться ни на миг,
Но верю я, что все мы, стиснув зубы,
Сумеем сохранить себя самих.

Переводы Александра Пряжникова

НАШ СЕМИНАР

Когда-то, в уже далёкие советские времена, литературная жизнь Кабардино-Балкарии была насыщена и динамична – на всех уровнях. В том смысле, что республика могла гордиться и гордилась литераторами, известными на весь мир, имела мощнейшую творческую элиту второй волны, эстетическое качество текстов которой ничем не уступало художественному стандарту лидеров. Этим авторам просто не хватало официального признания, а костяк Союза писателей КБАССР составляли крепкие профессионалы – без всяких скидок на периферийность и новописьменность. Естественно, был свой литературный андеграунд, отрицавший само стремление к вступлению в СП СССР, и когорта «подающих надежды», в большинстве своём мечтавших о заветном членском билете с золотым тиснением.

Как бы то ни было, это была здоровый организм, способный к самовоспроизведению. Даже непризнанные гении андеграунда, по всей видимости, играли какую-то роль в процессе формирования-становления новых авторов. Писательское сообщество, государственные организации и ведомства, просто заинтересованные граждане, обладавшие хотя бы минимальными возможностями, чётко ощущали взаимозависимость художественного потенциала общества, комфортности его существования и парадигмальной полноты системы творческого контекста республики.

С тех пор минуло тридцать с лишним лет. Поменялось многое – приоритеты, идеология, люди, целый мир. И, к сожалению, в этой новой локации не оказалось места той пёстрой и нерациональной компании, которая подпитывала эстетическую элиту КБР.

С учётом того, что творилось в большой стране, удивляться можно было только непонятному упорству одиночек, продолжавших ночами жечь электричество. Литература, настоящая или, если угодно, художественная литература кончалась, писатели с окраин большой страны никого не интересовали, не интересовали писатели в целом – если, конечно, не считать за таковых создателей китчевого чтения.

Однако... что именно произошло в течение последних десяти лет – ещё предстоит выяснять. Историки, культурологи, социологи будущего наверняка защитят положенные им диссертации по второму десятилетию 21 века. Мы же можем констатировать – сейчас, именно в данный момент поднимается новая волна интереса к ремеслу писателя. И она совпала по времени с окончательным осознанием кризиса в культуре, кризиса, о котором заговорили, наконец, во весь голос. Как и каким образом ситуация развернётся на федеральном уровне, можно только гадать. Но здесь, в Кабардино-Балкарии, после долгих лет перерыва, на подъёме чистого энтузиазма, вдруг вновь кристаллизовались объ-

единения и группы пишущих людей. И возникновение этих центров кристаллизации вызвало интерес у общества – в лице чиновников, деятелей культуры и творческих организаций, в первую очередь у СП КБР, также вступающего в период реорганизации и обновления.

Не желая гадать, насколько высока вероятность активизации и оживления литературного сообщества в отдалённой перспективе, редакция «Литературной Кабардино-Балкарии» предлагает своим читателям ознакомиться с той лептой, которую журнал пытается внести в дело реанимации писательского сообщества республики.

В ближайших планах СП КБР – возобновление регулярной работы с авторами, «потерявшимися» за последние четверть века, с авторами, доселе неизвестными или малознакомыми издательствам и изданиям. Поиск таковых, пропаганда их творчества редакция «ЛКБ» посчитала вполне посильным делом. Мы представляем вам тексты тех, кто, по нашему мнению, имеет перспективы роста. Сугубо интуитивный отбор, без принятия во внимание актуального профессионального уровня авторов, их возраста, художественных целей и принадлежности к любым школам и течениям. Мы ищем людей, с которыми, надеемся, в дальнейшем будет работать Союз писателей, будущих участников его мероприятий и семинаров.

И сегодня перед вами, уважаемые читатели, – произведения нескольких человек, чьи таланты и писательские компетенции несомненны, но так же несомненно требуют доводки и совершенствования. Строки, отмеченные искрами нетривиальных идей, концепций, образов, отмеченные явными признаками уже сложившегося индивидуального стиля – с одной стороны, и столь же очевидными провалами, техническими изъянами и уступками собственным представлениям о творчестве как о хобби.

Примут ли они мысль о том, что реализация дара Божьего – прежде всего, тяжкая работа, что лёгкость стихотворной, либо прозаической строки, существует лишь после последней точки?..

Нашему читателю можно судить о поэтах и прозаиках только по их произведениям – во всяком случае, редакция журнала «Литературная Кабардино-Балкария» смеет в это верить.

*Руководитель семинара «ЛКБ»
Т. Толгуров*

ГЛАЗА АКТЁРА

Эту историю мне рассказала одна моя очень хорошая знакомая. Благодаря ей я стала внимательнее относиться к людям. Раньше мне казалось, что все вокруг – открытые книги, говорят именно то, о чём действительно думают. И, конечно, показывают себя своему окружению такими, какие они есть на самом деле. Но сегодня я знаю, что это было глубокое заблуждение.

Есть люди, которые ведут себя по-настоящему только с избранными. Моя знакомая, имя которой я не назову по её личной просьбе, выпускалась в Государственном театральном институте. В каком именно – даю возможность определить читателю. Её курировал профессор кафедры актёрского мастерства, известный в нашей стране и за рубежом режиссёр и сценарист.

Моя знакомая узнала его лично на втором курсе. В то время в графике занятий студентов стояла дисциплина «Актёрское мастерство» с отметкой «проф. Просветов Иван Викторович». Молодая студентка часто слышала об этом человеке по телевизору, радио. В институте тоже много велось разговоров о нём. Студенты стояли за него горой, в то время как коллеги-преподаватели недолюбливали.

Иван Викторович, шестидесятиррёхлетний, с маленькими, но невероятно привлекательными глазами, способными проникнуть прямо в душу, был для всего преподавательского состава чем-то вроде шута горохового. Проректор именно так его и называл. Кстати, благодаря глазам, моя знакомая поняла, какой на самом деле человек Просветов.

По словам многих людей, там, где находился Иван Викторович, был слышен не просто звонкий смех, а безумный хохот. Все студенты, которые знали профессора, срывались со своих мест и буквально бежали на его голос. Моей знакомой было очень интересно, почему. Чем же этот человек всех захватывает? Молодая студентка, как и все остальные, слышала хохот студентов и восклицания «Иван». Его даже не называли по имени-отчеству, как это полагается.

В первый день занятий моя знакомая сидела со своей группой в зале, где они ждали профессора. И, уж поверьте, все пребывали в какой-то эйфории! К счастью, Иван Викторович пришёл вовремя. Он поприветствовал студентов, как-то по-свойски, без церемоний, но с не-

которой иронией: «Ну что, господа будущие артисты театра и кино, давайте знакомиться. Просветов, который будет выносить ваш мозг или мотать вам нервы этот и следующий семестр. Шучу, конечно. Мне интересно, не чему вас учили, а чему научили; мне интересно, что вы, по факту, можете? Сегодня я буду слушать каждого из вас. По очереди выходите на сцену и делайте, что хотите. Это ваш звёздный час. Ясно? Вперёд. А я буду смотреть. Надеюсь, здесь не надо объяснять, что можно, а чего нельзя. Давайте побережём преподавательский состав. Это та ещё театральная труппа!»

Полился мгновенный смех. Профессор взял журнал и стал называть фамилии студентов, приглашая на сцену. Каждый из них пытался обратить на себя внимание Ивана Викторовича. Просветов хлопал каждому выступлению и смеялся от души. Казалось, группа ему очень понравилась. Но после выступлений первых десяти человек он сказал, используя всё те же иронические нотки в тоне: «Э, молодёжь, ну не могу же я вас старичками назвать, ей-богу! А слабо выйти на сцену без ничего. Представьте себе, в театре артист выходит такой весь важный, с листами, и читает свои слова. Это весело? Чем его зрители встретят? Недоумением или удивлением? Только у вас другая миссия. Вы должны сердце покорить, зал поднять, вызвать аплодисменты. Не взрослому это – с бумажками. Я же дал вам свободу. Мне не интересно «что». Мне интересно «как». Ну же, вынесите мне весь мозг, в хорошем смысле этого выражения!»

Моя очень хорошая знакомая рассказала, что сначала испугалась Ивана Викторовича. Из-за его смеха? Да, он ей показался немного нахальным. Или, может, из-за его особой харизмы? Вероятно, она не знала никого из преподавателей, похожего на профессора. А ещё чувство страха провоцировал его голос. Он был достаточно сильным. Моя очень хорошая знакомая нервничала перед выходом на сцену. Ей казалось, что Иван Викторович посмеётся над ней перед всеми.

Когда пришло время, он всё-таки назвал её фамилию. Молодая студентка встала и пошла к сцене. Она поднялась по ступенькам под бешеный стук своего сердца. Встав в центре сцены, девушка ещё больше испугалась, потому что из всех сидящих в зале она видела только лицо Ивана Викторовича, настолько близко он сидел и смотрел в упор на неё. А со стороны всё казалось таким далёким.

«Итак, красавица, надеюсь, твоя внешность не обманчива. Я тебя внимательно слушаю. Не бойся меня, я хочу спровоцировать тебя на действия. Расслабься и играй». И тут он рассмеялся своим «нахальным» смехом, склонив голову на бок и приняв позу слушателя.

После долгой, как ей показалось, паузы студентка начала читать стихи – первые, которые вспомнила. И тут Иван Викторович закрыл глаза. Моя очень хорошая знакомая не поняла, почему профессор так

сделал. Неужели, всё настолько плохо, что он не хочет даже смотреть на неё. Но потом две морщинки, появившиеся рядом с глазами, начали выдавать на лице Ивана Викторовича прятанную лёгкую улыбку, такую приятную и незнакомую другим людям. Куда-то совершенно пропали былые беспечность и нахальность. Молодая студентка поняла, что он таким образом слушал её. В конце выступления он сказал с неподдельным весельем: «Увлекла, молодая актриска! Можешь возвращаться на своё место. Следующий...»

И так каждый раз, на всех занятиях профессор Просветов смотрел и слушал, как играют студенты на сцене. Моя знакомая, проходя по коридорам института, продолжала слышать, как преподаватели неодобрительно отзывались об Иване Викторовиче, не забывая упоминать данных ему ранее прозвищ «шут гороховый», «бездельник», «беспечный несерьёзный человек». Но молодой студентке не показалось, что профессор – легкомысленный поверхностный человек. Она всё время вспоминала его закрытые глаза и лёгкую улыбку, когда сама выступала на сцене. Ко всему прочему профессор Просветов был очень хорошим собеседником, давал мудрые советы, делился своим опытом жизни.

Однажды, репетируя перед предстоящим спектаклем в учебном театре, девушка, заметив подошедшего Ивана Викторовича, оторвалась от чтения.

«Дети обожают прятаться в шкафах, а ты на сцене? Не перерабатывай, а отрабатывай. Разве не знаешь об этом правиле? Если б я только мог играть, как ты, я бы не работал». После сказанного он засмеялся всё тем же залихватистым смехом.

Молодая студентка несколько минут стояла неподвижно. Затем, собравшись с духом, начала говорить то, что хотела давно сказать: «Я знаю, что вы совсем не беспечный, а серьёзный человек с добрым сердцем. Мне неприятно, что о вас говорят за спиной, да и в лицо наверняка тоже. Кроме того, я успела заметить, вы очень открыты к людям. Но не все же заслуживают вашу положительную энергию».

Иван Викторович посмотрел на мою очень хорошую знакомую с некоторым удивлением, а затем улыбнулся. «Знаешь, люди любят шоу. А я живу в системе этого бизнеса, юная леди. Всё в порядке, об дорогу не убьёшь. А люди всегда что-то говорят. Они никогда не живут своей жизнью. Мне нет дела до этого. Я здесь ради таких, как ты. Кто-то должен за вами приглядывать, или, как сейчас, подглядывать за вашим творчеством. Нельзя упускать талантливых людей! Но запомни, красавица, театр – это вечная стройка, и актёры, речь идёт о настоящих, разумеется, в этом процессе – строители. Если хочешь, чтобы тебя полюбил и признал народ, надо строить прочные красивые дома». И тут Просветов двинулся к выходу, она хотела окликнуть его, но профессор остановил её своим необыкновенным взглядом, улыбнулся и, произне-

---

ся загадочную фразу: «Мало не только золота. Но всё надо ценить на его вес», – зашагал прочь. Странно, что глазами он изъяснялся понятней.

ЗАЁМЩИК ГОРЯ

Посреди самого обычного дня набежали тучи и заволокли небо одной женщины. Было похоже на то, что его навсегда покинуло солнце. Нет, оно вовсе не играло в прятки, подобно шаловливому ребёнку, как могло показаться со стороны. Оно действительно перестало жить в ней. ...

Хочу рассказать эту особенную историю всему миру (пусть и с большими усилиями), чтобы заслуженно подарить этой женщине участие добрых сердец к случившейся в её жизни трагедии. Не знаю, быть может, кто-то мысленно вздохнёт. Кто-то даст волю слезам. Кто-то посчитает, что даром потерял время. В любом случае, это очень важно. ...

Облачённая в тёмный кардиган, скрывавший даже её обувь, женщина, о которой пойдёт речь, пряталась от людей, несмотря на то, что сильно нуждалась в помощи. Она была добрее солнца. Неприметный платок на ее голове отлично защищал от посторонних глаз седину волос, добавлявшую дополнительные годы к реальному возрасту.

Одинокая женщина шла по улицам с сумкой, больше напоминавшей пакет, в котором лежали необходимые ей документы, возможно, вспоминая о счастливых мгновениях ее прошлого. О молодости, о времени, когда она была прекрасной горянкой, красоту которой воспели бы поэты в своих стихах, художники – в картинах, композиторы – в музыке. Каждый из них – лишь однажды увидев это милое создание. За её сердце сражались многие горцы, но только одному из них в награду достались её любовь и преданность. Она родила ему сына. Поистине крепкая дружная кавказская семья была счастлива до тех пор, пока глава семейства, муж очаровательной горянки, однажды не ушёл из жизни, как звезда, покидающая небо к утру после ночи. Наверное, с этого дня небо жизни матери и её ребёнка стало меняться.

Бедная вдова, потерявшая мужа, в прямом смысле этого слова осиротела. Казалось, никто в этом мире не мог проникнуться к ней состраданием. Вдали виднелись синие горы, напоминавшие осколки вдребезги разбитого сердца одинокой женщины. И только иногда сознание возвращалось к ней – когда слышала плач ребёнка, нуждавшегося в том, чтобы его поддержали на руках и рассказали сказку о храбром Сосруко. Только это помогало мальчику успокоиться и крепко заснуть.

Я объясню, почему не смею назвать имени матери этого ребёнка. Мы соблюдаем банковскую тайну. Отвечаем за сохранность данных в соответствии с законодательством, регулирующим банковскую дея-

тельность. Только мы – не машины, созданные людьми. Мы – люди, создающие машины. Разве должно быть иначе? А лишившаяся солнца женщина имеет право на то, чтобы восторжествовала справедливость.

В этот самый обычный для кого-то день, но уж точно не для этой женщины, помню отчётливо, шёл проливной дождь. Нет, я не хочу говорить о его продолжительности и силе. Не хочу говорить о его звучании. И совершенно не хочу говорить о его температуре. Можете ругать меня за отсутствие романтизма в моем повествовании. Хочу говорить о страдании дождя! Да, он явно не был солнцем, чтобы покинуть небо человека в трудную минуту. Ах, если б в этот день была трудной для неё только минута!

Эта женщина обошла все банки в надежде получить кредит. Сумма, которая была ей необходима, как кислород, чтобы дышать полной грудью, составляла мелочь. Подумайте только, какие баснословные деньги дают людям и организациям каждый день банки в кредит и не только. Все они, к которым она прежде обращалась за помощью, закрыли свои двери. Я не знаю, в чем была причина.

Она зашла в офис последнего банка. Её грустные глаза, в которых читалось только горе, не могли не тронуть сердце. Ей бы жить, получая радость от семейной жизни, какую получают теперь её школьные подруги. Одинокая женщина часто встречала их в парке и тут же отворачивалась, чтобы остаться незамеченной. Остановись она, чтобы поприветствовать их, сам бы собой завёлся разговор. Подруги бы спросили о том, как сложилась жизнь, какой у неё муж, пошёл ли ребёнок в школу, или уже закончил. Пришлось бы отвечать. Неправду говорить она не умела, а жалости к себе не выдержала бы. Вот такой была женщина.

В офисе банка она дождалась своей очереди и подошла к кредитному консультанту. Ей уже не было страшно. Она была в отчаянии.

– Здравствуйте, у вас можно получить кредит? – произнесла она чуть слышно. Складывалось впечатление, что одинокая женщина здесь потому, что просто проходила мимо. Спустя некоторое время вдова добавила: – А, похоже, я знаю, что вы мне ответите «нет». Вы ведь это слово ищите? Банки, в которых я была, отказали мне в выдаче кредита. Я уже лишилась надежды, скорее, пришла к вам, чтобы сказать себе потом: ты обошла все банки, но никто не смог тебе помочь.

– Давайте поговорим с вами о том, как будете осуществлять погашение кредита. У вас есть официальный заработок? – спросил строгим тоном кредитный специалист, хотя было видно, что он проникся болью клиента.

– Всё зависит от того, что считается официальным заработком. Пенсия считается? – спросила она с грустной улыбкой.

– Да. У вас есть открытые кредиты? – все таким же тоном продолжил кредитный специалист.

– Поскольку мне отказывают банки, нет. Для этого мне не представлялся случай. Поэтому у меня нет, как таковой, кредитной истории.

– Это не является причиной для отказа... – начал кредитный специалист, но был перебит грустной женщиной:

– Правда? А я думала, вы скажете мне за эти слова «до свидания».

– Расскажите о цели кредита. Правильность указания её в кредитной заявке влияет на вероятность положительного решения, – отметил клишированной фразой кредитный специалист.

– Я хочу помочь сыну. Он женится, – сказала с грустью женщина. Кто мог знать, что это была ложь? Люди довольно часто молчат о своих проблемах, да и кто хочет это слушать. Поэтому они лгут, выдают за правду случайно выдуманную историю. Кто-то сказал, что люди любят, когда их жалеют. Неправда. Они этого совсем не любят.

– Вы с паспортом? – спросил кредитный специалист.

– Разумеется, у меня и справка о размере пенсии с собой. Возьмите, пожалуйста, – сказала грустная женщина и протянула свои документы, вытащив их из той самой сумки, больше напоминавшей пакет.

Ей был одобрен кредит. Ах, если б в этот день была трудной только эта минута! Тень улыбки скрасила её лицо совсем ненадолго. А реальная история была следующая. Сына по-крупному подставили. В подробности вдаваться я не стала. Следовательно, занимавшийся его делом, обещал матери выволить сына, разумеется, за вознаграждение. Что в таких случаях сделает любая мать? Ответ очевиден – бросится на помощь своему ребёнку. Поэтому эта женщина, обойдя все банки, все же нашла подходящий и получила деньги. Они были переданы следовательно в назначенное время, в назначенном месте и в нужном размере. Но сына не отпустили, ему вынесли приговор и заключили под стражу.

Пять лет лишения свободы. Пять лет душевной боли. Пять лет кредитного бремени. Деньги, естественно, не вернули. Жестокость жизни: то единственное, что необходимо сердцу, нельзя купить за деньги, мало того, за деньги в кредит.

С пенсии этой женщины каждый месяц удерживалась сумма для погашения кредита. Самое грустное, что за свободу сына приходилось платить большую сумму в отличие от той, что была передана бессовестному следователю. Ведь что такое кредит? Это деньги, которые необходимо вернуть с процентами, то есть платой за кредит. И она их возвращала, потому что по договору эта грустная женщина выступала заёмщиком. Но знаете, опаснее быть заёмщиком не кредита, а заёмщиком горя. Бессовестный следователь в этот день им и стал. И его кредитор, уж поверьте, не знал пощады для недобросовестного клиента.

Через полгода начались служебные проверки в отношении ряда сотрудников и руководителей следственных органов. Они добрались

и до бессовестного следователя. Дело сына грустной женщины было не единственным его грехом. Вот и наступило время за все ответить по заслугам. Сына бедной женщины отпустили и задержали настоящих преступников. Он устроился на работу и помог матери досрочно погасить кредит. Спустя несколько лет женился и осчастливил свою бедную старушку.

Я объясню, почему не смею назвать её имени. Мы соблюдаем банковскую тайну. Мы отвечаем за сохранность данных в соответствии с законодательством, регулирующим банковскую деятельность.

Только мы – не машины, созданные людьми. Мы – люди, создающие машины. Разве должно быть иначе? А лишившаяся солнца женщина имеет право на то, чтобы оно к ней вернулось...

ПИСАТЕЛЬ С АФАЗИЕЙ

Из цикла «Удивительные люди»

Следующий был человеком среднего возраста, невысоким, с тёмными живыми глазами, с чуть неуклюжей походкой, – справляясь с внутренним волнением, охватившим его, и сжимая руками что-то в карманах, он медленно поднимался на сцену. Многие блюстители этики расценили бы такое поведение совершенно неприемлемым для субъекта, находящегося в общественном месте. Но, дорогой читатель, всему есть объяснение!

По краям сцены спускался раздвижной бархатный занавес бордового цвета. Свет, падающий на сцену, был словно настроен на человека, осторожно приближавшегося к центру, где на стойке был закреплен микрофон. И вот он здесь – стоит на сцене, с которой видна гигантская масса зрителей, расположившихся в изящных креслах, расставленных в сорок рядов. Под одобряющие аплодисменты ему вручают медаль и удостоверение к ней. Затем зал затихает и ждёт его речи...

Человек делает несколько шагов и становится вплотную к микрофону. Просит поддержать медаль и удостоверение у стоявших рядом на сцене людей. Освободив руки, опускает их в карманы и достаёт несколько бумажных листков, напоминающих по размеру визитки. Секунда, две, три...

Он поднимает голову и произносит найденные с некоторым трудом слова, которые тронули сердце каждого зрителя и, думаю, остались в нём навсегда: «Уважаемые коллеги, э-э-э... гости и друзья!.. Я благодарен всем э-э-э... собравшимся в этом зале! Многие говорили мне: «Почему ты решился делать это? Писать м-м-м... Ты... даже не

можешь точно запомнить, м-м-м, как то, что окружает тебя, называется». Да... у меня афазия. Но мне... есть что... сказать. Афазия... м-м-м не всем... знакома. Это... это такое расстройство речи, когда это... могут нарушаться твоя речь, понимание чужой речи, чтение, письмо. Несколько лет назад я получил черепно-мозговую травму в результате аварии. Пережил... несколько... несколько операций. Сначала после... после травмы, это было абсолютное нарушение речевого аппарата... Я долго восстанавливался. М-м-м, очень долго. Я слышал, понимал... м-м-м, находил слова, чтобы... ответить. Но в этот же момент слова... слова... они... терялись. Я заикался... Я повторял несколько раз... одни и те же слова... Я забывал... Да, эта моя история... Я хотел с вами поделиться! Многие думали, что я не смогу даже нормально говорить... это... м-м-м, не то, что писать. Я много слушал... Я очень уставал... когда выполнял то, что поможет мне, – упражнения... для восстановления речи. У меня есть... речевой терапевт... м-м-м. Мы с ней... с ней... вместе читаем, м-м-м... разговариваем. Она... очень-очень-очень... внимательная. Говорит хорошо. Не быстро... Мне тяжело это... когда... быстро говорят. Я не понимаю! Такие люди, как она... мой речевой терапевт... очень... добрые и... сильные... Они... они самые красивые! Я это... это... понял. Потому, что у них светлая и тёплая... это... душа. Они... они, как солнце! Каждый день... надо иметь терпение, это... м-м-м... для того, чтобы заниматься с такими, как я! Вот, смотрите! (он показал те самые листки, напоминающие по размеру визитки) Это... карточки-подсказки. Я объясню! Они нужны, чтобы вспомнить слова... Я их, друзья... часто использую, когда мне м-м-м надо что-то сказать! Самое тяжелое – это когда очередь... Я м-м-м должен объяснить, что мне надо... Все ждут. Да, они, безусловно... всё понимают. Но ты чувствуешь... м-м-м, в общем... что тебе это... некомфортно. Не только среди людей, м-м-м... в обществе. Но и... дома – в семье... с друзьями... Многие говорили мне: «Не переживай, потерпи... это, это... пройдёт». Но я-то понимаю... что это... не так... Я не надеюсь, не жду чего-то э-э-э... а просто... м-м-м принимаю это!

Он в очередной раз опустил глаза на карточки, мучительно медленно вспоминая нужные слова, и вновь обратился к микрофону:

– Почему я решил... писать? В один день после... того, как мы закончили... с терапевтом... упражнения, меня привезли домой и я лег спать раньше обычного... от усталости. Утром я рассказал... сон, который видел ночью... своей замечательной... жене. Она сидит сейчас в зале... Там! – произнес он с любовью и указал ладонью в сторону, где сидела женщина с голубыми глазами. Когда свет упал на неё, моим глазам открылась кроткая улыбка, выдающая интеллигентного человека. Сегодня, друзья, расскажу его и вам... Я видел во сне...

...Я видел во сне цветущий... луг. Он был... очень... красивый. Много цветов. Сначала... я слышал во сне... птиц. Они... м-м-м, пели. Пели... очень красиво! А потом... услышал это... флейту. Я пошёл на мягкие звуки... которые привели меня к ангелу. Это... это... он играл. Он посмотрел на меня и сказал: «Твоя речь болеет. Литература – вот, что тебе нужно! Пиши! Объявляю тебя писателем! Это тебя спасёт». Потом он... он... исчез, и я проснулся.

Сон, который я увидел этой ночью... м-м-м, определил мою дальнейшую судьбу. Вы думаете... это... я сел и начал сразу исполнять... волю ангела. Нет, мои друзья. Я, как и многие, кто не верил, что я м-м-м стану писателем, так же не верил в это. Но вот моя жена м-м-м в меня поверила. Она работает э-э-э в школе... Учителем русского языка... и м-м-м литературы. Совпадение? Может... быть. Она меня призывала... м-м-м, почти как мой терапевт, говорить с ней и слушать её... м-м-м каждый вечер. Всё, что мы обсуждали... она записывала и потом читала мне. А потом читал я... с ней вместе. Я очень... уставал, но мне это... это нравилось.

Насколько литература нужна... человеку... и что это вообще такое, я понял после бесед с моей... женой. Она мне много... рассказала. Но знаете, что, друзья? Все вечера... я думал над одним и тем же... почему ангел объявил меня писателем м-м-м, а не... поэтом. Или скажем... э-э-э и тем, и тем? Поэзия и проза – это движение по одной дороге, называемой... литературой, но в разные стороны. Я не получил ответ на свой вопрос до сих... пор!

Однажды после м-м-м нескольких бесед... я создал вместе со своей женой первое... первое произведение. Я сказал ей... оно – твоё! Но она... не согласилась. Я м-м-м не понял, почему. Она говорила, слушала и записывала – тратила всё своё это... время на создание и фактически э-э-э создала произведение... а теперь отказывается м-м-м от права назвать его своим? Потом я понял. Она сказала мне м-м-м, что писала за мной... в произведениях э-э-э-э мои мысли и идеи... Она пообещала мне... всегда м-м-м помогать! Спасибо тебе, моя дорогая. Я знаю, что тебе м-м-м тяжелее... больше... больше всех. Не отрицай... э-э-э, это... Ты – самая... лучшая. Спасибо, м-м-м, что ты... есть.

Сегодня, друзья, я хочу... м-м-м сказать, что любовь к литературе... делает нас... мудрыми. Она м-м-м не только увеличивает э-э-э... словарный запас, но и... воспитывает в нас... это... отзывчивость. А мне... литература помогает... лечить афазию... Спасибо... вам, читатели... что м-м-м приняли меня – человека с расстройством... речи. Я всегда буду м-м-м помнить этот день!

Больше этот человек не произносил слов, плача от радости, переполнявшей его сердце. Зал встал и долго ему аплодировал.

САД ДЛЯ СЛЕПОЙ ХУДОЖНИЦЫ

Сегодня утром я встал, как обычно, с восходом солнца и вышел во двор подышать свежим воздухом. Затем прошел в сад, поднимающийся за домом. В нашем саду не было такой богатой живописи деревьев, кустов и цветов. Где-то вдали было высажено несколько молодых яблонь и груш.

Мне, как и всегда, представлялось, что со мной рядом идёт моя любимая жена. А она так и не выходит из дома, сидит в мастерской и пишет целыми днями. Хочу сразу сказать – я не умею говорить возвышенно, красиво, задушевно. Я – не писатель, не поэт, чтобы находить изящные слова. Что мне близко – это бизнес. Каждый день я думал над тем, как увеличить продажи, уменьшить трудовые затраты, заработать на своём свободном времени.

Моя жена – художница. Мы познакомились с ней двадцать лет назад. Я был покорён её отношением к искусству. На выставке я купил несколько её работ. У неё был неповторимый стиль. Она, на мой взгляд, была непревзойденной молодой художницей, в смысле мастерства и вкуса. У неё были очень трогательные работы. Она писала эмоциональные пейзажи. Мне нравилось, когда она говорила о живописи. Я часто стал ходить на выставки художников, чтобы увидеть её снова. Вскоре я понял, что полюбил эту женщину. А когда она ответила на мои чувства, то стал самым счастливым человеком.

Мы поженились и жили с ней счастливо, пока однажды она не потеряла зрение. Это, конечно, случилось не сразу. Сначала выяснилось, что при чтении вывесок, домовых знаков, табличек с названием улиц, буквы ей казались расплывчатыми, всё, на что она смотрела, имело нечёткие контуры. Когда я настаивал на проверке зрения, она отказывалась наотрез, утверждая, что у художника не может испортиться зрение. Однажды мы даже серьёзно поругались, после чего я пообещал не поднимать больше этой темы. Сейчас я очень жалею. Если бы я настоял тогда на своём, моя жена могла защититься от глаукомы. Но что уж теперь говорить? Она поняла, что больше не сможет видеть и перестала выходить из дома. Часто плакала и говорила: «Зачем мне идти на улицу, я всё равно ничего там не увижу!» Я успокаивал её и убеждал, что буду рассказывать обо всём, но она даже слушать не хотела и восклицала: «Не жалею меня, прошу тебя! Этого я не смогу выдержать! Я буду писать картины в мастерской! Для этого мне не нужно видеть! Я чувствую холст!»

С тех пор мастерская заменила ей природу и людей. Она писала днями напролёт. Однажды я попросил её рассказать, что для неё – живопись. И знаете, что она сделала? Она рассказала каждый предмет, каждый угол в своей мастерской. Я плохо помню детали, как минимум,

потому что мне чуждо искусство, особенно живопись. Но я был восхищён её вдохновенной речью. Я понял, что для неё живопись – то же, что для меня бизнес.

Но её рабочий кабинет отличался от моего. В центре мастерской на большом столе было расположено несколько треног с перекладинами. Мне всегда было интересно, зачем держать несколько треног, когда можно обойтись и одной. «Ты не поймёшь», – отвечала она с улыбкой. Когда я спросил о перекладинах, она объяснила, что они нужны, чтобы холст не уезжал. А холсты, кстати, она всегда выбирала сама, на ощупь. Её палитры находились прямо под холстами. Я всегда представлял, что у художников они – элегантные пластиковые или деревянные. Но у моей жены палитрами были испачканные масляными красками холсты. Друзья, думаю, я, действительно, ничего не понимаю в эстетике!

Рядом с палитрами стояли разбавители и лежали тряпки. У моей жены, как она сама говорила, была скупая палитра, или, как я позволил себе однажды выразиться, – гвардия красок. Она считает, что использование этой палитры помогает сохранить эмоциональность и убедительность живописи.

Жена пользовалась синтетическими кистями. Они у неё были разных форм и размеров. Одни – для крупных стартовых задач, другие – для деликатных выписок, мелких укладок и штриховок. У неё были флейцевые кисти для написания первых подмалёвков, веерные кисти – для написания листвы, скошенные кисти – для цветочной живописи, и много других. Они не лезли, поэтому ей никогда не приходилось чистить холст от волосков. Хотя я слышал от некоторых художников, что волоски часто счёсываются о холст и кисти меняют форму. Но её кисти были умными. Больше всего меня удивило, что они были обмотаны изолентой. Но она объяснила мне, что это решает проблему шаткости. Рядом с кистями располагались инструменты, напомнившие мне шпатели. Они называются мастихины. Моя любимая жена всегда использовала их для удаления излишков с холста. В мастерской было много и других интересных деталей, но я поделился с вами тем, что запомнил.

Я принимал её желание сидеть в мастерской и писать картины, потому что в эти моменты, тайно наблюдая за ней, мог уловить любимую сердцу улыбку. Всё-таки – это самое дорогое для меня! Вместе с тем, я хотел снова беззаботно гулять с ней по улицам и чувствовать, что в этом мире только мы с ней. В самом начале я сказал, что каждый день думал над тем, как увеличить продажи, уменьшить трудовые затраты, заработать на своём свободном времени. Теперь днём и ночью я думаю о том, как вытащить её из мастерской и показать, каким живописным может быть мир. Что бы я ни говорил, она не выходила со мной.

Я искал тысячи возможностей, чтобы вытащить из мастерской

мою любимую жену. А она всё сидела, как узник, в доме. Я навел на неё друзей-художников, но никто не смог предложить мне выход из сложившейся ситуации. Я даже записался на курсы семейной психологии, но и это не помогло. Однажды, возвращаясь домой, я пошёл через парк и заметил много ярких цветов. Здесь родилась идея. Я решил посадить в нашем саду душистые флоксы. Сейчас я удивляюсь, как мне вообще пришло такое в голову? Я – не ботаник и уж тем более не садовод. Наверное, так поступает человек, который любит.

А я любил! Любил её звонкий смех, её трогательные работы, её рассказы о живописи. Я хотел сидеть и слушать. Боже мой, человек, который каждый день думал над тем, как заработать на своём свободном времени!

Сначала я подготовил посадочные ямки, выкопав лунки. Добавил в них золу и удобрения. Внутри ямок сделал небольшие холмики из почвосмеси и разместил на них саженцы. Заглубил корневые шейки, засыпал почвосмесью и плотно утрамбовал. Саженцы подвязал к заглубленной опоре и обильно полил. После того как почва подсохла, я рыхлил её вокруг посаженных растений и мульчировал торфом. Я поливал флоксы каждый день. Летом они зацвели. Белоснежные, розовые, лиловые соцветия радовали глаз. Аромат был очень приятным. Его услышала моя любимая жена и спросила: «Откуда этот аромат?»

Я сказал ей, что могу отвести её туда. Она согласилась и, впервые покинув свою мастерскую, вышла со мной на улицу. Мы шли с ней, держась за руки, как я и представлял в своих мечтах, к душистым флоксам. Дойдя до сада, я подвёл её к прекрасным цветам. Она начала улыбаться той самой улыбкой, из-за которой я потерял покой ещё в юности.

Потом она перестала улыбаться и заплакала. Я испугался и начал её успокаивать. Но она остановила меня и спросила: «Ты сам для меня вырастил эти цветы? Сегодня я впервые почувствовала себя зрячей».

На следующий день я по-прежнему встал рано, с восходом солнца, и вышел во двор подышать свежим воздухом. Затем прошёл в наш новый сад, поднимающийся за домом. В нём я увидел мою любимую жену с этюдником. Она писала не в мастерской, а здесь! Я был счастлив, что она больше не сидит в доме. Она штриховала и укладывала. Штриховала и укладывала... Я подошёл к ней и спросил: «Что ты пишешь?» Но она лишь улыбнулась мне.

Прошёл месяц. Мы стали чаще гулять с женой. Она просила меня рассказывать ей всё, мимо чего мы проходили. На мой день рождения моя любимая жена подарила ту самую картину, которую написала не в мастерской. На ней мы гуляли с ней в её саду, держась за руки, в окружении душистых флоксов. И она написала этот сад таким, каким он был на самом деле. Друзья, думаю, я действительно ничего не понимаю в искусстве!

НЫРЯЮЩИЙ В СНЕГ

В нашем городе давно не выпадало настоящего снега. Обычно тот, что мы видим, падает и теряется в земле. Иногда он не теряется, но его слишком мало, или он тает на следующий же день. А настоящий снег – пушистый, хрустящий под ногами, покрывающий всё вокруг белоснежной пеленой. Я уже привыкла к тому, что в наших краях практически нет снега, поэтому и в этом году не ждала чудес природы, пока не прочитала одну из работ моего ученика, посвящённую предстоящему празднику – Новому году.

Я работаю в школе учителем начальных классов. Недавно на одном из уроков мы обсуждали с детьми всеми любимым праздник, и я дала им задание написать, каким они видят самый счастливый Новый год.

Работы были разными по содержанию. Одни дети видели счастье в подарках, вторые – в нарядной ёлке, третьи – в салютах, четвёртые – в праздничном столе. Но один мальчик написал то, что, несомненно, может тронуть сердце. К счастью, у меня сохранился его текст, с которым я познакомлю вас, дорогие читатели: «Зима – моё любимое время года. Новый год – мой любимый праздник. Потому, что он семейный. Мы собираемся все вместе. Мне дарят много подарков. Я сейчас не работаю, поэтому не могу делать хорошие подарки родителям, бабушке и дедушке, младшему братику и младшей сестрёнке. Но я стараюсь хорошо учиться, чтобы мама с папой радовались. Я помогаю им по дому. Братику я подарил все свои машинки, а сестрёнке – мягкие игрушки. Только меня расстраивает, что у нас в городе не выпадает много снега. Недавно мы всей семьёй смотрели один фильм по телевизору, и я увидел, как дети ныряют в снег. Он был такой глубокий и красивый. Я очень удивился. Неужели где-то выпадает столько снега? Я спросил у родителей: “Почему в нашем городе не бывает такого снега?” Мама объяснила, что это – дорогое удовольствие для южан. Жаль, что наш снег в основном мокрый. Мне так хочется нырнуть в сугробы и смеяться так же, как дети в фильме! Я обещаю слушаться родителей и хорошо учиться, только бы насладиться настоящим снегом! Идеальный Новый год для меня – это ныряние в сугробы со своей семьёй. Думаю, об этом обязательно надо написать в письме Деду Морозу...»

Я долго перечитывала работу этого мальчика. А ведь он прав! Как же встречать новый год без настоящего снега? Я стала чаще наблюдать за учеником – не по возрасту умным. Или вдумчивым. Он каждый день готовился к занятиям, хорошо отвечал, спрашивал, нужна ли помощь учителям, и утешал одноклассников, если у них что-то не получалось. Мне очень нравился этот ребёнок. Я никогда

не видела, чтобы кто-то так усердно старался совершать добрые поступки!

Заканчивалась последняя неделя декабря. До этого светило солнце, время от времени сменяемое морозящим дождём. Я понимала, что и в этом году нам не суждено дожидаться снега. А мальчик продолжал надеяться и верить. И, поверьте, чудо случилось! Под бой курантов в новогоднюю ночь начал падать снег – крупными хлопьями. Он не прекращался до утра и продолжал идти первого января.

Я шла на прогулку в парк, по дороге, усыпанной пушистым, хрустящим под ногами снегом, и думала о моём необычном ученике. Он, наверное, сейчас очень счастлив? В парке было очень много взрослых и детей. Они безумно радовались. Среди них я нашла одного замечательного ребёнка, ныряющего вместе с младшими братиком и сестрёнкой в снежные сугробы. Он весело кричал родителям: «Мама! Папа! Теперь мы тоже можем нырять в снег, как в том фильме!»

Как же замечательно получилось: с настоящим снегом сбылась мечта светлого ребёнка, с настоящим снегом поднялось настроение тысяч взрослых людей, с настоящим снегом начался новый год!

***

У лжи богатое видение
И не очерчены пределы.
Как золотое напыление,
Что прячет ржавчину, пробелы.

У правды чёткие границы.
Нарушишь их и – та же ложь.
Добавить фальши хоть крупицу,
Цена той правде – медный грош.

Но мир сквозь розовые стёкла
Недолго будет идеален.
Сойдёт весь блеск и станет блёклым.
Не отрывайтесь от реалий.

Словами можно приукрасить,
Сказать иначе, что-то скрыть,
Чтобы родных обезопасить,
Силу удара приглушить.

Но, всем неправдам вопреки,
Разбиты розовые очки.
Ведь путь у лжи не очень долгий.
Мир тонет в розовых осколках.

***

Ухожу в тишину, в молчание.
В шумном городе меня уже нет.
Равнодушие – итог отчаяния,
Отчуждение – зла рикошет.

Правду молвят лишь только шёпотом,
Чтобы каждый мог усомниться
И в любую секунду безропотно
От неё мог легко откеститься.

Маскируя ошибку улыбочкой,
Ложь дают, как к блюду гарнир.

Тихо. Полночь. Хожу на цыпочках.
Сладко спит мой уставший мир.

***

Падает лишь спелый плод,
Значит, созрел.
Корона, упираясь в небосвод,
Потускнела.
У каждого есть свой предел,
Своя клетка.
И как бы звонко не звенела,
Тихо, детка.

Учись проходить мимо –
Это важно.
Стараясь быть неуязвимой,
Не будь продажной.
Ещё не всех достигли цели,
Да и не надо.
Жили, любили, уцелели,
Пусть небогато.

Не застревайте в ситуациях,
Не бойтесь фобий.
Улыбка – счастья имитации,
Жизни пробы.
Дорогу в тысячу километров
Начни хоть с шага.
Судьба одарит тебя щедро –
Нужна отвага.

Беги от пафосных слов.
Они калечат.
Не будут крепкою основой
Чужие плечи.
Давно уже не половина.
Ты – единица!
Себя всю жизнь ты собирала
По крупицам.

***

Я не меняюсь в угоду,
Лишь только ради кого-то.
Не лезу в мутную воду,
Любая жижа – болото.

Шаги должны быть навстречу,
А не в обход или мимо.
Подставить вовремя плечи,
Поддержки так ощутимы.

Слова пусть будут правдивы
И даже если с перчинкой.
Любовь не ради наживы,
Дыханием сдувать пылинки.

Не отпускай мою руку.
Так трудно идти на ощупь.
Когда рядом сердца стуки,
Живётся и слаще, и проще.

***

Трудно обдумывать каждый свой шаг...
Решительной быть, жить с оглядкой,
Держать путь в обход, прыгать в овраг,
Нежные ручки, железная хватка.

Только ребёнок бывает счастлив.
Ему для счастья не надо много.
Он, не сдавая свою жизнь в архив,
Рад с понедельника до выходного.

Жонглировать чувствами небезопасно,
Как сильно раскачивать качели,
Но не сдержат себя от соблазна,
В надежде, не падая, взлететь.

Женщина та, что уходит долго –
Уходит медленно, день за днём,
И не вернётся она к порогу,
Где одиночество даже вдвоём.

Разнообразна чувств анатомия,
Но главная сила – закон притяжения.
Меняя себя, не меняй траекторию,
Не вопреки, а во имя спасения.
Даже коррозия губит металл.
Счастье лишь миг, не питайте иллюзий.
Жизнь – борьба, от борьбы я устал...
Себя экономьте на глупых дискуссиях.

...Здоровье с терпением всё перетрут.
Нет вечного счастья, есть вечный труд!

***

Напиши обиду на песке.
Ветер занесёт её барханом,
А добро в коротенькой строке
Благодарно высеки на камне.

Ты устала? Береги ресурс.
Пережди опасные моменты.
Выпей кофе, сделай перекус...
В жизни есть приятные фрагменты.

Всем, кто помогал и кто мешал,
Ты скажи «спасибо» за характер,
И поклон – кто вовремя ушёл,
Не прощаясь, тихо на антракте.

Без иронии, и без сарказма
Выбираешь, тебя выбирают.
Жизнь – это совпадение пазлов,
Что из наших будней вытекают.

Мается мятежное нутро.
Перестаньте ждать и извиняться.
Женщина – прекрасное ребро.
Мужчины должны вами восхищаться.

ПАПИНА ДОЧЬ

И снова атакует тишина.
Сон не идёт, хоть виден край рассвета.

И Солнцем вновь Луна поглощена.
День перенял у ночи эстафету.

Мне снилось ночью папино лицо,
Его улыбка, тихое «привет».
Он выглядел совсем ещё юнцом.
Присел и достал пачку сигарет.

Я кинулась навстречу, обняла,
Сказала, как его нам не хватает.
Что жизнь сладка, хотя и кабала,
Что мы стареем, дети подрастают.

Ты не успел стать немощным и старым.
Я познавала мир с твоих колен.
Он был красивым мне тобой подарен.
Чем мне тебя обрадовать взамен?

Мир на объятие меньше без тебя.
Как жаль – тебя не знают твои внуки.
Глаза его намокли, и, скорбя,
В свои ладони взял он мои руки.

Он докурил, убрал окурочек прочь.
«Лишь сильный духом правду выбирает.
Будь крепкой, помни, папина ты дочь.
Достойных внуков ты мне воспитай».

***

Кто-то поднимет руку сделать выстрел,
Кто-то опустит руки от бессилия,
Потому что мир в мгновение выцвел.
После утраты жить – нужны усилия.

И глаза что в мир смотрели с радостью,
Не увидят больше ярких красок.
Знаешь, между трусостью и храбростью –
Тысяча разоблачённых масок.

Там где стреляют – пуля победитель.
Впитает воздух смерть и запах крови.
Вы, взрослые, войну не допустите!
Пусть миром правят песни и любви!

Долой убийства, войны и угрозы!
Голос давно охрип, почти ору уже.
Смеются громко дети, цветут розы!
Пусть мирным будет мир! Прощай оружие!

***

Всё прописано в книге судеб,
Ни добавить, ни убавить.
Победителей не судят,
Проигравших не прославить.

***

Все взрослые люди когда-то
Были детьми.
В Деда Мороза верили свято
Лет до семи.
В восемь поняли – это напрасно,
Он детский герой.
Сказки взрослых небезопасны,
К ним он глухой.

Новый взгляд на старые вещи,
Как вскрытый нарыв.
В жизни каждая мелкая трещина
Даёт разрыв.
Смысл верить наивно во что-то –
Мутный прогноз.
Будни в радость, если экспромтом,
Даже вразнос.

Я рисую в своих мечтах
Идеальный мир.
Прощай оружие, болезни, страх
И рыбий жир.
Все люди планеты когда-то
Были детьми.
И делились куском шоколада
До толстой сумы.

СУДЬБА

В мыслях создаю твоё лицо, мужественное и гордое; глаза, в которых отражаюсь только я. И губы, трепетно ожидающие моего поцелуя. У тебя любящее умиротворённое лицо человека, которому отвечают взаимностью. И я – рядом. Протягиваю руки к тебе. Вот же вот, это ты, стоит только приблизиться на несколько шагов, и я дотянусь до тебя. Делаю эти шаги робко, боясь спугнуть тебя. Но не могу приблизиться. Ты остаёшься на том же расстоянии. Слышишь? Это же я, любовь твоя. Помнишь?

Помнишь, как дети в школьном дворе писали мелом: «Артур + Джемма = любовь»? Потом, звонко смеясь, убежали?

Этот школьный спектакль, к которому мы готовились долго, так волновал наши с тобой сердца, что каждый раз перед началом репетиции и после ты бежал в школьную столовую пить холодную воду, а я выбегала на улицу и подставляла лицо прохладному ветру.

Знаешь, моя судьба – это он, мой Артур, которого я нашла в тебе.

Продолжаю писать картину, где яркие цвета растушёвываются, растворяются в тёмной палитре. Тебя нет, но есть твой силуэт. А я продолжаю идти к тебе. Я иду к тебе тихо, иду с протянутой рукой, готовая обнять тебя и продолжить путь.

Пожалуйста, позволь к тебе приблизиться, дотянуться до тебя, дотронуться, чтобы мне стало хорошо-хорошо, и это хорошо пронзило моё ослабевшее от попытки подойти к тебе тело. День за днём одна и та же картина. Как будто кто-то играет со мной. Может, это и есть игры разума?

...Передо мной мольберт, холст чист. Почему-то берег голубой реки зарос высокой сочной травой. Я пишу твой портрет. Ты мне позируешь. Трава скрывает тебя наполовину. Я наношу первые штрихи радостно, работаю с упоением: ведь я могу смотреть на тебя открыто, не исподволь, как я делала до этого. Кисточка как будто ведёт руку по картине. У меня получается. Ты насмешливо смотришь на меня. Но взгляд твой добрый. Ты подносишь руку к своему лицу и начинаешь его тереть, показывая на моё. Я, кажется, начинаю понимать. Быстро достаю из сумочки зеркальце, гляжусь в него и вижу испачканную краской щеку. Смеёмся, глядя друг на друга. Искренний твой смех меня умиляет, я затихаю и слушаю тебя. Не я одна. Вдруг все вокруг замолкает: куда-то исчезли шелест трав, шум реки, замер лес, находящийся

неподалёку. Остался только твой смех, весёлый, звонкий и безудержный. Я бросаю зеркало, подбегаю к мольберту и поспешно беру кисточку, чтобы запечатлеть твоё смеющееся лицо, но на холсте не осталось и следа от работы. Поднимаю голову поспешно и смотрю в твою сторону, но тебя нет, как нет и смеха. Он так незаметно стих, что я даже не почувствовала – когда.

Бегу туда, где ты сидел, а там даже трава не примята. Ищу бутылку из-под воды, из которой ты время от времени пил, когда позировал. Её тоже нет. Мои ноги запутались в плюще, пока я искала её. Искала яростно, остервенело. Не могу очистить ноги и длинный подол платья от вязкой травы. Неприятное ощущение. Не понимаю происходящего, пытаюсь привести мысли в порядок, но не получается.

Ты сидел вот здесь, а вот с этой стороны лежали твой пиджак и бутылка воды. Так, где же ты? Запах травы перебивается твоим запахом. Сажусь на землю, подогнув ноги и опершись на них руками. Вспоминаю. Я подошла к тебе, поправила сбившуюся причёску. Ты – Артур, я – Джемма. Да нет же, нет. Я есть я, а ты – это ты, Альберт, а те, Артур и Джемма, персонажи, которых мы с тобой играем. Все говорят, что я вжилась в роль и в жизни веду себя так же, как она, а ты быстро преобразуешься в себя после игры. Потом нам предлагают сыграть другие роли. Ты соглашаешься, я же отказываюсь, но потом ревностно наблюдаю за твоей игрой. Ты – Апрель в сказке «Двенадцать месяцев», даришь подснежники другой девочке, не мне. Я сижу в третьем ряду, и у меня от безысходности текут слезы по щекам. Я искусила губы до крови, ведь цветы, пусть они бумажные, но настолько правдоподобные, ты даришь не мне. Не мне. О! Как же я ненавидела эту светловолосую девочку с небесными глазами и неискушённой улыбкой. И какой же болью отдавались мелом написанные слова на асфальте школьного двора: «Ромео + Джульетта = любовь». Ты с ней опять сыграл в шекспировской драме.

Помню, как на показе спектакля я вздрогнула от слов Бенволио: «О, эта кроткая на вид любовь как на поверку – зла, неумолима!» «Неужели, – подумала я, – ты не заметишь, что я проживаю сейчас такое же сильное чувство?»

Наблюдаю за смущённым состоянием девочки с небесными глазами при словах Ромео: «Клянусь, мой друг, когда бы это сердце...» Я перехватываю её застенчивый взгляд, брошенный на него с любовью, и он отвечает взаимностью. О! почему? Почему? Почему не я там стою?

Я не Джульетта, я – Джемма, поэтому и отказалась от этой роли. А мальчик с русыми волосами и серыми глазами играл уже не со мной, и режиссёр школьной театральной студии окриком поправлял не меня, а другую.

Как же ты возмущался перед нашим последним выступлением: «Не разобравшись ни в чем и не выслушав Артура, от него отвора-

чивается любимая им девушка. Как же после этого можно кому-либо верить?» – «Она же потом поняла его», – отвечаю тихо, но он меня не слышит. «Значит, – продолжает он, – все его друзья-соратники подумали, что он предал их. Как это, однако, неправильно!». Альберт-Артур не может найти себе места от такой несправедливости.

Помнишь, как оскорбила тебя пощёчина Джеммы? Как страдал сам, играя сцену ухода Артура?

«За что молиться, от чего оберегать себя молитвами? Да разве Христу ведомы такие страдания?» – эти слова остались в моей памяти навсегда. Они не позволили мне поступать не по совести.

Как же мне хотелось изменить сюжет!

Как-то ты вернулся за кулисы, измененный монологом. Струйки пота стекали по твоему лицу. Я вышла из укрытия, подошла к тебе и стала вытирать белым сатиновым платочком твоё прекрасное лицо, а ты так нежно посмотрел на меня и большим пальцем провёл по моей щеке, смахивая слезу.

Я стряхиваю воспоминания и встаю. Тебя нет. Надо подобрать зеркальце и положить в сумочку, убрать мольберт и краски. Я умею писать только тебя и все, что связано с тобой. Без тебя даже простой одуванчик не расцветёт под моей кистью.

Оказалось, что зеркалом я попала в единственный валун на этом месте, и оно разбилось. Я собрала все кусочки, которые смогла найти и высыпала в сумочку.

Невысокая девушка с мольбертом наперевес поднимается в гору. На ней светло-голубое платье, стянутое в гармошку резиной в поясе. Внизу радужная кайма, от которой на миг становится солнечно на душе. Её вьющиеся короткие волосы спадают на глаза, и она часто поднимает левую руку к ним, чтобы убрать. «Кто это? – силюсь понять. – Боже мой, это же я, шестнадцатилетняя я!» – досадуя на себя, кричу. Я кричала так же тем вечером, придя домой. Первый сборник стихов, который попался мне под руки, раскрылся на шестнадцатой странице:

Всё стало прошлым: облака,

И трепет губ, и птичий лепет.

Моя спокойная рука

Твоё лицо из глины лепит.

Мужские гордые черты

И рот, не знающий признаний...

Да, это ты, да, снова ты

Глядишь сквозь дальность расстояний!

Твой взгляд, о, как меня он жжёт,

Твой взгляд, насмешливый и длинный...

– А-а-а-а, – кричу я от боли. – А-а-а-а...

...А как же у него и у девочки с небесными глазами сложилась жизнь?

Поступили вместе в институт на разные факультеты, познакомились со своими половинками и живут счастливо. Наверное, счастливо. Я так хочу. Хочу, чтобы они были счастливы, мой Артур и его Джульетта.

...Помню, репетирую одна роль Джеммы, читаю стихотворение, которым она в последнем письме прощается с Риваресом, как вдруг резко открывается дверь, заходит он и выбегает на сцену актового зала. Я от неожиданности роняю зеркальце, и оно разбивается. Как то, что разбилось о валун. Не получилось его собрать и склеить, какие-то части отлетели далеко и пропали.

Дважды разбивается одно и то же зеркало в моем воспалённом сознании. И дважды не могу собрать все части, чтобы они сложились в единое целое. Это же происходит в мыслях, но почему тогда я не могу соединить их? Почему мой разум сопротивляется мне? Значит, он не мой?

– Учитель, почему вы не предложили мне роль Ассоль?

– Потому что ты не смогла бы сыграть счастье встречи Ассоль с Гре-ем, когда Артур сознательно пошёл на смерть.

– А разве Артур не радовался бы счастьем девочки, которая настрадалась?

...Боже мой, как я хотела стать спасением для Овода, но не смогла. Не смогла! Мне говорили, что он выдуманный персонаж, а я верила в то, что у него был прототип. Меня начинали убеждать, что история Овода произошла столетие назад, а я говорила, что у каждого времени есть свой Овод...

Я же Овода увидела в Альберте, мальчике, который так страстно играл в школьном спектакле и так нежно смотрел на меня в совместных сценах.

...На мне деловой классический костюм серого цвета: юбка ниже колен, блузка под коротким пиджаком дымчатого цвета, расстёгнута только верхняя пуговица. Волосы зачёсаны назад, собраны в тугий пучок на затылке. Иду по коридору офиса с папками, только подошла к двери кабинета нового начальника, как она резко открылась, и оттуда вышел мужчина, издали напоминающий моего любимого литературного героя.

– Вы ко мне?

– Не знаю. Может, и к вам, если вы Альберт Юрьевич.

– Какой отдел?

– Рекламный.

– Проходите, вы-то мне и нужны.

«Ты – Джемма, а это значит, что проиграть ты не можешь, не имеешь права. Соберись и убеди его в своей правоте», – говорю я себе твёрдо. И у меня получается.

Я встала и пошла медленно к выходу, когда услышала его голос:

– А какую роль ты согласилась бы сыграть со мной ещё, Джемма?

– Ассоль, – отвечаю я торопливо и выхожу из кабинета, оставляя полуоткрытой дверь.

«...И АД В ДУШЕ ТВОЕЙ»

Нужно было идти за водой к роднику: водопроводная замёрзла. В позапрошлом году в отвесном склоне горы над речкой пробилась родниковая вода, и люди проложили к ней тропу, но она была опасна в зимнее время.

Можно было сорваться вниз.

Деревья в саду, через который девушка пробиралась, согнулись от тяжести застарелого иглистого инея, на поверхность которого лёг ночью выпавший снег. Идти было тяжело. Она была первой, и снег достигал колена.

Ноги быстро устали. Одной рукой она держала ведра, которые при стуке издавали звук, похожий на набат: это пугало, а любой страх порождает тревогу в душе. Другой рукой она придерживала подол длинного платья, выглядывавшего из-под короткого пальтишка. Испарина, выступавшая на лбу от дыхания и усилий, которые она прилагала, чтобы выйти к протоптанной дороге, обжигала холодом лоб. Ей приходилось морщиться. Лицо, стянутое морозом, болело. Её маленькая фигурка покачивалась на холодном ветру. Иногда с деревьев ветром сдувало снег, падавший прямо на неё. Она отряхивалась и продолжала путь в надежде, что все скоро закончится, как только она ступит на тропинку.

– К добру ли? С пустыми вёдрами вышла, чтобы встречные шарахались от тебя, как от прокажённой? Ты не знаешь, что так нельзя делать? Подождала бы, пока я не пройду, – крик соседки, старой девы, тоже напугал её своей неожиданностью. Она всегда кричала, кричала везде и на всех. Зная, что ей нельзя перечить, девушка остановилась, чтобы пропустить её, но при этом занесла руку с вёдрами за спину, боясь её гнева. Девушка, её звали Зауритой, боялась эту женщину, которая ей приходилось ещё и двоюродной тётёй, поэтому старалась не встречаться с ней. А если не удавалось избегать встречи, то останавливалась и ждала, пока та не уйдёт из поля видимости.

Одинокая ворона, каркнув, пролетела низко, где-то вдали раздались ленивый лай собаки, который вскоре затих, а на дороге показались первые сани с мешками пшеницы. Она съёжилась при виде вороны, но страх перед тем, что она накаркает беду, пересилила жалость. В ней была какая-то тоска, происхождение которой можно объяснить только тем, что она отбилась от стаи и так же одинока в этом пустынном зимнем мире.

Ночь отступала неохотно, завеса стала постепенно рассеиваться, всё вокруг прояснилось. Дорога, припорошённая снегом, таила опасность: дети вчера её раскатали, превратив в ледовую дорожку. Опять пришёл

страх, страх упасть и повредить себе что-то: либо ногу, либо руку.

Заурита осторожно шла по дороге, думая о том, что нужно наполнить все ёмкости водой для готовки, стирки, скотины, да, мало ли ещё для чего потребуется она в хозяйстве, когда перед ней встала огромная белая собака, сливавшаяся со снегом. Испугавшись, что она её укусит, девушка быстро засунула руку в карман пальтишка и достала оттуда хлеб, прихваченный ею, чтобы по дороге поесть, и кинула ей. Но собака, равнодушно вильнув хвостом, отошла от неё и пошла своей дорогой. Заурита вышла из оцепенения и тоже продолжила путь, все ещё не веря, что от собаки не надо ждать опасности. Когда дошла до поворота, оглянулась в последний раз и увидела уже маленькую чёрную собачку с белыми пятнами на груди и лапах, поедавшую брошенный ею хлеб. Она сторожила колхозный гараж, откуда иногда уходила и бродила по окрестностям.

Ещё два десятка метров, и она окажется у заветного родника, вода будет набираться медленно, но это не так страшно. Страшно, когда приходят старшие за водой. Их приходится пропускать, а так можно опоздать и на первый урок.

Заурита услышала шум и оглянулась. На неё неслась та самая белоснежная собака, и она быстро отскочила в сторону, чтобы избежать столкновения, но неудачно. Зарывшись в снег и боясь даже пошевелиться, девушка лежала, в очередной раз оцепенев от страха, когда она услышала знакомый весёлый голос:

– Тебе нужна моя помощь? – на неё озорным взглядом зелёных глаз смотрел Леонид Этуев, друг детства, служивший в армии.

– Это твоя собака?

– Моя.

– Она ростом с нашего телёнка.

– Может, встанешь, разговаривать будет легче.

Он начал подтрунивать над ней, над её все ещё заспанным лицом, над тем, как она достала кусок хлеба из кармана и кинула его собаке.

– Ты ещё посмейся над тем, как я упала, – сказала она, сидя в сугробе и кидаясь в него снежком. Утро принесло с собой не только душевные муки, но и радость, которая разрушала все страхи.

Через полтора часа все ёмкости в доме были наполнены водой, а она даже и не понимала, почему нет усталости. Леонид осторожно спускался по скользкой тропе, набирал воду, а она нетерпеливо ждала его наверху. Хотелось болтать и болтать: они же год не виделись.

– Странно, Леонид, почему никто не идёт за водой? – спросила она его, когда несли последние ведра.

– Почему странно? Разморозили большой водопроводный кран возле Соновых, вот все туда и идут.

– Почему ты мне не сказал?

– Но так нам никто вроде и не мешает поговорить.

– Леонид, а вдруг тебя папа увидит? Я боюсь, что он неправильно поймёт.

– Ты ему скажешь, что мы с тобой просто друзья. Знаешь, если так рассуждать, то с утра все ваши соседи видят, как я несую твои ведра. И они тоже могут неправильно понять...

...Хмурое воскресное утро раздражало. Она вновь шла за водой сквозь дымку тумана. Хотелось спать. Лицо Зауриты было таким же хмурым, как неприметное осеннее утро. Ещё и старая дева, которая тоже шла за водой семенящими шагами с коромыслом на плече. Ведра на нем раскачивались в такт походке, и, казалось, что они вот-вот слетят с него. Девушка только приготовилась ответить ей, ожидая, что та опять по привычке начнёт кричать, когда Маржан, так звали старую деву, участливо сказала ей:

– Ты бы ещё поспала немного, небось, устаёшь на учёбе.

Вот кто поймёт этих людей до конца? То они коварные, то безобидные, то возвышенно глубокие, то приземлённо поверхностные. То они такие, как Маржан, злобные, то милые.

Заурита надеялась, что, кроме Маржан, никто рано к водопроводному крану не придёт. Так она быстрее управится со всеми домашними делами и пораньше вернётся в город. Два последних рейса обычно переполнены студентами, возвращающимися на учёбу в Нальчик. И так уже второй год.

Пока вода набиралась в одно ведро, во второе плавно осел упавший с огромного ветвистого дерева, стоявшего рядом с краном, пожелтевший лист. Она только протянула руку, чтобы его достать, как кто-то опередил её. Заурита подняла голову и заглянула в улыбающиеся зелёные глаза, которые были так близко к её лицу.

– Каждый раз будем встречаться именно тогда, когда ты за водой идёшь?

– А где твоя собака? – стараясь скрыть смущение, она обратилась к нему.

– Я сегодня без неё. А ты во сколько сегодня в город уезжаешь? – спросил Леонид.

– На двухчасовом. Но сейчас тебя папа может...

– Знаю, меня папа твой может увидеть, но ты ему мило-мило улыбаешься и объяснишь, что я твой старый друг, который пришёл тебя повидать после службы.

– Он точно не поймёт меня. Дальше тебе нельзя. Я сама отнесу воду, дай ведра, – сказала она и решительно протянула руки. Но он, смеясь, понёс их до ворот. И так много-много раз за утро.

– Ты все ещё боишься? – спросил он.

– Да, боюсь.

– Чего?

– Боюсь провиниться, Леонид. Боюсь не успеть, боюсь опоздать. Боюсь людской незаслуженной молвы, боюсь Маржан, боюсь быть непонятой, боюсь огромных собак, каркающей по утрам вороны, крика совы среди ночи. Они и утро моё, и ночь мою делают зловещими. Иногда звёздное небо мне кажется «бездной злых огней», а иногда так и хочется пробежаться по Млечному Пути...

– А меня ты боишься? – прервал он её.

– Тебя не боюсь. Ты страхоотвод, – сказала она ему и смело взглянула в его малахитовые глаза. Они смотрели на неё проникновенно и были такими выразительными, что она на мгновение замерла.

– Я всегда буду рядом с тобой. И даже тогда, когда буду далеко, знай, что я живу, потому что есть ты.

– Это как?

– Когда-нибудь поймёшь.

Ещё много воскресных дней она ходила за водой. Времена года сменяли друг друга, он иногда появлялся перед ней неожиданно, иногда пропадал надолго. Леонид всегда приходил весёлый, успевал рассказывать о себе все и, когда она в шутку называла его своим личным водоносом, он неизменно говорил: «Наши предки встречались именно у родника. Парни караулили девушек, когда они с кувшином на плече шли к роднику, и заговаривали с ними». – «Неправда, – не соглашалась она, – они знакомились на свадьбах. Парень приглашал на танец понравившуюся девушку, если она отвечала взаимностью». И он обещал ей, что обязательно пригласит на танец.

Как-то Заурита неудачно прыгнула с высоты и сломала ногу, а он, узнав о произошедшем случайно, приехал и целые дни проводил в больничной палате, ухаживая за ней. Отец девушки, услышав об этом, решил с ней поговорить.

– Этот парень – сын моей четвероюродной сестры, мы родственники, вам нельзя встречаться.

Он перестал приходить, когда узнал об этом. Ей рассказывали, что после он неудачно женился два раза, а потом, оставив всех, уехал навсегда.

Каждый раз, когда Заурита вспоминала его, она читала стихи Хайяма:

За гранью мира ищут и за пределом дней

Скрижаль, калам и небо, бездну злых огней.

Но мой наставник мудрый шепнул однажды мне:

«Скрижаль, калам и небо, и ад в душе твоей».

Теперь-то Заурита точно знала, что она сама – хозяйка своей судьбы. Знала, потому что в её жизни был он, человек, которого обманом прогнали из её судьбы тогда, когда она боялась всего. Вот уже два десятка лет она ищет его, спрашивает о нем всех, но никто ничего не может сказать о нём.

БАСНЯ#1

Всю ночь лиса к курятнику пути искала,
Пытаясь не тревожить сон собак.
Следы хвостом пушистым заметала.
При шорохе любом сбавляла шаг.

Держа по ветру нос, таясь от света,
Что разливала полная луна,
Когда коснулся неба блик рассвета,
К заветной цели добралась она.

Всех обманула, всё предугадала,
Но вот беда, в конце в капкан попала...
Вот так и в жизни нашей с давних пор ведётся –
Кто ищет приключений, тот всегда нарвётся!

БАСНЯ#2. ЗВЕРОТРАФИК

Был жаркий день, и к вечеру толпой,
Неторопливо, звери шли на водопой.
Шли не спеша, вперёд ослабших пропуская,
Неписанный закон зверей не нарушая.

Пред жаждой стали все равны –
И львы, и серны, и слоны...
Но зверотрафик вдруг остановился,
И променад к воде застопорился.

Заволновались тут слоны
И стали напирать,
Хотя терпения слонам,
Поверь, не занимать.

Не удержав напора, носорог,
Всей массой сбил жирафа с ног.
Падением гиганта враз
Был втопан в пыль дикобраз.

Досталось даже сурикатам,
Парнокопытным и рогатым.
И хаосу тому виной
Не солнечный удар.

Договориться не смогли
Газель и ягуар...
Порой и среди людей бывает так:
Снаружи ягуар – внутри ишак...

БАСНЯ#3

На заседании совета
Лесных директоров
Озвучил кто-то предложение:
Уволить всех ослов.

Они хоть с виду безобидны,
Но тормозят дела,
И гендиректор дальновидный
Не нанял бы осла.

Они упрямо всё срывают,
С контрактами беда,
Уже никто не нанимает
В компанию осла.

Голосование разделило
Собрание пополам.
Но свой решающий вердикт
Шеф подарил ослам

В работе штатных ишаков
Он не нашёл изъян.
Ничто нигде не изменить,
Покуда шеф – баран.

БАСНЯ#4

Навозный на рассвете жук
Ответственно, не покладая рук,

Без лени, не жалея сил,
К своей работе приступил.

Его увидев, муравей,
Кладезь строительных идей,
Навстречу поспешил с советом
И с новым выгодным проектом.

– Постой, Дружище! Кто ж так строит?
Что за диковинный дизайн?
Такое тесное жилище
Давно не в моде, так и знай...

Где вход? Где выход? Кладовые?
Где кухня, зала, санузлы?
Для королевы и потомства
Покои тоже быть должны...

Другое дело – муравейник.
Не дом, а крепость, цитадель!
Его придумал не бездельник,
А бог архитектурных дел!

Не унимаясь, муравей
Жуку вослед вопил,
А тот, не слыша малыша,
Свой шар вперед катил.

Если потребности малы,
То изменения не нужны...
Когда дерьмо из года в год катаешь,
Чужих советов не воспринимаешь.

БАСНЯ#5

С чего-то вдруг решили звери
Из лесу мишку извести.
Придумали с ним не общаться
И всяких дел с ним не вести.

Сороки слух пустили в чаще,
Что Мишка всех на части рвёт.
Что он тиран и хочет власти,
Сожрав честной лесной народ.

До мишки слухи доходили,
Значенья он не придавал.
И, в размышленья погружённый,
Малину мирно в чаще рвал.

И, нагуляв жирок запасный,
Улёгся спать. Пришла зима.
Коварный план весьма опасный
Родился в голове осла.

Собрались звери на опушке.
Ослина начал свой рассказ.
Неугомонные кукушки,
Как никогда, умолкли враз.

– Друзья, я думаю, все беды
У нас в лесу от медведя.
Он много места занимает,
И это впредь терпеть нельзя.

Вот было бы совсем недурно
Его за зиму истощить.
Ну, и для пущего эффекта
На мишку зверя натравить.

Нам нужен кто-то беспринципный,
Ведомый, вроде кабана.
Кабан, хоть и в соседстве близком,
По сути, все же, он свинья.

И, порешив на том, зверята
Пошли вершить завет осла.
Медведю спать они мешали.
Науськивали кабана.

Угодья мишки разоряли
И крепла злость, народ тупел.
А кабана всё восхваляли.
Тот окончательно зверел.

И всех вокруг кошмарить начал,
Ослепнув от чужих похвал.
Средь бела дня, в тени не прячась,
На спящих медвежат напал.

Всё было б как осел желал,
Если б Потапыч вечно спал.
Но мир привычный вдруг перевернулся,
Пришла весна. Медведь проснулся!

БАСНЯ#6

Мартышка, сидя на лианах,
Грустила над никчёмностью своей
В её печальных охах, ахах
Сквозило полное отсутствие идей.

Бессмысленно на пальме восседая,
И ареал свой сверху созерцая,
В траве под пальмой приметила смартфон,
Который обронил случайно слон.

Мартышка сразу оживилась
И вроде как преобразилась
И, позабыв про стыд и срам,
Ползла тут же в Инстаграм.

Запостила сперва картинку,
А в сторис – лучшую ужимку.
С бананом челлендж запустила
И первый лайк свой получила.

Тут комментарии пошли
Мартышку хайповой сочли.
«Ты просто супер, на весь мир,
Всей стаей смотрим твой эфир».

И вот мартышку понесло:
За постом пост строчит.
Того гляди, и соловья
Харизмою затмит.

«Вот мы со львом, а вот с крутым павлином...»
«А это на лазурном берегу, с любимым...»
«Чтоб не было запора и поноса
Банан натрите скорлупой кокоса...»

Теперь мартышка блогерка крутая
С аккаунтом, что с галкой голубой,
Рекламным предложениям нет края,
Донаты потекли рекой.

И жизнь как будто удалась,
И можно на покой,
Когда заходит ерунда
В сеть, как к себе домой.

И вот те раз! Судьба-злодейка!
В смартфоне села батарейка.
Итог: все те, что так талант боготворили,
Мартышку через час-другой забыли.

ДЕНЬ УТКОНОСОВ

После дождливого октября к ржавому архипелагу на голубом кузове брошенного автобуса присоединились ещё три островка. Кролик (так его звали все, кроме мамы и немых) три четверти часа простоял, прислонившись к его левому крылу. Костлявую спину и холодный металл разделяла только тонкая ткань футболки с логотипом баскетбольного клуба Boston Celtics – единственный зелёный предмет в радиусе шести сотен косолапых шагов.

Затем, пройдясь расчёской по мокрым медным волосам, он побрел вдоль каравана окурков Camel, который тянулся до самого края оврага. Там, на ветви рахитной берёзы ветер качал красную бейсболку. Кролик надевал её каждый четверг в течение двух лет, с тех пор, как она стала подарком на его пятнадцатые именины. Убедившись, что вещь ещё не высохла, он усталился вниз и оглядел знакомый пейзаж.

Несчастный случай, произошедший с малышом Дени, на несколько лет избавил это место от ежедневных паломничеств окрестной детворы. За это время они успели покрыться прыщами, обзавестись подружками, а «маленький каньон» остался прежним, разве что мусора стало больше. Юноша пнул одну из пустых банок из-под колы, та с лязгом пролетела по булыжникам и плюхнулась в реку. Затем Кролик повернулся к оврагу спиной, зажмурился и начал считать до десяти.

– Эй, парень, я готов поспорить, что это самый скользкий камень в округе, на твоём месте я бы оттуда слез, – фраза, сказанная баритоном, прервала его на восьми, заставив открыть глаза и повернуть голову. Говоривший, незнакомый коренастый мужчина, достал из пузатого походного рюкзака покрывало и расстелил его на влажной жёлтой траве. Когда Кролик обернулся полностью, незнакомец уже сидел.

– Чего ты усталился, падай рядом.

– Падать?

– Да-да, сюда садись, – он хлопнул плотной ладонью по потрёпанному пледу.

Юноша послушался.

– Мне даже смотреть на тебя холодно, у тебя нет куртки или типа того?

– У меня есть... у меня есть пальто, но оно новое совсем, я его дома брату оставил.

– Так и до пневмонии рукой подать, погоди-ка.

Дутый жилет морковного цвета, по правде сказать, был слишком просторным даже для человека с крупным телосложением, а на Кролике и вовсе смотрелся как спальный мешок. Когда он застегнул молнию, его ноги так и остались прижатыми к груди.

Поблагодарив мужчину, он улыбнулся и обнажил щербинку между зубами, по которой регулярно елозил вилкой или менее очевидными предметами вроде ржавого centa, привезённого его матерью из очередной поездки в Америку.

– Ты голоден? – спросил мужчина.

– Нет, я кажется, завтракал. Нет, я определенно завтракал.

– Значит, голоден, – достал из рюкзака два свёртка и один из них вручил Кролику.

Чтобы дойти до хрустящей лепёшки, пришлось преодолеть целую дюжину слоёв фольги, которую было совершенно невозможно подцепить ногтями, сгрызенными почти до самого основания.

– Приятного аппетита, должно быть, ещё тепленькие.

– Благодарю вас, действительно, тёплые.

– А так и не скажешь, что без мяса совсем, да?

– Да, вообще, не скажешь. Это бобы?

– Так точно, нут называется. В Идлибе только этим и живут.

– Вы бывали там? – спросил юноша.

– Мой друг туда ездит... ездил. Он любил фалафель, вот и меня научил готовить, а я ему только и подарил, что диск с документалками про Австралию.

– Очень вкусно, хоть и совсем без мяса, спасибо вам.

– Да чего уж там, – мужчина впервые повернулся к Кролику в анфас, и юноша уставился в редко-зеленые глаза.

Солнце горчило грейпфрутом. Они закончили есть почти одновременно, с разницей в несколько секунд, в течение которых мужчина успел подобрать пакет и положить в него остатки фольги и салфеток.

– Темнеет. Надо бы уже собираться.

– Вы далеко живёте, да?

– Далековато, да.

– На машине приехали?

– Нет, нет, я водить-то не умею, на автобусе приехал.

– Так он же сломан, – сказал Кролик.

– Видимо, починили, братец.

– Можно один вопрос?

– Да хоть три.

– Вы всегда с собой по два фалафеля носите?

– Нет, только в этот день.

ЛИРИКА ЗУБЕРА ТХАГАЗИТОВА И ИНТЕГРАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

З. М. Тхагазитов

Национальные поэтические системы в части своей образности, концептуальности, формального наполнения весьма устойчивы, что, собственно, и делает возможным применение по отношению к ним определения «поэтическая традиция». Однако словесное творчество любого народа – будь то народное или авторское – не может развиваться в абсолютной культурной изоляции.

Устойчивость конфликтной модальности народной поэтической традиции кабардинцев в советские годы трансформировалась в систему эстетико-идеологических представлений, что и позволило национальной поэзии избежать процесса долгого освоения новой поэтики, поддерживаемой новым обществом и новым государством.

Специфичность социального конфликта кабардинского народного творчества, уникальная обращенность не к материально-имущественному неравенству, а к сословным противостояниям обеспечили кабардинской советской поэзии полную интегрированность и в образное поле новой советской эстетики, так как классовое противостояние, с какового, собственно, и начиналась проблематика нового искусства, так же, как и противостояние сословное, легче и естественнее оформляется в абстрактно-понятийных образных рядах, несущих сугубо идеологическое наполнение.

Модальность социального конфликта при вхождении кабардинской поэтической традиции в поток литератур народов СССР была полностью оснащена всеми компонентами оппозиционных представлений и, столкнувшись с жесткой идеолого-эстетической доктриной классового, партийного толка, была подчинена ей, тем более что, как уже говорилось, устойчивый сословный конфликт устного народного творчества структурно соответствовал предпочтительному в советской эстетике классовому конфликту.

Идеологема непримиримого противостояния для нескольких поколений советских поэтов стала генеральной сюжетообразующей, нарративной детерминантой поэтических произведений, включая ли-

рические. Её относительная парадигмальная полнота в кабардинской литературе, достаточность когнитивного потенциала в рамках предъявляемых теорией социалистического реализма требований привели к художественной функциональности в различных эволюционных ипостасях на протяжении очень долгого времени.

Культурное влияние на уровне национальных поэтических школ реализуется через заимствование как парадигмальных системообразующих составляющих эстетического контента, на уровне «своей» и «чужой образности».

Как показал опыт кабардинской поэзии первых лет существования Советской власти, при идеологическом давлении со стороны общества национальная литература, идя по пути так называемого «ускоренного развития», использует разработанные в иной культурной и ментальной среде эстетические формулы, чаще всего имеющие весьма отдаленное сходство с аутентичными.

Необходимо отметить, что отечественное литературоведение вполне четко определяло при этом инициирование внешнего влияния развития. Во всяком случае, сообщество как называемых «новописменных» национальных литератур и комплекс присущих им признаков выделялись советским литературоведением не по принципу реальной протяженности литературной традиции (авторские тексты у некоторых народов СССР, относимых к «новописменным», датировались XII–XIV веками), а с характером эволюционирования той или иной национальной литературы в советский период, и проводило границу между этническими традициями словесности, сохранявшими свои специфические черты, и литературами, на какой-то период перешедшими на образность и концептуалистику новой для этноса культуры.

В частности, этническое сознание кабардинцев на протяжении нескольких десятков лет оставалось в роли вспомогательного аппарата идеологического воздействия на коллективное сознание народа.

Эволюция национальной поэтической традиции при этом протекала в особых формах, подразумевавших четкое разделение онтологии поэтических текстов, изначально воплощавшихся либо в плоскости «официальной» общественно значимой эстетики, либо в границах отвлеченной лирики, фактически не контактирующей с актуальной информационной средой.

Преодоление онтологической разнонаправленности жанров кабардинской советской поэзии шло по пути совмещения культурных универсалий различного происхождения, когда национальная и «советская» символика, концептуалистика дополняли друг друга в представлении идеологических понятийных виртуальных объектов. В наивысшей точке своего эволюционного развития этот этап представлен

творчеством А. Кешокова, стилиопределяющей чертой поэзии которого стала презентация устойчивых образов и концептов национального происхождения в инокультурной среде.

Следующим шагом в преодолении информационной сегментированности национального художественного сознания была взаимная интеграция общекультурного и этнического содержания в пределах единой этико-эстетической интерпретации действительности. Подобный характер поэтического мышления, являясь стадиальной чертой, в кабардинской литературе, тем не менее, в полной мере реализован в творчестве З. Тхагазитова.

Совмещение в рамках единого образа элементов традиционного кабардинского и инокультурного происхождения становится определяющей чертой его индивидуального почерка. Зубер Тхагазитов, будучи автором первого поколения кабардинских советских поэтов, формирование которого проходило без принудительного обращения к идеологическим стандартам советского общества, был одинаково органичен как в среде национальных эстетических представлений, так и в пространстве официальных художественных воззрений, принятых в СССР.

Поэтому презентация идеологом советского общества никогда не была целью его текстов. Идеологические концепты и условно понятийные образы политической модальности в его произведениях становятся еще одним компонентом образного ряда, выступая в качестве элементов выразительности. З. Тхагазитов фактически провел объединение разных информационных объемов, контакты которых до него (в кабардинской поэзии, разумеется) не меняли их взаимно изолированное качество.

Анклавное, изолированное положение системы этнических художественных представлений в доминирующей инокультурной среде неизбежно ведет к деградации национального эстетического мышления [156:257]. Какое-то время национальная традиция поддерживается сублимативной жанровой эволюцией, однако ресурсы этого направления развития, по всей видимости, исчерпываются быстро. В этом смысле З. Тхагазитов явился тем автором, который открыл кабардинской поэтике новые информационные каналы и сделал возможной подпитку национального эстетического мышления ранее несвойственными ей информационными структурами и элементами.

Интегративный потенциал поэзии Тхагазитова, благодаря индивидуальным особенностям его художественного мышления, оказался функциональным на совершенно разных ярусах эстетической рефлексии. Именно его тексты оказались тем полигоном, на котором проходили «обкатку» новые для кабардинской поэзии идеологемы и концепты, развитые и непривычные для национального художественного мышления типы образности, новационные сочетания разноплановых образных дефиниций: в стихах кабардинского поэта цвет зачастую

использовался для уточнения пространственных характеристик, а пространственные коллизии несли оценочную или идеологическую нагрузку. Главное же – в творчестве Тхагазитова впервые в кабардинской, а скорее всего, во всей адыгской поэзии сформировался и закрепился новый тип эстетической когниции, в рамках которого перцептивный потенциал образа обладает несколькими особенностями.

Выделенные нами черты его индивидуального стиля, а именно полное равноправие этнических устойчивых образов и «гражданской» символики, равноправие советских идеологем и национальных этических концептов на уровне выразительных средств были воплощены в совершенной свободе визуальных представлений.

Зрительный образ в его произведениях выступает именно как зрительный, он изначально представляет нам реальный объект внешнего мира, и лишь затем проецируется на эмоциональный, этический и идеологические планы. Именно в творчестве Тхагазитова впервые в адыгской поэзии когнитивный механизм взаимодействия автора и читателя приобрел преимущественно гносеологический характер, поэт выстраивает перед воспринимающим сознанием не свою систему оценок окружающего мира, как правило, зависящую от конвенционально оговоренных эстетических положений «официального» толка, а собственную картину окружающего бытия.

Это в равной степени относится как к понятийным образам, вполне обычным в его текстах, так и к образам конкретных объектов, реально наблюдаемых в повседневной жизни.

Отмеченное явление можно назвать «овеществлением идеологем», оно свойственно зрелому творчеству поэта, и с точки зрения пространственных характеристик образа является ничем иным, нежели ограничением абстрактного понятия в компактном объеме визуального восприятия, когда сугубо понятийные объекты, например константы советской идеологической формации («правда», «справедливость», «любовь к Родине» и т.д.) или общеэтические, эмотивные и категориальные («радость», «горе», «время», «жизнь») стягиваются волей автора до линейных размеров, которые могут быть охвачены взором читателя, как любой реальный предмет окружающего мира.

Данная характерная черта эстетического мышления Тхагазитова генетически совершенно не привязана к какому-либо источнику. Это может быть апелляция к общемировому культурному фонду, к образам, восходящим еще к античной символике – стреле смерти:

Когда оленем бежал ты навстречу стреле,

Посланной смертью твою лукаво...

...Когда под лучами последнего дня

Ты принял стрелу, как планета комету...

Равным образом «овеществление» абстрактного, неосязаемого может идти при помощи местной словесной традиции либо с использованием образности восточного происхождения:

*...когда я занят делом,
Летят часы подобно стрелам.
Когда я вовсе никаким
Не озабочен добрым делом,
Мне время кажется моим
Надгробием окаменелым [252:95].*

В данном случае мы сталкиваемся с семантически родственными «стреле-смерти» образом «стрелы-времени», однако типологически они вовсе не родственны: первый, как мы сказали, восходит к древнегреческой мифологии, второй – к коранической интерпретации времени как векторной и скоротечной субстанции. «Время» же в виде «окаменелого надгробия» напрямую соотносится с местным, северокавказским символическим объектом – могильным камнем.

Всё же чаще всего Тхагазитов пользуется индивидуально-уникальными образами, выстроенными на этническом окружении. В этих случаях мы можем наблюдать, как трансформация апперцептивного рисунка затрагивает реальные, знакомые объекты, придавая им совершенно новые и незнакомые характеристики:

*О, как медленно солнце
По горным отрогам текло!
Тишина напряженная
Наполняла речное урочище.
Словно тень от скалы,
В этот час мне на сердце легло
Одиночество...*

Подробное рассмотрение данного отрывка, типичного для зрелого творчества З. Тхагазитова, позволяет сделать весьма интересные выводы.

Поэт в три этапа модернизирует когнитивную схему представления неосязаемых сущностей, усиливая их чувственную насыщенность и уточняя локализацию в пространстве.

Рефлективная экспозиция текста вполне определена и однозначна – «медленно текущее по горным отрогам солнце». Поэт переводит плоскостной, двухмерный объект в разряд схожего, но явно объемного вещества, ибо оно «медленно течет». Пространственная увязка при этом отсутствует – плавная субстанция покрывает «горные отроги» вообще, быть может, по умолчанию располагающиеся фронтально по отношению к внутреннему взору.

Цель подобного представления, тем не менее, достигнута – даже вне увязки с какими-либо линейными координатами «солнце, медлен-

но текущее по горным отрогам», неизбежно задает сенсорный посыл в следующем поэтическом объекте – «тишине напряженной». Иначе говоря, «тишина» Тхагазитова однозначно материальна, в строках разбираемого стихотворения она не столько акустическое явление, сколько некая пластическая масса, имеющая цвет, плотность и фактуру. При этом «тишина» жестко ограничена в своих объемах, она «наполняет речное урочище», а посему вполне охватываема взглядом.

Это представление незримых субстанций подготавливает сознание читателя к очередному и свершающему в данном произведении шагу в локализации и материализации абстрактного понятия – «одинокости, легшего на сердце, словно тень от скалы». Будь этот образ изолированным, его составляющие, имеющие обширный ассоциативный шлейф в любых поэтических системах («сердце», «тень», «час», «одинокость»), могли бы интерпретироваться в границах рационально-понятийной традиции. Однако, плотно примыкая к ранее овеществленным и конкретизированным виртуальным объектам, «одинокость» не только сопровождается сенсорным содержанием, но и имеет четкие, практически точечные пространственные координаты: сердце автора, причём суггестивная убедительность этой достаточно часто используемой формулировки достигается подачей предваряющих образов.

Как мы видим, кабардинский поэт особенно органичен и среде этнически окрашенной, можно даже сказать – этноландшафтной поэтической атрибутики. Однако примеры мультикультурного совмещения объемно или координатно локализованных абстрактных объектов также весьма многочисленны в произведениях Тхагазитова:

Радость, как журавли, тонет в дальних потёмках...

...Горе вороном чёрным кружит и кружит... [252:61].

И журавли, и вороны одинаково традиционны как для русской системы образности, так и для этнических северокавказских, более углубленное рассмотрение позволяет обнаружить их регулярное использование, подкрепленное, кстати, фольклорными и конфессиональными основаниями, в поэзии большинства народов Европы. Для самого же З. Тхагазитова, как и для целого ряда других северокавказских поэтов, картина летящих птиц являлась чуть ли не визитной карточкой («Жизнь», «Журавли», «Твой день рождения», «Райнис и море», «Песни Кабарды». «Я забыл бы тебя...», «Диалог», и многие другие).

Или:

...Золотые пчёлы – те воспоминанья,

Что в себя вобрали золотые дни [252:19].

Напомним, что, с одной стороны, образ пчелы как средоточие жизни и воплощение трудолюбия очень часто встречается и в фольклоре народов Северного Кавказа, и в авторской поэзии. С другой – эмблематическая культура барокко также ввела этот объ-

ект в постоянный фонд европейской литературы и изобразительных искусств.

Можно резюмировать, что тенденция к точному координационному и объемному определению виртуальных объектов, стремление к компактному их изображению, сопровождаемое целенаправленным насыщением их сенсорным качеством, не является следствием влияния на Тхагазитова той или иной поэтической школы. Это явление восходит, по всей видимости, к каким-то субъективным характеристикам мышления поэта, что косвенно подтверждается и его необычным использованием цветов. Он использует колористку как средство «стяжения» виртуальных или линейно не определенных представлений в компактный, координатно зафиксированный объем, то есть трансформирует расплывчатые пространственные субстанции в материальные объекты.

Кроме того, следует констатировать, что это свойство индивидуального восприятия З. Тхагазитова обусловлено не эволюционным движением национальной поэтической традиции к избавлению от понятийно-рациональных разреженных образов. Кабардинский поэт обладает особым поэтическим зрением, тяготеет к суггестивной достоверности, к цельности и сенсорной наполненности образа, при этом в силу специфических характеристик его мышления Тхагазитов, скорее всего, ощущал перцептивно полноценными те объекты, которые поддавались единомоментному визуальному и физическому охвату, так сказать, находящиеся в пределах чувственного познания.

Поэтому, говоря об этом свойстве поэтической зрения З. Тхагазитова, мы ведем речь не столько о материализованности и фактурности его художественных представлений, сколько о его обращенности к точным и доступным пространственным описаниям эстетических объектов. Это предположение находит подтверждение в тех схемах эстетического описания, которые Тхагазитов применял по отношению к реальным природным явлениям, объектам и сущностям, не вписывавшимся в его представления о суггестивной полноценности и достоверности в силу расплывчатости физических границ – ветер, небо, река, дождь и так далее.

Например, дождь в его текстах, как правило, помимо эмоциональной нагрузки, играет и пространственно-образующую роль, он задает вертикальную координату стихотворного объема, зачастую акцентированно соединяя верхний и нижний горизонты поэтического мироздания:

*...Но град хлестнул.
разящий как свинец,
Земля и небо –
Все перемешалось.
...Нескончаемой лавиной*

Дождь из туч летучий хлынул

и по всей земле потопал... – эта семантика образа вытекает из его естественных ориентаций в реальной природе и вполне обычна для любых поэтических систем

Однако у Тхагазитова функции дождя не исчерпываются эмоционального и вертикально-пространственной составляющей. Обычные для кабардинской традиции интерпретации не ограничивали дождь по объему, что явно противоречило когнитивным, перцептивным запросам поэта. И дождь Тхагазитова приобретет новое качество. Чаще всего он локализован и определен как в вертикали, так и в горизонтали, иначе говоря, трансформирован в обозримый и достаточно компактный объект, переведен из разряда среды в разряд визуально и телесно идентифицируемого предмета:

Слякоть.

В лужицах дождь бултыхается.

Вязнет в мокрой земле воробей... – казалось бы, картина сугубо зрительная, представление дождя на небольшом пространстве лужи.

Однако автор целенаправленно komponует весь дождь в узком описываемом пространстве, подчеркивая ею ограниченный объем соседством с заведомо материальным и небольшим объектом – воробьем, по сути, масштабируя все линейные размеры в соответствии с тельцем маленькой птицы.

Обратимся к примеру:

*Зной сгустился – невозможно
ливню быть, значит.*

*Скачет дождь в пыли дорожной,
белый всадник скачет... [253:71].*

Сравнивая эту строфу с очень похожими строками:

– Дождь, словно конь, копытами звеня

Взрыв на дыбы,

в неистовости пляшет... – мы приходим к выводу о полном равноправии элементов различного масштаба в когнитивных моделях З. Тхагазитова. Если второй рассматриваемый отрывок и оставляет место для вопросов по поводу того, что именно сравнивается с конём – дождь в целом, или его капли, то в первом случае ясно, что речь идет именно об отдельных каплях. Соотношение поэтической индукции и дедукции достаточно подробно рассматривалось еще советским литературоведением, но проблема эта осталась открытой, по крайней мере, и в эволюционном своем аспекте. Нас, однако, интересует другое.

В ряду поэтических представлений Тхагазитова абстрактные понятия, эмотивные определения, пространственные и высокообъемные объекты, масштабированные детали обладают приблизительно схожим суггестивным потенциалом. Схема перцептивного, когнитивного взаи-

модействия «автор–текст–читатель» у кабардинского поэта предполагает самодостаточность схожих в типологическом плане поэтических объектов, восходящих при этом к совершенно разным в плане генезиса размерам, функциональности и семантике реальных прототипов. Тхагазитов представляет читателю схему эстетической апперцепции, в которой каждый отраженный элемент самодостаточен, суггестивно полноценен, равен другому и может взаимодействовать с ним.

Иначе говоря, в микро- и макрокосме З. Тхагазитова впервые в кабардинской литературе были сформированы по крайней мере два направления дальнейшего развития эстетической мысли народа. Во-первых, была выстроена принципиальная схема поэтической рефлексии, в рамках которой поэтический объект обладал статусом самодостаточного явления. Это само по себе резко расширяло объектный ряд национального эстетического сознания – в границах когнитивных моделей Тхагазитова новые объекты не должны были преодолевать свою культурную чуждость и входили и текст в качестве структурно адаптированных образов, пусть и без богатого набора традиционных ассоциаций и аллюзий.

Именно поэтому поэтические образы З. Тхагазитова в творчестве последующих поколений кабардинских поэтов приобретают качество традиционно-национальных, через его тексты они входят в кабардинское художественное мышление на правах этнокультурных универсалий. Самое удивительное то, что целый пласт кабардинских поэтических текстов, используя символику Тхагазитова, причем иногда буквально дублируя его образы, не представляют читателю ту структурную и рефлекторную глубину, которая была свойственна прототипу:

...Журавли, улетаю,

Зовут меня в дымную даль – в двух коротких строках посредством фактически одного визуального представления кабардинский поэт однозначно локализует пространство наблюдаемого, задавая трёхмерные координаты обыгрываемого объекта. Причём, на первый взгляд, это сделано настолько безыскусно, что выглядит первичным дублем многочисленных повторений, иногда даже более совершенных. Однако это не так.

Зрительный образ журавлиного клина у Тхагазитова сопряжен с «дымной далью». Это структурирует поэтическое пространство центрального образа в достаточно сложную систему. Во-первых, журавлиный клин определяет плоскость небосвода, так сказать, верхний горизонт наблюдаемого. Безусловные когнитивные параметры этой картины подразумевают и вертикальную ось пространства – в данном случае это проекция диагонали предполагаемого взгляда наблюдателя от начальной точки отсчёта на земле до «журавлей». Далее следует

ограничение по протяженности видимого объема, ибо «дымная даль» – не просто его крайняя линия, в данном контексте «дымная даль» – это объект, зрительно соединяющий две плоскости – плоскости нахождения журавлей и лирического «Я».

В результате перед нами законченная модель некоего объема, атрибутированного во всех осях координат. Единственная апелляция к эмоциональному состоянию в системе «автор-читатель» – субъективное авторское «зовут», однако в столь чётко вылепленном пространстве оно воспринимается абсолютно достоверно и однозначно. Погружая читателя в конструктивно законченный топос своего поэтического восприятия, Тхагазитов не даёт ему возможность собственной интерпретации эмотивного «зовут».

У подавляющего большинства авторов, следовавших за Зубером Тхагазитовым, попросту не было столь развитого пространственного мышления. Как и представители довоенных поколений кабардинских поэтов, они в основном пытались оперировать эмоционально значимыми образами, напрямую декларируя то или иное пафосное содержание своих представлений. В любом случае лирическое переживание многих авторов, пришедших в литературу позже Тхагазитова, разворачивается вне художественного пространства, что, конечно же, снижает их суггестивный потенциал.

Даже произведения, генетическая связь которых с текстами Тхагазитова несомненна, в части пространственных построений далеки от его стихов. Это касается не только творчества авторов, которых принято считать «фоновыми», но и тех, кто, вне всякого сомнения, демонстрирует высочайшую степень природной одаренности и позиционируется вполне справедливо – в качестве личностей, определяющих облик целых этапов развития национальной поэтической мысли.

Например. «Журавли улетают», принадлежащее перу А. Бицуева. Один из талантливейших кабардинских поэтов современности сознательно соотносит свое произведение с текстом Тхагазитова. К слову говоря, возможны сомнения в прямой адресации к стихотворению старшего.

Эта строфа с точки зрения пространственных ощущений Бицуева (в данном конкретном тексте) наиболее презентативна и содержательна. Во всяком случае, первые две строки ее являют нам целенаправленную попытку это самое пространство выстроить – «журавли», «улетающие на юг», «вокруг», «опустевшее небо». Однако резюмирующая концовка картины не оставляет места сомнениям в характере поэтической рефлексии автора – она полностью реализована в среде индивидуальных эмоций, представляемых читателю вне какого-то конкретного объема и линейных пропорций. Бицуев «возвращает» читателя к единственной точке координат, вокруг которой и происходит описываемое, и точка эта находится вне мироздания, она лежит внутри переживающего

субъекта – «сердце». Читателю остается либо верить поэту, либо нет, войти в топос поэтической актуальности не получается, ибо его не существует.

Заданные же в первых строках ориентиры никоим образом не могут локализовать описываемое, так как и «юг» не связан с безусловными сенсорными ощущениями читателя, и ареальное «вокруг» в данном контексте – лишь способ расширения границ авторского «сердца», в которое «стучится / Моя улетевшая птица».

Введенные Тхагазитовым в оборот локализационные представления, активно используясь в творчестве более молодых авторов, теряли свою пространственную семантику. Это произошло и с образами пчел, ставшими весьма частыми элементами поэтических картин, и с образами разлетающихся искр, также вошедших в устойчивую традицию, и с образами капель, и еще со многими другими находками Тхагазитова.

Следует признать, что в части пространственных формулировок, координатных положений описываемых объектов, их масштабирования и приведения в соответствие виртуально-поэтическим объемам, в которых разворачивается лирическое переживание, Тхагазитов был и остается несомненным пионером кабардинской литературы. Тот тип художественного отражения, который был свойственен ему, до сих пор остается недостижимым эталоном для большинства его коллег

Понятно, что и в эпоху НТР, и в воследовавшую за ней эпоху «информационного взрыва», и тем более в наши дни permanently и лавинообразно расширяющегося информационного потока именно перцептивная модель Тхагазитова позволяет адекватно реагировать на цивилизационные вызовы. Именно благодаря ей появилась возможность безболезненного вхождения в ареал национального эстетического сознания объектов антропогенного происхождения, абсолютно новых понятий и концептов, относящихся к миру науки и техники. Иначе говоря, Зубер Тхагазитов может с полным на то основанием считаться предтечей поэтического урбанизма в кабардинской литературе – во-первых.

Во-вторых, равноправие перцептивных связей в схеме поэтической рефлексии, выстроенной кабардинским поэтом, открыло возможности альтернативным формам художественного отражения. Любой объект, рассматриваемый в координатах новационной рефлексивной схемы Тхагазитова, является поливалентным поэтическим образом, принципиально совместимым с любым другим. Подобный когнитивный рисунок, выкристаллизовавшийся в творчестве Тхагазитова, открыл возможности ухода от тривиальных ассоциативных систем и с точки зрения эволюционного состояния вывел кабардинское поэтическое мышление в зону абсолютной рефлексивной свобо-

ды. Не только урбанистические детали и меты современного техногенного мира, но и сами принципы постмодернистского отражения окружающего, так четко прослеживаемые в творчестве целого ряда современных кабардинских поэтов, того же Х. Бештокова, берут свое начало в творчестве Зубера Тхагазитова.

Культурная ситуация сегодняшнего дня практически дублирует положение конца 60-х – середины 70-х годов прошлого века. Абсолютно новый информационный фон, вошедший в жизнь сохранивших свою аутентичность этносов, вновь ставит их перед необходимостью поиска интегративных механизмов, культурного инструментария, без которого кризис поэтического мышления неизбежен, более того – его явные признаки мы уже наблюдаем. И если доминирующее цивилизационное пространство середины прошедшего столетия в целом институировалось ценностями общегуманитарного плана, вполне вписывавшимися в культурные стандарты и эталоны новописьменных народов, то нынешние аксиологические ориентации во многих своих составляющих видятся вообще неприемлемыми. Соответственно, под вопросом оказывается сама возможность мирного сосуществования этико-эстетических универсалий различного происхождения.

Можно со всей уверенностью утверждать, что национальная культура, национальное художественное мышление вновь нуждаются в механизмах диффузного взаимопроникновения этнического и глобального культурных миров. С этой точки зрения поэтический опыт Зубера Тхагазитова, его практика совмещения в границах единого художественного образа, единого художественного выражения структур различного генезиса представляется единственно возможным путем дальнейшего развития национального эстетического сознания. Схемы органичного и естественного взаимопереплетения и взаимоподдержки рефлексивных мультикультурных элементов, направленные на создание художественно полноценного поэтического выражения, законченного текста – эти схемы, разработанные адыгским автором и нашедшие свое совершенное воплощение в его творчестве, именно сегодня, именно они ждут скрупулезного и детального анализа.

Таким образом, опыт А. Кешокова, пошедшего по пути «размышления» самой схемы конфликтной модальности за счет экстенсивного расширения горизонтов описываемого, в том числе обращения к объективной экзотике, включения в круг кабардинского литературного языка и поэтического интереса новой топонимики, предметов и символов, ритмических и образных рисунков, сыграл огромную роль в определении путей развития кабардинской поэтической традиции. Задачу же онтологической модификации идеологемы, когда модальная схема оппозициональности из цели художественного текста превращается в средство, решил Зубер Тхагазитов.

МОТИВ НЕПРИКАЯННОСТИ В ПОВЕСТИ
ЗАУРА КАНКУЛОВА «ЗАТЕРЯВШИЙСЯ В ГОРОДЕ»
(К 55-летию З. Канкулова)

Повесть «Затерявшийся в городе», как и личность ее автора, Заура Канкулова (1967 – 1992), – явление адыгской литературы, исполненное трагического смысла и глубокой тайны. Уже первые писательские опыты Канкулова, которые можно было видеть на страницах республиканской периодики в конце 1980-х, определенно выдавали человека с неординарным мышлением, художника напряженного поиска. Однако наибольшую известность ему принесла повесть «Затерявшийся в городе», создание которой, судя по всему, пришлось на период учебы в МГУ, на факультете журналистики, куда Канкулов перевелся с филологического факультета Кабардино-Балкарского госуниверситета, и который успешно окончил в 1992-м. Его жизнь трагически оборвалась в том же году. Рукопись повести была обнаружена спустя несколько лет Зариной Кануковой и опубликована с ее послесловием в журнале «Ошхамахо».

Энергетика его дарования уже в начале творческого пути не оставляла равнодушным его окружение. Сверстники, студенты филологического отделения, устраивали обсуждения его рассказов. Тонкое участие в становлении начинающего писателя, в утверждении его художнической позиции принимали педагоги – Нина Шогенцукова, Зара Бижева. Им же, наряду с Зариной Кануковой, Хамидом Кажаровым, Борисом Кагермазовым, Борисом Утижевым спустя несколько лет после гибели Заура Канкулова суждено было проделать скрупулезную работу по сбору и подготовке к публикации его творческого наследия. Так в 2004 году увидел свет сборник «Затерявшийся в городе», куда, помимо одноименной повести, вошли пять его рассказов, известных на сегодняшний день.

В 2009 году повесть «Затерявшийся в городе», переведенная на русский язык Ларисой Маремкуловой, была включена в сборник «Цепи снеговых гор». Сборник вышел в Москве и представил русскоязычному читателю наиболее интересные произведения северокавказской прозы последних десятилетий.

Несомненно, что со времени написания повести, ее выхода к читателю, заметно изменился социально-психологический фон адыгской

литературы, в ней появилось немало нового и интересного, но и в новом контексте уникальность художественного феномена Заура Канкулова осталась очевидной – «...аналогов ему не было и до наших дней нет».

Погружаясь в проблемы и образы, порожденные эпохой экономического и культурного кризиса конца 80-х – начала 90-х, молодой автор ставил перед собой непростую задачу – в небольшом по объему полотне представить многомерное изображение современности, найти адекватные средства, чтобы передать ее деформирующуюся ментальность.

Это была эпоха, когда размывание и смещение ценностных границ происходило с особой интенсивностью, что не могло не порождать в людях ощущение неприкаянности. Смещенность границ, ощущение собственной неприкаянности входили в литературу, обретая в ней закономерность мотива. Как нам предстоит увидеть, мотив неприкаянности воплотился во всех проблемных узлах повести «Затерявшийся в городе».

Состояние неприкаянности в его наиболее распространенном понимании, как душевная бесприютность и неустроенность (неприкаянный – «не находящий себе места, беспокойный, а также не имеющий постоянного места, положения в жизни, неустроенный»), присутствует в повести как лейтмотив воссоздаваемой «картины мира» и как определяющая черта обитающих в ней героев. На магистральную роль мотива неприкаянности указывает также и заглавие произведения – «Затерявшийся в городе».

Заур Канкулов исследует тот аспект действительности, который ему ближе всего – реальность родного этноса, и выбирает героев, близких ему по возрасту – это молодые люди, которым предстоит вступить на дорогу новой, взрослой жизни. Вчерашние школьники Феликс, Коля, Залина и Ахмед, совершенно разные по складу характера, озабоченные столь же разными и в то же время вполне типичными для их возраста вещами. Кто-то из них переживает светлое чувство первой любви, с меньшей или большей степенью энтузиазма размышляет о выборе профессии (Феликс и Залина), кто-то пытается определить наиболее верный жизненный путь (Ахмед), кто-то стремится реализовать свою жажду доминирования (Коля).

Ничего из всего этого еще не свершилось, но начало и итог уже пересекаются: Феликсу еще только предстоит предать свое светлое чувство, оставив Залину на поругание хулиганам, Ахмеду только предстоит разочароваться в истинах Корана и отвернуться от него, но образ «затерявшегося в городе» уже курсивом проходит через пространство повести, внося в него настроение обреченности: «Страх, необъятный страх черным дымом обволакивает его, стискивает до дрожи в ногах, гонит и не дает остановиться. Стиснуть зубы. Ни звука. Ни стоны. Снова городская улица. Лечь бы, но некуда – земля

горит. Что это, помутнение рассудка? Он перестал ориентироваться во времени и пространстве...».

Инверсивное восприятие событий задано самым началом повествования. Произведение открывает диалог уже надломленных жизнью героев, и первая из череды «неприкаянных», кого мы видим – это Залина, некогда кроткая девушка в белом платьице, державшаяся за свою любовь как за спасительную нить, по-настоящему и, как говорит автор, не по-современному преданная ей. Начало повести являет Залину в образе сумасшедшей, что заранее определяет вектор дальнейшего прочтения и восприятия истории ее любви, о которой читателю пока только предстоит узнать. Тихий носитель лирического начала повести, Залина с первых же строк изображается у своего печального итога, – навсегда утратившая смысл жизни, обреченная на беспорядочные скитания: «Перестань шляться по улицам, как полоумная!» – раздраженно бросает ей Феликс.

Мир ее опрокинут и ничего спасительного случиться в нем уже не может. Беседующий с ней Феликс, вроде бы сумевший отмежеваться от пережитого, обрести почву под ногами и благополучно существовать в потоке будней – семья, работа, друзья, – как станет ясно в дальнейшем, совершает всего лишь короткую остановку, перед тем как потерять дорогу и заблудиться навсегда.

К пониманию того, что в образе мужчины, блуждающего в смятении по городу, заложена предопределенность судьбы самого Феликса, автор подводит читателя постепенно, по мере развития событий.

Как уже сказано, события выстраиваются вокруг ключевого этапа в жизни главных героев – это время их перехода из стихии школьного коллективизма во внешнюю действительность, в самостоятельную жизнь, потому их история – это история выбора пути и обретения собственной цельности. В семантике этого перехода своеобразно проступает трансформированный во времени обряд возрастной инициации.

Переход подростка во взрослую жизнь сам по себе сложен. Переход, совершаемый в мире хаотических ценностей, сложен вдвойне. Варианты посвящения во взрослую жизнь, прохождения инициационных ступеней могут быть разные. И степень осознания данного рубежа способна многое поведать о внутреннем мире героев.

Наибольшая степень духовного напряжения в этом смысле выделяет Ахмеда. Пожалуй, в отношении именно этого героя понятие «посвящение» подходит органичнее всего и ближе всего к своей изначальности, ведь глубинный смысл посвящения «... всегда религиозен, потому что изменение экзистенциального состояния происходит в результате религиозного испытания. Посвященный становится другим человеком, ибо ему открывается религиозная сущность Мира и Жизни».

Не по годам серьезный, вдумчивый парень, Ахмед умеет «разгова-

ривать с Кораном». Обучил его этому дед Бекул, «одичавший старый отшельник». Именно через мудрость Бекула Ахмед надеется найти разрешение своих терзаний и получить совет в выборе жизненных приоритетов (как надо жить: в свое удовольствие или согласно истинам Корана?). С позиции духовного бытия совет деда Бекула аксиоматичен и предсказуем: «Помни мои слова. Живешь, пока желаешь познать что-то. Сердце в чистоте храни. Для праведного человека не то что творить негодее, а и помыслить о плохом – великий грех». Как знак посвящения можно трактовать то, что Бекул передает юноше свой Коран, и дает ему позволение клясться на нем при надобности.

Ахмед духовно богат. Из всех молодых людей, представленных в повести, он единственный, в ком наиболее ощутима сила, восходящая от родных корней. Он знает отвергнутый и позабытый не только его сверстниками, но и поколением их родителей родной язык наршу. Для него значим авторитет предков, что явствует из его привязанности к своему «наставнику», деду Бекулу (как увидим дальше, для Коли, Феликса и Залины связь с предками разорвана окончательно). Он освоил язык, на котором нужно «разговаривать» с Кораном и теперь посвящен в его истины. Однако все это не избавляет его от чувства неприкаянности.

Трудно судить о том, насколько это знание приближает Ахмеда к религиозной сущности Мира и Жизни, но он постиг, что Коран наделен душой. В нем, в Коране, образ, за которым юноша уже способен прозревать отчетливую модель жизни и поведения. Книга эта с лицом смиренным и замкнутым «похожа на устоявшегося в мыслях и делах человека», «не криклива в одеянии и словах, не выбалтывает всех мыслей разом». Но так же ясно Ахмед видит и удручающую разобщенность истин священной книги и законов жизни. «Везде ложь. Сытая, румяная ложь. Наши горные речки отравлены. Мальчик Дидаровых напился из речки... Нана ходила на похороны. Все знают, что винзавод сливает в речку всякую гадость. Знают, а молчат. А что толку говорить? Ходили смельчаки жаловаться. И что?». С одной стороны – строгое лицо Корана, с другой – абсолютная индифферентность окружающего бытия к этому лицу и к его духовности, оптимистичное следование собственной спекулятивной логике. Отсюда вопросы без ответа, метания Ахмеда между великими истинами Корана и принципом «жить надо в свое удовольствие».

Отчетливое чувство порога, стремление вступить во взрослую жизнь с осмысленными приоритетами, наличие проводника-предка, посвящающего в жизнь, и символа такого посвящения – все это атрибуты инициации. Они особенно сконцентрированы на участке повести, где происходит диалог (мысленный и вербальный) Ахмеда и деда Бекула.

В жизни Феликса то, что мы обозначили как чувство порога, дает

о себе знать спонтанно, но неизбежность и драматизм его от этого не ослабевают. В случае с этим героем встает вопрос уже не о выборе наиболее верного пути, а прежде всего о желании избавиться от постоянно преследующей его шаткости, неустойчивости собственного бытия. Внутренние метания провоцируются здесь уже не двумя возможными вариантами бытия, а мировоззренческим сумбуром, который и приведет Феликса к окончательной потере самого себя.

Можно сказать, что тропа сама выбрала его в то время, когда он, будучи еще совсем мальчишкой, прирос душой к глазастой девчонке. Его тропа рассекает тьму, она ярко светится лунным светом в ночи и отрывается от земли, – это его сокровенный ориентир, ведь на этой тропе он ясно видит силуэт Залины: «Тропа оторвалась от земной тверди и скручивается в спираль. Залина повернулась спиной и собирается убежать на школьный двор. Что он делает здесь? С кем он?».

Залина и Феликс – двое, которым по какой-то причине уже с ранних лет открылась жизнь в ее высочайшем смысле. Они привязались друг к другу еще в раннем детстве. И вроде бы в этой трогательной истории нет ничего такого уж неординарного. Но обращает на себя внимание то, что в детском осознании этого чувства Феликсом пробивается какая-то удивительная самородная преданность, стойкость. Его это не пугало, – говорит автор о детском сердце, с готовностью приемлющем внезапно возникшее чувство: «Сохранить чувство, родившееся столь рано, не хватит никаких сил, физических и душевных, но Феликса это не пугало. Он протягивал ей упавший мяч, давая понять, что так будет всякий раз, а понадобится носить за ней портфель до скончания века – он и на это согласен». Однако озаренная лунным светом тропа, на которой его ждет любимая девушка, пробегает пунктиром через жизнь Феликса, так ничего в ней не изменив, поскольку сделать твердый выбор в пользу этого пути он не решается.

Синхронно в судьбе Феликса проступает образ еще одного пути. Он связан с мистическим ужасом, поскольку, очутившись на нем, герой оказывается чем-то вроде медиума для недавнего прошлого своего народа. Образ пошатнувшейся, уходящей из-под ног или проваливающейся земной тверди теперь сопровождает его постоянно. Неприкаянное прошлое мечется в поисках своего медиума и, наконец, найдя его в лице Феликса, доводит его до полубезумного состояния. Но и выбор прошлого, судя по словам деда Бекула, также неслучаен, он кармически предопределен неприкаянностью предков Феликса: «Оставь свои тревоги. С тобой говорит прошлое. Почему выбор пал на тебя – мне неизвестно. Возможно, в твоей родне много таких, чьи души после смерти не нашли успокоения» (Курсив наш. – *И. К.*) .

Кошмары и видения Феликса – те ступени испытаний, которые он должен пройти. Путь, о котором идет речь, имеет древний прообраз,

так как еще в фольклоре ранних времен «инициация включает временную изоляцию от социума, контакты с иными мирами и их демоническими обитателями, мучительные испытания и даже временную смерть с последующим возрождением в новом статусе». На этом пути ему доводится пересечься с дедом Бекулом, на какое-то мгновение дед становится его проводником, и жизнь юноши, пусть медленно, но начинает выправляться. Дед Бекул дает ему заветную бусинку-слезу и произносит мудрое наставление: «Живи, не причиняя боли другим». Однако Феликсу так и не достает мужества пройти ступени инициации до конца, а потому становление личности, нахождение собственного «я», так и не свершается. У Феликса уже есть свой проводник во взрослую жизнь – приятель Коля: «...Он так и слышит голос приятеля и видит его презрительно скривившиеся губы. – Время кошек-мышек прошло, мы уже взрослые. Будь мужчиной и следуй мне во всем, не то...» (...) Феликс понимает, что значит «не то». Если Коля отвернется, кто будет его проводником по жизни? А она, как известно, огромна, трудна, непонятна. С отцом ему не по пути. Залина скрылась за школьными воротами. О матери и говорить нечего, на что ему советы женщины».

Примечательно, что дед Бекул первоначально предстает перед взором Феликса в каком-то страшном образе из ночного кошмара, Коля же совершенно другой: всегда обаятелен, находчив, остроумен. Колю отличает ясное видение желаемого пути и четкое следование ему, иное дело – каковы ценности, к которым ведет этот путь.

Образ Коли наиболее сложный, ибо многогранно и многократно отрицательный, однако именно в нем прослеживается поступательное движение от состояния юношеской неприкаянности к обретению твердой почвы под ногами. Этот герой тоже проходит посвященные испытания, но с иным смыслом, здесь «...инициация толкуется как познание зла, приобщение к злу, нечто вроде грехопадения».

Находчивого и жизнелюбивого Колю резко отличает от его друзей жажда доминирования. Возможно, в этой жажде – попытка бегства от ощущения собственной осиротелости. Оно поселилось в нем еще в детстве, когда вдруг сместились границы между скрытой жизнью взрослых и ребенка: «Стенки тонкие, чего только не услышишь. Коля давно привык подслушивать. Неужели это те двое, что ссорились на кухне? Мать пошептывает-постанывает, отец воркует. Когда Коля впервые подслушал эти звуки за стенкой, он решил, что должен за кого-то из них заступиться. Скорее всего, за мать. Она слабая, ей отец спать не дает. Но однажды он услышал, как мать разбудила уснувшего отца. Все смешалось в голове мальчика, и он заплакал. Кому он нужен на этом свете? Разве он не сирота?» (Курсив наш. – *И. К.*). Здесь внешний план его мотивации, но есть и план сокровенный.

Душой Коля устремлен к своей тайной мечте. И мечта эта запе-

чатлена на плакате, висящем на стене его комнаты: «Девушка на стене зовет его, манит. На загорелом теле блестят крупные капли, длинные волосы пластаются по воздуху, подобно крыльям.

Однажды ночью она сошла с плаката и легла рядом со спящим Колей. Он ощущал ее прохладное тело. Кровь стремительно понеслась по его жилам, и в момент наивысшего ее бурления он пробудился. Сокровенная мечта – девушка с плаката – граничит с ночной грезой. Трепетный момент близости с одной из девушек, с которыми Коля и Феликс познакомились на пляже городского озера, заставил его подумать, что мечта осуществилась. Но то была лишь мимолетная иллюзия, которая, однако, вынуждает героя сделать невольное признание собственного одиночества:

«– Почему ты бегаешь по берегу одна? – спросил вдруг Коля. – Я зову тебя, а ты не слышишь, все убегаешь да убегаешь.

– О чем ты? – удивилась Джульетта.

– Или ты получаешь свободу только ночью? Трудно жить одному. А может, тебе противна эта жизнь и ты обратилась в картину на стене?» (Курсив наш. – *И. К.*).

Преодоление неприкаянности, прохождение ступеней инициации осуществляется Колей через женщину. Если восстановить все инициационные ступени, то в начале окажется женщина, которую, по его словам, он познал, когда ездил с родителями на море, следующей – приезжая девушка с вымышленным именем Джульетта, с которой он заводит интрижку на озере, невнятный эпизод пробуждения возле какой-то девушки, престарелая Оля, которой он за деньги оказывает интимные услуги, затем – девушка из общежития, которую он выигрывает в карты, и, наконец, девушка его лучшего друга Залина, над которой он совершает насилие. Идея становления воплощается здесь через реализацию демонического соблазна. В конце повести, когда Коля силой возьмет Залину, оба плана сойдутся: жажда доминирования и овладение мечтой. «Он усмирил вырывающуюся девушку одним ударом кулака. Начал торопливо расстегивать пуговицы. Вот она. Девушка с плаката, наконец она принадлежит ему. Лежит неподвижно. Сейчас он расстегнет все пуговицы и откроется слегка тронутое солнцем прекрасное тело. Раньше она сама спускалась к нему со стены и ложилась с ним рядом своим прохладным телом. А теперь он добыл ее сам...».

Из всех героев повести Коля единственный, кому удастся занять свое место под солнцем. К обретению себя, как и полагается отрицательному герою, он движется через сломанные судьбы других. Он уверенно проходит испытания и сам утверждает в статусе проводника. Попытавшийся было взбунтоваться против него Феликс покорно склоняется перед его властью: «Он пошел к другу. Пошел, чтобы спросить

с него. Тот встретил его ласково, провел в комнату. Показал следы от побоев, на чем свет ругая того, кто их нанес. «Я знал, что ты придешь, – сказал он. – Таких, как она, полно на свете, выбирай любую, надоест – меняй. Она отнимала у тебя свободу».

Феликс молчал. Пора уезжать. И зачем он приехал? Он знал, что с этой минуты никогда не послушается лучшего друга».

В галерее представленных героев антиподом негативной аксиологии Феликса, безусловно, может выступить Ахмед. Но все же, при явной ментальной разнонаправленности Ахмеда и его сверстников, становится очевидно, что в городе затеряется и он, человек глубокой рефлексии и высокой морали. Разочарованный, испытавший отторжение от принципов, казавшихся ему незыблемыми, он отвернется от Корана. «Он не станет на нем клясться. Не скоро еще человек обратит к нему свое сердце».

В образе Ахмеда – печаль автора не только о своем поколении, но об этносе, блуждающем в пустоте, а поколение молодежи – оно болезненный «симптом» этого блуждания. Примечательно, что через Ахмеда сначала намечается, а затем сводится на нет оппозиция «село/город», ибо моральная деградация наблюдается и там, и здесь. Человек, воспитанный мудрейшими жителями селения Чарцуко – бабушкой Марем, проживающей в верхней части села, и дедом Бекулом, обитающим в его нижней части, он в фигуральном смысле – искомая вертикаль духовного возрождения народа. Бабушку Марем тревожит «недетский взгляд» Ахмеда, Феликс отмечает, что тот «всегда сдержан, а в глазах всегда печаль, словно знает за всеми людьми их роковую ошибку, но прощает их. (Попутно заметим, что в повести лишь Ахмед и Залина «наделены» взглядом, – глаз других героев мы не видим). Казалось бы, именно таким людям, как Ахмед, назначено нести упорядочивающее (мессианское) начало в мир хаотических ценностей, но этого не происходит. В финале повести Ахмед, столкнувшийся с жестокой реальностью, приезжает в село уже «преображенный». Облик его снова оценивается глазами наны: «Внук вернулся. Только это не тот мальчик. Смирный, вежливый. Это не он. Этот обкусал себе губы до крови. И взгляд колючий».

Мысли автора о своем поколении – в тесной связке с судьбой этноса, его историей, с проблемой оторванности от корней, забвения родного языка, взаимоотношения поколений. В изображенной им картине мира властвует взаимная глухота двух поколений – детей и их родителей: ни традиционного в культуре адыгов (племени наршу, как обозначает их Заур Канкулов) почитания старших, ни даже пресловутого спора отцов и детей. Нет ничего. Они живут в отдельных мирах. «Если чада одеты, обуты и накормлены – миссия родителей считалась выполненной. При этом послушать их – не было в мире лучше, добрее,

внимательнее, мудрее отцов и матерей, чем они. «Наши дети, наше будущее, наша кровь и плоть, наш след на земле» – эти слова произносились часто, а вот высокая стена между ними и детьми их взору была недоступна». Между поколениями стена, и в этой метафоре проступает искажение привычных границ, ведь, казалось бы, ментальной системе, четко определяющей алгоритм взаимоотношений старших и младших, метафора стены вообще несообразна.

Ментальные трансформации этноса читаются через символы, в которых запечатлеваются его прошлое и современность. Так, трагическая история народа – в образе сорвавшегося в пропасть скакуна: «Злосчастье вцепилось в стремя. Конь рванулся, ободрал ногу до крови и сорвался в пропасть. Большинство народа полегло в той войне, выжившие ринулись к морю, чтобы переправиться на тот берег». Вселенная не терпит пустоты, в настоящем можно обнаружить симулякры того коня – ослики, – своеобразное олицетворение выносливости и жизнестойкости, «А ведь одно время была установка избавляться от животных, олицетворяющих пережитки старины. И отбирали их, и вывозили, но порода возрождалась с поистине ослиным упрямством».

Не менее красноречивый символ трансформаций – лежащий во дворе деда Бекула камень в виде собаки: «Из окна камень виден хорошо. Он похож на огромного пастушьего пса. Положил тяжелую голову на лапы и выжидает. Вот-вот поднимет к небу морду и завоет, столько долго и протяжно, что в душе человека не останется места для сколь-нибудь цельной мысли. А горы вдалеке так и притаились в ожидании этого воя, готовые отозваться на него всей силой многоголосого эха, слышимого во всех пределах осиротевшей земли». Каменная собака не покидает своего места, она – символ несгибаемой воли той горстки адыгского народа, которая осталась на родной земле. Камень этот привезли в дни переселения, перевезли на арбе со старого подворья. Всем своим видом он свидетельствует о возвышенном и монументальном смысле бытия этноса, о том смысле, который когда-нибудь должен осуществиться, и даже горы ждут его воплощения. Но вместо воплощения возвышенного смысла напряженному ожиданию отвечает совершенно другое – вой приبلудной собаки: «Из-под поленницы неподалеку от костра раздался протяжный собачий вой. Феликс вздрогнул и невольно вцепился в руку Ахмеда.

– Не пугайтесь, парни, спокойно сказал дед. – Приبلудная собака там оценилась. Облюбовала себе место жительства, что поделаешь. Впервые слышу, чтобы выла».

Среди символов трансформаций трудно оставить незамеченными памятники. Сильный, крепкий Тембал, который охраняет вход в парк, и монумент на въезде в село Чарцуко. Оба были в свое время уста-

новлены как символ новой, счастливой жизни народа. Один ночами срывается с места, другому просто-напросто периодически сносят голову, не давая возможности войти в определенный образ и утвердиться в нем: враг народа, многострадальный старый пасечник, нищий с протянутой чашей... «этот давно никому не нужен. И вряд ли у него хватит сил срываться с места и разгуливать по ночам». Наводящий жуть истукан Тембал ночами с грохотом покидает свой постамент и отправляется по какому-то мистическому маршруту в странное место на окраине города. Несмотря на постоянные коннотации несокрушимой мощи Тембала, неприкаянность воплощена здесь в ее изначальном смысле, как отсутствие постоянного пристанища для грешной, не покаявшейся души.

В повести есть момент, когда на улицах города появляются неприкаянные души. Момент этот почти незаметен, поскольку всплывает мимоходом в описании постепенно налаживающейся жизни Феликса. Провалив экзамены в чужом городе, молодой человек принимает самостоятельное решение остаться в столице, чтобы посещать подкурсы. Это именно тот этап, когда история Феликса, после встречи его с дедом Бекулом, наконец-то высветляется и в этом высветлении даже начинает проглядывать поступательность. Соскучившись по родным и Залине, он едет в родной город, скоро день рождения. Этап налаживания жизни; теплота, которая накатывает волнами на душу Феликса, и влечет ее домой; день, который обещает новое рождение... В контексте всех этих светлых настроений и обнадеживающих событий прозвучит фраза: «Это была ночь, когда по улицам бродили души умерших не своей смертью». Именно эта фраза и предвещает страшную кульминацию в развертывании мотива неприкаянности.

В любой культуре и любой художественной системе молодежь символизирует будущее. Ахмед, Залина и Феликс, каждый со своим сценарием, каждый по своим причинам, из состояния юношеской неприкаянности переходит в небытие. Беспощадная позиция автора «За-терявшегося в городе» в том, что будущего он не видит. Всепоглощающие страхи Феликса не разрешаются катарсисом, и, говоря откровенно, в эпизоде надругательства хулиганов над его девушкой безвыходность его положения видится не вполне убедительной. Можно ведь было, по крайней мере, позвать на помощь? Ведь была возможность хотя бы «повязать» насильников на месте преступления. Но автор дает ему убежать, совершить скачок от едва начавшегося высветления жизненных ориентиров к гибели, духовной и физической... Без преувеличения можно сказать, что произведение Заура Канкулова – не просто уникальный факт художественной литературы, оно само по себе есть прохождение через мистериальную смерть, после которой можно либо возродиться в новом качестве, либо отступить перед собственной слабостью.

*Тазал МАШУКОВ,
публицист, кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры РФ*

ПУБЛИЦИСТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Одним из важнейших факторов, инструментов, оказывающих огромное влияние на литературный процесс, является публицистика. У публицистики много определений. Кто-то из исследователей теории и практики публицистики называет ее родом литературы, кто-то видом литературного творчества, кто-то литературой по общественно-политическим вопросам, кто-то литературным жанром... Наверное, все эти определения имеют под собой почву и все они в какой-то степени близки к истине. Бесспорно, на наш взгляд, то, что предметом публицистики, ее темой, как типа литературного творчества, всегда является современная жизнь общества во всех ее проявлениях и измерениях в единстве социальных ситуаций. А специфическое социальное назначение публицистики – формирование общественного мнения для последующего воздействия на процессы, происходящие в обществе, в нужном, правильном направлении. Публицистика всеобъемлюща, и нет такой области и сферы человеческой деятельности, которая была бы ей безразлична. Мир публицистики, ее предмет исследования и анализа – весь мир. И потому литература, литературный процесс здесь не исключение.

Кабардинская литература и публицистика тесно связаны между собой и взаимозависимы. Обе вышли из страниц первых национальных газет и журналов. Поэтому и процессы их становления и развития во многом схожи, в них много общего.

В кабардинской литературе много известных талантливых писателей, поэтов и драматургов, начинавших свой творческий путь в журналистике: в редакциях газет и журналов, радио и телевидения. Попробовав свои силы в публицистике, будущие мастера художественного слова брались за серьезные литературные жанры: рассказ, повесть, пьеса, роман, поэма... Богатый и разносторонний журналистский опыт нередко становился фундаментом, основой, источником тем для серьезных литературных произведений.

В первой половине XX века кабардинская публицистика, как и литература, находилась еще только на стадии своего становления. Вместо глубоких публицистических выступлений, поднимающих острые конкретные проблемы современной общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни республики, местные газеты, альманахи и журналы, как правило, ограничивались публикацией пространных

стандартных статей, приуроченных к различным праздничным и знаменательным датам. В них авторы, приводя иногда интересные факты и явления жизни, не поднимались до их анализа и глубоких обобщений, не вмешивались в ход событий для воздействия на них. Объяснений такому факту немало. Нельзя забывать о том, что в годы культа личности, когда в обществе культивировалось исключительное единомыслие всех его членов, в творческой среде и, особенно, в журналистике и публицистике, не поощрялось, мягко говоря, стремление иметь свой взгляд и свое мнение на те или иные факты, события, явления и тенденции, интерпретировать их по-своему, а тем более предавать общественной гласности через периодические печатные издания. Творческий застой в обществе, длившийся десятилетия, отучил публицистов мыслить самостоятельно, без оглядки на вкусы и позиции властей. Такая ситуация не способствовала развитию кабардинской публицистики, появлению ярких и талантливых ее представителей. Для подтверждения высказанных мыслей достаточно привести один весомый факт: в первой половине XX века в республике не была издана ни одна авторская книга публицистики или сборник статей.

Те же самые причины тормозили и развитие кабардинской литературы, многие темы для нее на протяжении десятилетий были по существу закрыты, оказавшись под негласным табу. Однобоко и тенденциозно, единственно с точки зрения официальных властей освещались многие вопросы, касающиеся революции и гражданской войны, раскулачивания и коллективизации, Великой Отечественной войны и послевоенной жизни, политических репрессий 30-х годов, депортации целых народов, не говоря о событиях дореволюционной истории – Кавказской войне, выселении адыгов в Турцию, ничего не писалось о судьбах соотечественников за рубежом вплоть до середины второй половины XX века.

Уместно здесь заметить, что только при наличии в обществе публичного разномыслия, многовариантности суждений, точек зрения и взглядов на одну и ту же проблему, факт, явление, тенденцию открываются возможности для создания настоящих произведений беллетристики и публицистики, глубоко затрагивающих интересы, запросы и чаяния читателей.

Важнейшим фактором и событием в общественно-политической жизни страны, открывшим новые возможности и горизонты для дальнейшего поступательного развития кабардинской литературы, стал так называемый период «хрущевской оттепели» – небольшой по историческим меркам отрезок времени, раскрепостивший в определенной степени общество и личность, духовную жизнь. Период этот охватил примерно два десятилетия – с середины 50-х до середины 70-х годов XX века. Появляется реальная перспектива для создания художественных произведений, объективно отражающих жизнь, а также переоценки искаженных тоталитарным обществом ценностей, пересмотра отдельных страниц нашей истории.

Новое дыхание жизни ощущается во всех жанрах литературы, обновляется ее застоявшаяся тематика. Период «оттепели» оказался, как было отмечено выше, кратковременным, и кабардинская литература и публицистика не успевают полностью раскрепоститься, воплотить все задуманное в страницы романов и повестей, поэм и пьес, в яркие и острые публицистические книги.

Последовавшие за «оттепелью» времена, получившие название «период застоя» (годы правления Л. Брежнева), вновь сковали все сферы жизнедеятельности: политику и экономику, культуру, искусство, литературу и духовность. Годы строительства «развитого социалистического общества» также мало способствовали самореализации художественного творчества.

Было давно очевидно, что при однопартийной системе власть сковывала любую инициативу, в том числе и, может быть, в первую очередь – в литературе и публицистике. Партия с помощью мощного идеологического оружия – печати, телевидения, радио, многочисленных институтов организации общественного мнения – создавала незыблемость действия принципа «народ и партия едины».

Только начатая М. С. Горбачевым перестройка, благодаря которой была отстранена от власти коммунистическая партия и появилась многопартийность, раскрепостила общество. Принимается Закон РФ «О средствах массовой информации», отменяющий цензуру и провозглашающий свободу слова и печати. Российская литература, творившая много десятилетий, руководствуясь только единственно признаваемым методом создания художественных произведений – методом социалистического реализма – сбрасывает с себя путы, сковывавшие ее весь советский период, вдыхает в себя свежий воздух долгожданных перемен в обществе.

Вздохнула свободно и пресса. Появление независимых периодических печатных изданий ознаменовало особый этап в развитии публицистики. Публикации этих изданий вернули читателям многие «забытые» за последние десятилетия темы нашей истории. Можно сегодня констатировать бесспорный факт: благодаря независимой прессе, ее публицистам и публицистике стало возможным появление в кабардинской литературе значительных прозаических, поэтических и драматургических произведений на темы русско-кабардинских отношений, Кавказской войны, «белых» пятен в истории Великой Отечественной войны, политических репрессий.

Эти и другие темы стали ведущими в таких газетах, как «Хасэ», «Версия», «Альтернатива», «Нарт», «Единство», «Возрождение», «Республика», «Северный Кавказ», «Газета Юга», журналах «Щынгъуазэ» (Энциклопедия), «Адыгская старина», «Ориентир», независимый журнал «Эльбрус» (на русском языке).

Заметным событием в кабардинской литературе стал роман С. Ма-

федзева «Медвежьи когти» о Кавказской войне, ранее к этой теме обратился А. Налоев в романе «Домик у реки». Драматург Б. Утижев в пьесе «Князь Кучук», В. Вороков в киноповести, касаясь русско-кабардинских отношений, обратились к выдающейся личности – фигуре последнего валия Кабарды, ее верховного князя Кучука Джанхотова. Названные произведения разных жанров содержат в себе огромный публицистический заряд, так как, обращаясь к далеким историческим фактам и событиям, одновременно поднимают одну из важнейших задач сегодняшнего дня – необходимость сохранения и упрочения мира и согласия на Северном Кавказе, дружбы и тесного сотрудничества с Россией.

Мастера художественного слова, как показывает практика, обращаются к публицистике в тех случаях, когда литературный процесс в целом или отдельные его факты, явления, тенденции требуют оперативного профессионального вмешательства для исправления допускаемых ошибок, устранения недостатков, выправления положения. Свое веское слово в этом плане сказали известные писатели-публицисты, литературные критики и литературоведы Х. Теунов («Литература и писатели Кабарды»), А. Шортанов («Аскербий Шортанов. Очерки. Статьи. Доклады. Письма»). Составитель – М. Шакова), А. Кешоков («Вид с белой горы»), М. Сокуров («Лирика Алима Кешокова», «Избранные произведения»), П. Шевлоков («Правда жизни»), Х. Кармоков («Писатель и время»), Ю. Тхагазитов («Адыгский роман», «Эволюция художественного сознания адыгов»), А. Мусукаева («Ответственность перед временем», «Северокавказский роман»), Л. Кашежева («Кабардинская советская проза», «Совершеннолетие пера»), А. Гутов («Слово и культура»).

Перечисленные литераторы заложили добротную основу профессиональной критики и литературоведения. Новое весомое слово в этой сфере в последние десятилетия XX века и в первые годы XXI столетия сказали Х. Кауфов и Б. Утижев. Если до них кабардинская литература анализировалась и изучалась критиками в основном в рамках... самой литературы, в отрыве от острых социальных проблем жизни, то в работах этих авторов литературная критика поднялась до более высокой ступени своего развития – до публицистической литературной критики, до глубокого анализа произведений «в зеркале социальной жизни».

Во всю ширь и глубину раскрывается в первые десятилетия второй половины XX века публицистический талант Хачима Теунова. Цикл его очерков – «Свет с севера», «Чудесный самородок», «Путь поэта» – это взволнованный пафосный рассказ о выдающихся личностях Кабарды – первом ученом и историке Шоре Ногмове, отце кабардинской литературы Бекмурзе Пачеве, классике кабардинской литературы Али Шогенцукове.

Публицист вдохновлен тем фактом, что руководитель Советского государства высоко оценил его соплеменников: «Хороший народ – кабардинцы. С большим достоинством. Сохраните это достоинство». Откли-

каясь на эту оценку, Х. Теунов пишет статью «Под сталинским солнцем». Публицист делает экскурс в историю своего народа, к его корням, к тем событиям, которые выпестовали лучшие черты его характера. Он прослеживает диалектику развития и приумножения такого качества своего народа, как достоинство, органически присущего и нашим современникам. Счастье же настоящее, завидное народ кабардинский обрел в дружной и великой семье народов Советского Союза, подчеркивает в заключение автор.

От очерка к очерку, от книги к книге, все чаще издающихся то в Нальчике, то в Москве, Х. Теунов делает новые заметные шаги в совершенствовании своего публицистического мастерства.

«...Мы, не имевшие своей письменности, своей государственности, за несколько десятилетий обрели все, чем может гордиться человек», – справедливо замечает публицист. И чтобы показать воочию эти достижения всесоюзному читателю, он пишет книгу публицистики «Путь на Эльбрус» [1].

Автор предваряет ее следующими словами: «...Мой рассказ будет не о той весне, которая каждый год в свой час приходит к нам и уходит, – речь идет о весне народов Кабардино-Балкарии, о весне людей, распрямивших согбенные спины. Эта весна не уходит. Она молодит, преображает мою родину и людей моей земли» [2].

Очерки, вошедшие в книгу, охватывают все стороны жизни республики, начиная от ее истории, природно-климатических особенностей региона, флоры и фауны, промышленности, сельского хозяйства, курорта, кончая ее замечательными, трудолюбивыми людьми, прославившими Кабардино-Балкарию.

Яркие запоминающиеся факты, убедительная, четко выверенная логика изложения материала, сочный язык, насыщенный афоризмами, глубокие размышления автора о прошлом, настоящем и будущем своего народа делают очерки Х. Теунова остро публицистичными, потому они не оставляют читателя равнодушным к прочитанному.

Публицистическая литературная критика известного писателя, драматурга, ученого Аскерби Шортанова сыграла огромную позитивную роль в развитии кабардинской драматургии второй половины XX века. «Мужество не в том, чтобы замечать неудачи молодых литераторов, – писал он, – а в умении и желании подсказать им как нужно исправлять ошибки. А этого нам недостает» [3]. Сам публицист бережно относился к творчеству молодых драматургов, всячески поддерживая и воодушевляя их. При этом он не являлся сторонником приема театром сырых, «быстро испеченных» и малохудожественных произведений. Но когда автор приносит в театр не совсем профессионально написанную, но интересную по замыслу, богатую по своему содержанию пьесу, то театр в этом случае должен проявить максимум благожелательности к автору, помочь довести пьесу до полной кондиции – такова была по-

зиция А. Шортанова. И демонстрировал он ее публично много раз. Он возмущался, например, тем, что «молодой прозаик С. Кушхов написал драму о комсомольско-молодежной бригаде кондитерской фабрики. Пьеса читалась в труппе театра, ее встретили радушно. Было принято решение: поставить ее силами кабардинских артистов. Но вот прошло уже более полутора лет, а пьеса так и не увидела сцены. Говорят, что она перестала нравиться режиссеру театра» [4].

К произведениям маститых драматургов, к их анализу он подходил с другими критериями, с самыми высокими профессиональными требованиями, дотошно и принципиально. Здесь у него авторитетов, неприкасаемых личностей не было.

«Мы часто встречаемся с таким печальным фактом, когда речь столетнего старика и школьника однотипна по своему фразеологическому построению, – писал он. – Аксиров, Тубаев, Шомахов, Шагапсов и другие драматурги не утруждают себя серьезной и кропотливой работой над словом, над основным материалом пьесы» [5].

В адрес известных кабардинских драматургов, чьи пьесы не одно десятилетие шли на сцене национального театра, А. Шортанов заметил, что они не умеют раскрывать внутренний мир изображаемого человека, психологически верно обосновать поступки и поведение своих героев: «В пьесах много шума, крика, выстрелов, убийств, но мало мысли, чувств, художественности, философского обобщения. Это свидетельствует о нашей беспомощности» [6]. А. Шортанов-публицист особенно возмущался тем, что драматург или театр тратит всю свою творческую энергию только на поиски историко-этнографических картин прошлого, усердно копошится в дебрях далеких веков, но не чувствуют при этом пульса современной ему жизни.

Кабардинский национальный театр всегда ставил и ставит пьесы мировой и русской классики, драматургов соседних республик. А. Шортанов много внимания уделял качеству перевода этих произведений на грамотный, добротный кабардинский литературный язык. Он с сожалением отмечал, что многие переводы страдают дословизмом, они теряют колорит оригинала, тексты делаются трудными, незвучными.

Не мог пройти публицист и мимо того факта, что за более чем двадцатилетнее существование русская труппа не поставила ни одной пьесы из жизни республики.

Большой интерес представляет небольшая публицистическая статья А. Шортанова «Держать!». Опубликована она в газете «Кабардино-Балкарская правда» 1 февраля 1966 года. В ней он делится мыслями и мнениями об искусстве и литературе, отмечает, что в сфере настоящего искусства и литературы легко ничего не дается, чтобы сделать что-то яркое, эмоциональное, выразительное, национально самобытное и художественно завершенное, нужны годы кропотливого труда.

Публицист высказывает глубокую убежденность в том, что в республике имеются творческие силы, способные создавать крупные художественные произведения – глубокие по содержанию и совершенные по форме. Но надо их организовывать, направлять, будоражить, будить в них мысль, пламень творчества. При этом он замечает: творчество – это не производство.

В статье А. Шортанов возвращается к проблемам развития кабардинской драматургии, обращает внимание на ее недостатки и упущения: «Мы нередко “поставляем” театрам бездумные, сугубо местные, семейно-бытовые, весьма поверхностные вещицы, а не серьезные, проблемные, глубокие по замыслу произведения. ...Схематизм, узость мировоззрения героев, мелкость характеров, слабая композиция – вот наиболее существенные недостатки наших пьес на современную тему. В драматических произведениях о нашем времени нет сильных натур» [7].

Все эти и многие другие рассуждения и мнения, высказанные А. Шортановым публично в периодической печати, на творческих совещаниях, семинарах и заседаниях, оказали непосредственное конкретное влияние на кабардинскую драматургию, во многом благодаря им в последние два-три десятилетия появились талантливые, высокопрофессионально написанные пьесы драматурга Бориса Утижева.

Свое веское публицистическое слово о проблемах развития кабардинской драматургии во второй половине XX века сказали литературоведы и литературные критики П. Шевлоков, Б. Курашинов, Х. Кармоков, публицисты Х. Кауфов, Б. Утижев, Х. Кодзоков, Е. Белгорокова, А. Абазов, Л. Утижева и другие. В их ряду особое место занимает публицистика Хачима Кауфова и Б. Утижева. В книге «В зеркале социальной жизни», отдельных выступлениях в периодической печати Х. Кауфов со свойственной его творчеству проблемностью, актуальностью, невзирая на заслуги признанных авторитетов в области драматургии, дает драматургии и драматургам свою оценку – порой нелицеприятную, но объективную, выверенную. И это не критиканство, не демонстрация того, что он способен глубже вникать в литературные процессы в зеркале социальной жизни, а желание направить эти процессы в русло требований и тенденций современности. Он не просто констатирует факт неуспехов кабардинской драматургии за ходом времени, а идет дальше в своих оценках и рассуждениях. Публициста беспокоит проблема выбора героев пьес. «Беда еще и в том, что мы не всегда точно определяем, – пишет он, – кого должны делать героями наших пьес и кого уже не имеем права» [8]. Сказанные около четырех десятилетий назад, еще при Советской власти, слова особенно актуальны в переживаемый исторический отрезок времени, когда годы перестройки и переход к другой общественной формации изменили нашу жизнь неузнаваемо, радикально, переставив местами в общественном и личном сознании основные материальные и нравствен-

ные ценности. «...Трудное дело создание хороших пьес, – подчеркивает Х. Кауфов. – Но преградить путь, мягко говоря, нехорошим, звучащим, как пародия на нравственно-философское кредо, сегодняшним кабардинцам и балкарцам, пропагандирующим образ жизни самых отсталых людей и отчуждающим взыскательного зрителя от театра, мы, несомненно, могли бы» [9].

Современно и актуально, как это и подобает настоящей публицистике, звучат размышления Х. Кауфова о некоторых причинах непростительного отставания кабардинской прозы и драматургии семидесятых годов XX века, словно речь идет об их сегодняшнем состоянии: «...Быть может, где-то не попали мы в стремя бегущего времени и, хотя стараемся не признаваться в этом публично, спасовали перед темпами его стремительности. Быть может, наши знания, жизненный опыт, творческая дерзость оказались слишком скудными по сравнению с взметнувшимся высь интеллектом нового социального типа и нам не хватает смелости вторгнуться в неимоверно быстро усложнившуюся общественную структуру...» [10].

Публицист, поднимаясь от простого к сложному, от частного к общему, от прошлого опыта к настоящему и будущему, от устаревших литературных традиций к новым явлениям и тенденциям, приходит к своему основному выводу: «Бывает и так, что литератор способен по-новому подойти к теме, разрабатывать ее в оригинальных формах, в индивидуальном стиле, но, подверженный общему настрою, он постепенно поддается боязни, что его не поймут, не примут, боязни что-то сделать не так, как делалось до сих пор. Таким образом, в нем притупляется то, что является основой художественного творчества, ибо подлинное творчество – всегда поиск и открытие».

На литературный процесс второй половины XX века оказал свое влияние также известный кабардинский драматург, поэт, прозаик и ученый Борис Утижев. Это влияние разносторонне и разнопланово, так как этот признанный мастер слова одинаково талантливо творит в ведущих жанрах литературы. Как публицист, Б. Утижев пишет о проблемах дальнейшего совершенствования и развития кабардинской драматургии, об отношении к ней национального театра, властных структур республики. Особенно его беспокоит репертуар национального театра. Это и понятно: через его сцену прокладывает путь каждая пьеса к сердцу кабардинского зрителя.

В статье «Этюды о драматургии с грустинкой» публицист осуждает тот факт, что Кабардинский театр давно отрекся от родной драматургии, на его сцене около десятка лет не появлялось ни одной новой пьесы, написанной на кабардинском языке кабардинским автором, тогда как идут на ней три спектакля по пьесам осетинских драматургов.

«Театр, конечно, имеет полное право выбирать импонирующий ему

материал, экспериментировать в рамках своего искусства, – пишет Б. Утижев, – но я все же думаю, что он не вправе (тем более, если это национальный театр) совсем уж не считаться с потребностями своего зрителя, высокомерно обходить свою драматургию, уровень развития которой в основном зависит как раз от внимания театра к ней, от того, насколько он нуждается в ней» [11]. Публицист прав, когда утверждает, что в нелюбви к родной драматургии наш театр уже давно расписался, он напрочь отлучил от себя родную драматургию и ему предстоит искать пути к возобновлению сотрудничества с ней.

Драматурга волнует и вопрос, касающийся местного Русского драмтеатра в следующем аспекте: «Русский театр, конечно же, официально не несет никакой ответственности за судьбу нашей национальной драматургии, ничем, понятно, не обязан ей. Но неужели у этого, тоже не чужого нам коллектива, ни разу не проснулось желание почерпнуть что-нибудь из литератур народов, с которыми он живет и строит дружбу? Предпочитаю ошибиться в этом, но лично я не помню случая, когда бы наш Русский театр снизошел до кабардинских или балкарских пьес. Это печально» [12].

Это примеры того, как публицистика и публицисты смело, безоглядно и своевременно вторгаются в литературно-художественные процессы, вынося их проблемы на публику, на ее широкое обсуждение для последующего воздействия в нужном для общества направлении. Таковы роль и назначение, в данном случае, публицистической литературной критики.

Выход романа Алима Кешокова «Сломанная подкова» стал важным моментом не только в творческой биографии самого писателя, но и определенным этапом в истории всей кабардинской прозы, своего рода водоразделом. Ни одно произведение кабардинской прозы ни до его появления, ни после не вызвало столь бурной дискуссии и реакции ведущих литературных критиков центра, Северного Кавказа, Кабардино-Балкарии. Тема Великой Отечественной войны и ее раскрытие на конкретном примере участия в ней народов республики стали даже предметом обсуждения и осуждения среди руководящих работников республики, интеллигенции, ученых.

Роман получил в российской и региональной прессе в целом положительную, а иногда восторженную оценку. Произведение было отмечено как нестандартное и талантливое также ведущими литературоведами и литературными критиками Северного Кавказа – Н. Джусойты, К. Султановым, Х. Хапсировковым и другими.

Не обошел своим вниманием «Сломанную подкову» и Аскерби Шортанов. 25 августа 1973 года в республиканской газете «Кабардино-Балкарская правда» он опубликовал пространную, глубоко аналитическую статью «О романе А. Кешокова “Сломанная подкова”». Данная статья – яркий образец публицистической литературной критики в кабардинской литературе, ибо автор ее от анализа чисто профессиональных литератур-

ных достоинств и недостатков романа поднялся до глубоких социальных проблем, волновавших кабардино-балкарское общество в годы войны, в период испытания его характера и менталитета.

В начале своей статьи А. Шортанов обращает внимание местных критиков и литературоведов (раз газета публикует ее, то и многотысячной читательской аудитории. – *Т. М.*) «на один печальный факт, а именно – роман печатался на кабардинском языке в журнале «Ошхамахо» около двух лет, и ни один из наших критиков или писателей даже словом не обмолвился по поводу работы А. Кешокова. Молчала критика, молчали и читатели. И стоило только появиться роману в русском переводе в журнале «Москва» (№№ 1, 2, 3), как тут же заговорили и писатели, и читатели. Этот факт говорит о том, что те, кто с запозданием высказывался о романе (преимущественно кабардинцы), не читали его в оригинале. Факт достоин сожаления» [13].

Отметив положительные моменты произведения и творческие удачи автора романа, А. Шортанов вместе с тем дает развернутую, не всегда лицеприятную, но объективную оценку произведению. «Писатель имеет право не идти по стопам истории, – замечает критик. – Он не обязан дублировать историю, но в то же самое время извращать ее в угоду каких-то литературных комбинаций – писателю возбраняется строжайше». Развивая эту мысль, А. Шортанов продолжает в другом месте: «Художественное произведение не есть доскональное повторение истории. Роман – не историческая летопись или хроника. Однако в освещении таких сложных и ответственных периодов в судьбах целого народа, каким явилась Великая Отечественная война, писатель обязан быть максимально исторически правдивым. Не скрывать всей сложности этого периода, но и не извращать его» [14].

Статья написана с убедительными доводами и выводами, остро, но нетенденциозно, без традиционных в кабардинской литературе приятных реверансов и комплиментов в адрес автора произведения, что, безусловно, сослужило добрую службу А. Кешокову в его последующей творческой деятельности и исканиях.

Совершенно другой характер носила статья «Еще раз о “Сломанной подкове”» М. Ахметова, опубликованная в той же газете 12 июля 1975 года. Статья заказная, броско тенденциозная, организованная с целью очернительства творчества А. Кешокова, получившего к тому времени признание в России, СССР и за рубежом.

Бросается в глаза следующий факт – ни до, ни после этого выступления ее автор не написал ни одной публицистической статьи.

Все началось с того, что руководители республики не могли простить автору романа того, как он описал момент растерянности партийных руководителей, деморализации части советских и хозяйственных органов, действительно имевших место в начальный период войны. Решили взять

реванш более чем через три десятилетия за прошлые ошибки и промахи. Заодно и помешать А. Кешокову получить вполне заслуженную им Государственную премию СССР, на которую он был выдвинут за «Сломанную подкову». Ничего из этой затеи не вышло – давно известно: сапоги должны тачать сапожники, пироги печь – пирожники. Литература, творчество – дело тонкое, оно чаще и лучше удаётся профессионалам.

Упреки «мобилизованного партией» автора в адрес А. Кешокова, типа «он привык к похвале, слушает только ее и не замечает других суждений о его произведениях», лопнули как мыльный пузырь – все последующее многолетнее литературное творчество опровергло это и подобные утверждения. Писатель еще четверть века плодотворно послужил художественному творчеству, обогатив новыми талантливыми сочинениями не только кабардинскую, но российскую и советскую литературу.

А что касается статьи М. Ахметова «Еще раз о “Сломанной подкове”», то она останется в истории кабардинской литературы как образец заказной, далекой от профессионализма и объективности публицистической литературной критики. Попытка объявить А. Кешокова врагом своей республики не удалась.

Образцом кабардинской публицистической литературной критики, в которой дается глубокий профессиональный анализ поэтического творчества Алима Кешокова, является, бесспорно, глубокая обстоятельная исследовательская работа Мусарби Сокурова «Лирика Алима Кешокова». Ведущий кабардинский литературовед и литературный критик открыл новые грани поэзии А. Кешокова – он обратил особое внимание на публицистичность и публицистическую направленность многих лирических сочинений поэта. «Проникновение в самую суть жизненных процессов, понимание той истины, что поэзия есть жизнь, действие, борьба, страсть, рождает у Кешокова новые для кабардинской поэзии приемы и образы, новую поэтику и жанры, – пишет М. Сокуров. – Лирика благодаря Кешокову стала искусством, то есть специфическим средством познания и переделки действительности» [15].

Проникнуть в самую суть жизненных процессов... стать средством познания и переделки действительности – это и есть прямая и главная функция публицистики. Ее, эту функцию, несет в себе многоплановая и многожанровая поэзия А. Кешокова. И в этом их непреходящая ценность, способность не отставать, а опережать свое время.

Кабардинские писатели и поэты, особенно старшего поколения, расцвет творчества которых приходился на начало второй половины XX века – А. Кешоков, А. Шомахов, З. Налоев, Л. Губжоков, Х. Кармоков, З. Тхагазитов, С. Хахов и другие – уделяли в своем творчестве постоянное внимание литературе для детей, посвятили им немало стихотворений, поэм, рассказов. Нельзя сказать, что публицистика не уделяла внимания детской литературе – литературе самых любознательных и благодарных

читателей, – но утверждать, что его было достаточно и оно постоянно, было бы необъективно.

Известный драматург, писатель и публицист А. Шортанов никогда не считал литературу для детей творчеством «остаточного принципа», несерьезным занятием признанных мастеров слова. Наоборот, он с особой требовательностью и скрупулезностью подходил к детской литературе, считая, что именно в детском возрасте закладываются такие бесценные человеческие качества, как честность, трудолюбие, любовь к родному слову, уважение к старшим, чувство патриотизма.

В статье «Слово о друге» он писал: «С уверенностью могу сказать: Амирхан Шомахов – один из самых популярных поэтов в нашей республике.

Эту популярность ему принесли дети вполне заслуженно. Детей не обманешь, задаром их не заморозишь...» [16]. Отмечая тот факт, что звать малышей – еще не значит уметь написать для них, публицист делает следующий вывод: детский писатель, кроме всего прочего, что необходимо пишущему для взрослых, должен обладать особой нравственной силой, особым чутьем, особым колоритом языка, манерой письма, особым художественным накалом. Ответственность такого художника перед эпохой возрастает, ибо он в ответе не только перед родителями, но и перед детьми будущих поколений.

Обладая богатым фольклором, произведениями устного народного творчества, посвященными и адресованными детям и юношам, кабардинцы до революции не знали и не имели детской литературы. А. Шортанов заострил внимание на том, что национальная детская литература – явление своеобразное, чисто советское. Острым и убедительным публицистическим словом он призывал собратьев по перу уделять в своем творчестве должное внимание литературе для детей – ибо потерять маленького читателя означает потерять взрослого читателя в будущем.

У детских писателей старшего поколения появились талантливые последователи: Лиуан Афаунов, Анатолий Камергоев, Леонид Шогенов, Саладин Жилетежев, Петр Хатуев, Хайшат Кунижева.

Особый пласт кабардинской литературы второй половины XX века составляют публицистические книги профессиональных писателей, поэтов, драматургов. В литературе такое явление имеет глубокие корни и богатые традиции. Талантливыми публицистами были, к примеру, А. Пушкин, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, А. Герцен, В. Белинский, Н. Огарев, А. Грибоедов, В. Короленко – в русской литературе; М. Горький, А. Толстой, К. Паустовский, М. Шолохов, Б. Горбатов, М. Шагинян, К. Симонов, С. Смирнов, В. Катаев, М. Алексеев, А. Бек, А. Твардовский, И. Эренбург, Ю. Герман, Г. Боровик – в советской литературе.

К жанру публицистики, в том числе к публицистической литературной критике, обратились некоторые кабардинские писатели, достигнув

определенных творческих высот и читательского признания. Особо можно выделить публицистические книги Х. Теунова «Литература и писатели Кабарды», А. Кешокова «Вид с белой горы», А. Шортанова «Очерки. Статьи. Доклады. Письма».

Писательская публицистика названных авторов всецело принадлежит кабардинской литературе, однако вместе с тем она остается публицистикой. Разумеется, публицистика каждого большого писателя связана с его творчеством, имеет свои неповторимые черты, почерк, свои факты и их анализ. Но не только. Писательская публицистика имеет еще одну свою особенность – по-дружески, ненавязчиво, с высоты достижений личного творческого опыта учить своей профессии молодых коллег, избравших нелегкий путь становления «инженерами человеческих душ».

Писатели в своих публицистических книгах, порой являющихся автобиографической повестью, воспоминаниями, размышлениями о судьбах литературы и своем творчестве, подводят итоги всей своей работы или определенных ее этапов, намечают планы на будущее. В любом случае такая публицистика не может не воздействовать на литературный процесс, оказывая на него позитивное влияние. Из нее другие литераторы извлекают для себя уроки на будущее.

В этом плане представляет большой интерес автобиографическая публицистическая повесть Алима Кешокова «Вид с белой горы». Заметим сразу же, что это не книга, подводящая итог всей творческой жизни известного писателя и поэта. Достаточно напомнить о том, что после этой повести А. Кешоков издал такие значительные произведения, как романы «Сабля для эмира», «Грушевый цвет», «Восход луны», «Корни», несколько поэтических сборников.

«Вид с белой горы» [17] – итог многолетней работы автора, его стремление осмыслить пройденный путь, увиденное и пережитое. Отсюда и жанровое разнообразие книги: автобиографическая повесть, очерки, литературно-критические статьи. Особый интерес представляет в книге глава «Созвездие литератур», посвященная анализу литератур народов Северного Кавказа, творчества отдельных ее ярких представителей.

«Я стою на белой горе и гляжу в синеющую даль пройденных дорог. Впереди высится вершина над голубой папахой снегов. Удастся на нее взобраться – увижу новые дали» [18], – так размышляет публицист на первой же странице книги.

Выше говорилось о том, что после выхода «Вида с белой горы» писателю и поэту удалось взобраться на многие новые вершины в своем творчестве – более крутые и опасные. Более трудные и манящие. Чтобы подойти к очередной творческой вершине, обозначенной в «Виде с белой горы», Алим Кешоков твердо усвоил на своем личном опыте, что «Жизнь – непрерывное восхождение по нехоженой тропе, которая вьется по горным склонам».

Сначала широкая равнина в предгорье, пение птиц в садах под безоблачным небом, росы по утрам. Живи и радуйся.

Затем начало подъема, ощущение пути, уход героев сказок за дальний горизонт и открытие, что мир не кончается за аулом. Первая встреча с крутизной, леса, горные озера, снежные вершины в синеве – романтика, жизнь не имеет конца, ее пьешь, как из рога, полными глотками, не думая о завтрашнем дне.

Поднялся выше – заоблачные пастбища вперемежку с камнепадами, узкая тропа временами проходит у края пропасти. Но все равно все лучшее впереди, за облаками, от высоты захватывает дух.

Еще рывок – молчание голых скал, толща льда, рождение рек, лежбища туров. Отсюда тропа уводит к вершинам гор, чувствуешь сердцебиение, шаги становятся медленными. Ты начал восхождение, когда твои усы были черными, а теперь идешь с белой бородой...

Моя молодость осталась за дальней горой, словно жеребенок, отбившийся от табуна. От его жалобного ржания я иногда просыпаюсь» [19]...

Публицистическая литературная критика не оставляет без внимания и проблемы художественного перевода. В Центральном государственном архиве хранится аналитическая статья А. Шортанова «Проблемы художественного перевода». С неподдельной радостью в ней автор пишет: «Рассказывают, когда изумительный детский рассказчик, итальянский писатель коммунист Родари получил экземпляр своей книги на кабардинском языке, он исходил немало земель по Италии, чтобы установить, на какой же язык переведена его книга. И долго-долго смеялся, когда узнал, что она переведена на кабардинский язык» [20].

Писатель гордится и радуется тому, что на кабардинский язык переводятся произведения таких корифеев русской и советской литературы, как Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой, Некрасов, Чехов, Горький, Маяковский, Шолохов. Переводятся и классики западноевропейской литературы: Свифт, Гюго, Жюль Верн, Джек Лондон, Марк Твен.

Перевод «Интернационала» на кабардинский язык Тутой Борукаевым А. Шортанов считает классическим образцом искусства поэтического перевода.

К поколению переводчиков второй половины XX века, «очень хорошо знающих русский язык и свой родной», он относит Алима Кешокова, Бубу Карданова, Бетала Куашева, Адама Шогенцукова, Магомед Тубаева, Мухарби Сонова, Зрамука Кардангушева, Петра Шевлокова, Мусарби Сокурова, Леонида Эркенова, Нури Шогенцукова и многих других.

«И все же сегодня мы должны констатировать печальный факт, что большинство наших переводов художественной литературы не отвечает требованиям времени, не отвечает тому глубокому смыслу, что мы подразумеваем под словом “творчество”» [21].

Одна из причин неудачных переводов, по мнению А. Шортанова, в

том «что у нас за переводы берутся все, кому не лень, берутся люди неподготовленные, а часто – просто бездарные в литературе, но охочие до длинного рубля. Они не понимают, вернее, не хотят понять, что работа переводчика – это не ремесло, а творчество» [22].

Особенно нетерпим писатель к такому главному недостатку переводов, как буквализм (одно из часто употребляемых им слов). Горе тому переводчику, подчеркивает он, который трепещет перед оригиналом.

Будучи талантливым переводчиком, А. Шортанов активно выступает за сохранность архитектоники переводимого произведения, стиля автора, манеры его письма. По его мнению, отступление здесь недопустимо.

Публицист считает, что перевод должен быть понятным и доступным читателю. «Гоголь был прав, – пишет он, – когда утверждал, что “иногда нужно отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе”, что “в переводе более всего нужно привязываться к мысли и менее всего к словам, хотя последние значительно соблазнительнее”» [23].

Такие шедевры мировой драматургии, как «Таланты и поклонники» Островского, «Ревизор» Гоголя, «Егор Булычев» Горького продержались на кабардинской сцене не более трех-четырёх постановок. Одной из важнейших причин этого факта А. Шортанов считает слабый перевод этих пьес.

Вопросы художественного перевода с кабардинского на русский язык, языки народов бывших союзных республик занимают во второй половине XX века много места в литературно-критических и публицистических выступлениях в прессе Х. Кауфова. Свертывание этой благородной и нужной работы, ничем не оправданный ее продолжительный застой, по его мнению, отрицательно сказывается не только на развитии кабардинской литературы, но также и всей многонациональной, многоязычной литературы России.

К началу восьмидесятых годов кабардинская литературная критика поднимается в своем профессиональном развитии до небывалой до сего времени высоты – до публицистической. Хачим Кауфов, автор нескольких сборников документально-художественных повестей, стихов, очерков, издает в 1980 году книгу статей о кабардинской литературе «В зеркале социальной жизни».

Обладая высоким художественным вкусом, тонко подмечая и подчеркивая эстетическую ценность и недостатки того или иного произведения национальной литературы, автору удается в своем исследовании подняться до публицистической литературной критики, родоначальником которой в русской литературе в свое время был В. Г. Белинский. Публицистическая литературная критика Х. Кауфова – критика другого масштаба и измерения, актуального звучания и действия. Критики такого остро социального направления в кабардинской литературе еще не

было. И этот факт не остался незамеченным. Предисловие к книге написал известный литературовед и литературный критик Мусарби Сокуров. Он указал, что автор книги ставит «своей целью наметить основные параметры в осмыслении того, как отражаются в нашей литературе некоторые очень важные социально-нравственные процессы, волнующие современное общество» [24]. «Разносторонним подходом к литературе, – заметил далее М. Сокуров, – подчеркнутым вниманием к узловым для нее проблемам автор еще раз напоминает нам, что научность критики отнюдь не равнозначна сухому академизму и бесстрастному рассмотрению литературы в рамках... самой литературы» [25]. В книге М. Сокуров увидел личность ее автора, страстно заинтересованного в процветании родной литературы, предостерегающего, что отставание ее от передовых идей века равносильно смерти. Х. Кауфов напряженно ищет новые грани анализируемых произведений, решительно, а порой даже резковато отвергает то, с чем он не согласен в данных других анализах и оценках, противопоставляя им хорошо продуманные контраргументы и собственную позитивную трактовку затрагиваемых вопросов.

Оценивая в целом книгу Х. Кауфова, известный критик подходит к следующему выводу: «Настоящая критика тем и интересна, что она вызывает желание и поспорить, и взглянуть по-новому на многие устоявшиеся явления литературного процесса, и бесстрашной искренностью, а главное – желанием помочь родной литературе выработать достойные современников приемы и принципы изображения нашей сложной в своих противоречиях жизни. Хачиму Кауфову доступны разные жанры критики – от небольшой рецензии до многорукавных и проблемных обзоров, от короткой зарисовки до развернутого литературного портрета» [26].

С первых же страниц своей книги Х. Кауфов предупреждает, что кое-где его оценки тех или иных произведений кабардинской литературы, толкования тех или иных жизненных ситуаций, возможно, окажутся в некотором несоответствии с устоявшимися у части читателей представлениями о них. Объясняется это, скорее всего, тем, что предмет разговора рассматривается под углом зрения, под которым он почти не рассматривался в кабардинской критике. Однако не последней причиной несоответствия может стать то, что эти представления могут нуждаться в пересмотре в аспекте современных требований к литературе и современным проблем жизни.

Речь идет о том, что литературный критик-публицист намеревается рассмотреть явления кабардинской литературы в зеркале социальной жизни, потому что он убежден, что критика – наиболее отсталый участок «в нашем литературном хозяйстве». Он хочет видеть такую критику, которая активно вмешивалась бы в литературный процесс, сочетая при этом глубину социального и художественного анализа. Публицист не может мириться с тем, что критика стала в основном комплиментарной,

аморфной... и если она и вступает в бой, нередко опускает шпагу перед малопочтенным кодексом приятельских и групповых отношений. Появился даже новый термин – «некритикабельность».

Критик-публицист, анализируя ряд произведений признанных литераторов, пропущенных через сито «комплиментарных критиков», вновь, но по-своему подвергает их пересмотру и переоценке. В этих целях он обращается, еще раз это подчеркнем, к сочинениям не рядовых и начинающих авторов, а маститых и известных. И рассматривает их с новых позиций, с позиций социального соответствия требованиям времени.

В круг анализируемых попадают такие произведения, как повести Адама Шогенцукова «Весна Софиат» и «Назову твоим именем», романы Хачима Теунова «Подари красоту души», Аскерби Шортанова «Горцы», Алима Кешокова «Сломанная подкова», повести Петра Мисакова «Младший сын» и «Сыновья Дадусы», пьесы Аскерби Шортанова «Июль – месяц жаркий» и Залимхана Аксирова «Дорогой обреченных»...

Приступая к глубокому и всестороннему анализу названных и других произведений, Хачим Кауфов задает себе и нам ряд вопросов: «Все мы хорошо знаем, каким источником нашей силы, каким стимулом нашего роста являются собственно литературные традиции, пример и опыт старших. Но не слишком ли мы порою абсолютизируем их авторитет? Не слишком ли робко преодолеваем инерцию традиции? Не слишком ли страшимся бросить на кого-то тень? Ведь именно это способствует небрежению задачами искусства» [27].

Касаясь характеристики генерала Ермолова (роман «Горцы»), Х. Кауфов обращает внимание на заданность, надуманность его образа. «Ермолов у Шортанова, замечает публицист, воитель за справедливость, этакий друг народа, обреченный влачить тяжкую участь императорского наместника. Этот, с позволения сказать, «демократ» установил в Кабарде жесточайший оккупационный режим, потопил в потоках народной крови восстания 1822 и 1825 гг., «разорил и рассеял почти всю Кабарду», где «к 1834 году осталось не более 35 тысяч кабардинцев» [28]. По мнению Х. Кауфова, стремление автора «Горцев» облагородить наместника завело слишком далеко. В этом он видит небрежение писателя принципами историзма.

Говоря о недостатках романа «Сломанная подкова» А. Кешокова, Х. Кауфов обращает внимание на тот факт, что краски «негативного материала» в романе слишком сгущены. А такое увлечение ради оживления действий или углубления драматизма сюжета может бросить тень на память павших патриотов, на заслуги живых героев борьбы с фашизмом, может умалить в глазах неосведомленных читателей значение вклада того или иного народа в великое дело разгрома гитлеровских захватчиков. По мнению критика, чересчур раскованное отношение автора «Сломанной подковы» к вопросам композиции, к моделированию романной ситуации на

фактическом материале обусловило на чисто эстетическом уровне ряд упущений художественного плана.

Бескомпромиссен критик-публицист и в оценке творчества другого писателя. «Возможно, слишком строги мы в своей оценке повестей Шогенцукова, а также других произведений, – пишет он. – Но не может же критика прожить всю жизнь в одном розовом платье. И видеть все в одном розовом и радужном цвете ей должно, наконец, наскучить. Главное в том все же, что не современностью описываемых явлений или способов описания их определяется достоинство книги. Определяется оно актуальностью, масштабностью, активностью писательского мышления» [29].

Публицист заслуженно называет Адама Шогенцукова одним из видных представителей нашей литературы, создателем ее современной художественной прозы. «Но от писателя, чей литературный опыт столь значителен, столь трепетен общественный темперамент; столь безупречно знание жизни, – замечает Х. Кауфов, – мы вправе были ожидать большего, чем оказалось в данной повести (имеется в виду «Назову твоим именем». – Т. М.). Это мы должны сказать при всем нашем уважении к нему и к его литературной деятельности» [30].

Книга Х. Кауфова «В зеркале социальной жизни» явилась своеобразным заслоном незаслуженным одам и дифирамбам в адрес кабардинских прозаиков, поэтов, драматургов. Поверхностность, легковесность, беспринципность и комплиментарность не способствуют развитию кабардинской литературы, литературоведения и литературной критики – эта мысль проходит красной нитью через многие статьи, вошедшие в книгу Х. Кауфова.

«В зеркале социальной жизни», на наш взгляд, – новое явление, шаг вперед в кабардинской публицистической литературной критике, своеобразное мерило того, с каких высоких позиций и с какой требовательностью нужно подходить к анализу произведений кабардинской литературы и в XXI веке.

Если в первые десятилетия второй половины XX века отдельные периоды истории кабардинского народа освещались в художественной литературе тенденциозно, с купюрами, с учетом точки зрения властей о целесообразности предания их широкой гласности или замалчивания, то в последние полтора десятилетия ушедшего столетия перед национальной литературой открылась реальная возможность полного и объективного их отражения. Начали появляться книги о Кавказской войне, насильственном выселении части адыгов за рубеж. Среди них документальные книги и крупные художественные полотна: это исследования Х. Думанова «Вдали от родины», А. Эльмесова «Из истории русско-кавказской войны», Х. Кауфова «Вечные странники», Диалогия С. Мафедзева «Гыбзы достойные» и «Медвежья когти».

Эти же годы ознаменованы появлением ряда крупных поэтических

произведений эпического характера. В трагедии «Эдип» Б. Утижева, поэмах «Каменный век» Х. Бештокова, «Станей» Л. Балаговой, повести «Абраг» Дж. Кошубаева находят свое воплощение гуманистические искания XX века, идеи добра и справедливости, непреходящие нравственные ценности, которые были заложены еще в известных фольклорных сюжетах.

Все вышеназванные художественные произведения нашли достойное отражение в публицистических статьях, опубликованных в местной и центральной периодической печати. С другой стороны, сама кабардинская публицистика вдохновила их авторов на создание этих и других сочинений, публицистика первой из литературных жанров подступала к названным темам, создавая своеобразный плацдарм для литературы.

В последние два десятилетия кабардинская проза, окончательно утвердившая свое преимущественное положение в национальной литературе, все чаще и смелее обращается к современным проблемам жизни, заостряя внимание читателей на сложных и противоречивых ее явлениях, пройденных до нее публицистикой.

В романе «Зов» М. Кармокову удалось отойти от идеологических стереотипов и набивших оскомину догм. Роман Б. Журтова «Смерч», вмещающий в себя целый век жизни своего народа, затрагивает проблемы постсоветского времени.

Кабардинская литература, особенно проза, конца XX века заметно отстала от публицистики. Такие судьбоносные темы, как перестройка всех сторон жизни общества, война в Чечне и Абхазии, которая имела непосредственное отношение к народам Кабардино-Балкарии, и другие важные события новейшей истории по сути дела до сих пор остались за пределами ее интересов. Справедливости ради можно назвать повесть А. Шамурзаева «Наступал мир» о войне в Чечне. Разработкой вышеназванных тем, их глубоким и всесторонним освещением, хоть и с существенным запозданием, несомненно, займется литература, используя свои ведущие жанры.

К сожалению, даже поэзия, которая в силу своих специфических особенностей и возможностей могла бы своевременно откликнуться на судьбоносные события конца XX столетия, этого так и не сделала. Сочинено бесчисленное множество стихотворений и поэм, издано большое количество поэтических сборников, но, как было совершенно справедливо отмечено в отчетном докладе на XII съезде Союза писателей республики (2003 год), поэзии еще присущи застойные признаки: «Это, прежде всего, оскудение стиха, обеднение его содержания, притупление поиска новых форм и средств выражения, потеря накала гражданственности, публицистического пафоса, готовности откликаться на злобу дня. Слишком много пустых, кое-как зарифмованных строк, целых строф, по сути дела дублирующих друг друга. Если поэзия станет брать в

будущем за образец этот род литературы, она очень скоро может потерять высоту, на которую подняли нашу лирику великие ее творцы – Кайсын Кулиев и Алим Кешоков» [31].

Кабардинская публицистическая литературная критика, без всякого сомнения, в большом долгу перед национальной поэзией. За исключением М. Сокурова, Б. Утижева, Х. Кауфова, Х. Бештокова, в литературно-критических статьях других авторов преобладают оды и дифирамбы в адрес слабых, профессионально незрелых сочинений своих коллег по литературному цеху, в них нет глубоких аналитических размышлений, не завышенной объективной оценки тех или иных поэтических произведений. В кабардинской поэзии мало авторов, способных и приравнивающих сегодня перо к штыку, а, перефразировав известное выражение, мало о ком из местных мастеров поэтического слова можно было бы сказать, что такой-то поэт в Кабардино-Балкарии больше, чем поэт.

А между тем поэзия не уходит из нашей жизни, несмотря на все ее перипетии в последние десятилетия, на всеобщий прагматизм в мышлении и действиях людей, рыночную экономику, дегуманизацию общества. Духовность, как никогда, должна быть востребована в переживаемую историческую эпоху. Стало быть, должна быть и, к счастью, востребована поэзия – властительница дум, сердец и душ.

Не все благополучно в кабардинской литературе последних десятилетий. Это отмечалось и на XII съезде писателей республики: «Нередко книги пишутся наспех, образы в них иногда получаются стертыми, ходульными, если они и запоминаются, то своей художественной беспомощностью. Язык отдельных авторов маловыразителен, а то и просто неграмотен в стилистическом отношении. Тексты книг иногда не только просто плохо сработаны, но и плохо отредактированы. Небрежение нормами языка дает себя знать, прежде всего, в сочинениях молодых, в том числе и в жанре поэзии, что особенно недопустимо» [32].

Есть настоятельная необходимость в том, чтобы повернуть прозу, поэзию и драматургию к проблемам сегодняшнего дня, мыслям и переживаниям наших современников. Литературная критика должна реабилитировать себя в глазах литераторов и читателей. Литературоведение должно выйти из продолжительного застоя, преодолеть болезни роста и перейти к глубокому и всестороннему анализу художественных произведений, их структуры, языка и стиля.

Как никогда раньше востребована публицистическая литературная критика, обладающая способностью оперативно и глубоко вмешиваться в сложный и многогранный литературный процесс. Ей под силу поднять престиж и значение художественного слова в современном обществе, направить его в русло возросших читательских запросов и интересов.

Литература

1. *Теунов Х. И.* Путь на Эльбрус. М., 1970. С. 10.
2. Там же. С. 11.
3. *Аскерби Шортанов.* Очерки. Статьи. Доклады. Письма. Н., 2000. С. 77.
4. Там же. С. 82.
5. Там же. С. 78.
6. Там же. С. 79.
7. *Шортанов А.* Дерзать! // Кабардино-Балкарская правда. 1966. 1 февраля.
8. *Кауфов Хачим.* В зеркале социальной жизни. Н., 1980. С. 31.
9. Там же. С. 31.
10. Там же. С. 35.
11. *Утижжев Борис.* Этюды о драматургии с грустинкой // Кабардино-Балкарская правда. 2006. 18 марта.
12. Там же.
13. *Шортанов Аскерби.* О романе А. Кешокова «Сломанная подкова» // Кабардино-Балкарская правда. 1973. 25 августа.
14. Там же.
15. *Сокуров М. Г.* Избранные произведения. Н., 1995. С. 559.
16. *Шортанов А.* Слово о друге. // Кабардино-Балкарская правда. 1970. 9 октября.
17. *Кешоков А.* Вид с белой горы. Изд.2-е, дополн. М., «Современник» 1977.
18. Там же. С. 8.
19. Там же.
20. *Аскерби Шортанов.* Очерки. Статьи. Доклады. Письма. Н., 2000. С. 84.
21. Там же. С. 86.
22. Там же.
23. Там же. С. 88.
24. *Кауфов Хачим.* В зеркале социальной жизни. Н., 1980. С. 3.
25. Там же. С. 3.
26. Там же. С. 4.
27. Там же. С. 35.
28. Там же. С. 64.
29. Там же. С. 93.
30. Там же. С. 98.
31. Отчет об организационно-творческой работе Союза писателей Кабардино-Балкарии между XI и XII съездами. Н., 2003. С. 8.
32. Там же. С. 12.

Мадина БУРАНОВА,
кандидат педагогических наук,
научный работник НБ КБГУ

«ЛИБО Я НАЙДУ СВОЙ ПУТЬ, ЛИБО ПРОЛОЖУ ЕГО САМ...»

Руслан Карнетович Кармов, директор Научной библиотеки Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, историк, архивист, экономист. Выпускник КБГУ. Окончил аспирантуру Северо-Кавказского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

За плечами Руслана Кармова много хороших дел, характеризующих его как глубоко порядочного и жизнелюбивого человека. Видимо, успех в достижении благородных целей приходит к тем, кто по-настоящему одухотворен своей идеей и по счастливой судьбе наделен особенным природным даром, ориентирующим его на открытие чего-то нового, более совершенного.

Чувство нового является неотъемлемым атрибутом любого творчества и всякого талантливого человека. По мере развития общества это чувство приобретает все большее значение, предвосхищая решающие события, оно определяет перспективу развития, способность шагать в ногу со временем. Именно благодаря таким передовым людям, как Руслан Кармов, общество движется вперед, потому как их деятельность всегда исполнена смысла, их цели ясны, они созданы для самопознания и значимой деятельности.

Руслан Карнетович признается: работа для него давно стала образом жизни. Каждое его усилие обусловлено чувством долга, ответственности за выполнение поставленных задач, проникнуто ощущением гордости от того, как утверждал В. Маяковский, что «мой труд вливается в труд моей республики». Служение родной республике – неотъемлемая часть его жизненной позиции. Много хорошего и полезного удалось уже сделать, но – вглядываясь в будущее, Руслан Карнетович осознает, что для него всегда открыты новые перспективы, новые возможности и пути приложения жизненных сил.

Годы становления

Любая сфера труда представляет собой творческий процесс, который движется от замысла к воплощению. Это непрерывный про-

цесс развития, без которого не мыслится жизнь творчески одаренных людей. Несомненно, требуются годы и вложение колоссального труда, умственных сил и упорства для того, чтобы оказаться на вершине профессионального Олимпа. Это важные условия, которым всегда следует Руслан Кармов. Известно, что профессиональное становление охватывает длительный период жизни человека. В течение этого времени меняются жизненные и профессиональные планы, происходит смена социальной ситуации, ведущей деятельности и т.д. В этом смысле Р. К. Кармов проходит успешный путь активной созидательной деятельности. Для молодого исследователя, несомненно, отправной точкой в развитии творческого потенциала явилась его плодотворная и общественно значимая деятельность при архивной службе.

На протяжении восьми лет Р. К. Кармов работал ответственным секретарем журнала «Архивы и общество». С 1995 года занимался архивными материалами Турции, Азербайджана, Грузии, Украины, Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара, Ставрополя, Ростова, Астрахани, Дагестана, Осетии, Кабардино-Балкарии, Адыгеи. Опыт работы в данной сфере сформировал в нем устойчивое профессиональное видение. Знание истории, теории и практики архивного дела, умение работать со справочниками и документами, критически использовать найденную в этих источниках информацию в исследовательской работе – все это составляет важную часть профессиональной подготовки историка. Основное кредо историка – честно писать о прошлом, анализировать это прошлое. Руслан Кармов пользуется богатым багажом знаний, обладая абсолютным слухом в распознавании правды. Его представление о прошлом с годами становится все более многогранным, более истинным. И чем больше он погружается в архивный мир, тем притягательнее для него самого становятся доподлинные факты и явления, следовательно, чем шире охват источников, чем совершенней методика, тем ближе к правде исследователь. Руслан Карнетович отмечает, что историк, не работающий в архивах, не способен подняться к высотам науки. Многочисленные научные труды, статьи, монографии – результаты его глубоких исследований.

Процесс написания авторских трудов был сложным, трудоемким и требовал особенной кропотливости. Р. К. Кармов является автором проекта научно-популярной серии сборников документов «Блики», в которой уже вышли в свет 22 выпуска, начиная с 2016 года. Автор поставил перед собой задачу прояснить некоторые исторические события разных веков путём сопоставления различных источников. В серии собраны неизвестные и малоизвестные источники, связанные с Кавказом, архивные документы, переводы исторических текстов, фольклорные и полевые материалы. «За эти годы опубликовано около четырёх тысяч страниц текста из различных архивов, музеев и библиотек России, Турции, Грузии

и Украины. Книги из серии «Блики» обрели известность, их закупают российские и зарубежные библиотеки и частные лица. «...За достаточно немалый период времени, связанный с подготовкой и выпуском изданий, стало понятно, что нам придётся не только выпускать сборники материалов, но и делать какой-то анализ источников. Но в связи с тем, что собственный анализ был не предусмотрен в проекте «Блики», принято решение периодически компоновать сборники, в которых представлены не только источники, но и цитаты из работ историков (разных периодов и разных стран), которые подтверждают или, наоборот, опровергают данные документов. Этот метод был апробирован нами в выпуске № 8 «Альтернативные изыскания по абазо-адыгской истории», и было приятно, что при кажущемся хаосе материалов, собранных в нём, многие из читателей заинтересовались такой подачей материала и высказали свое заинтересованное мнение», – рассказывает сам автор серии Руслан Кармов.

По такому же методу составлен и новый сборник под названием «Военно-политические процессы на Кавказе, связанные с черкесами в XVI веке». Автор подчеркивает, что история Кавказа, и в данном случае черкесов, неразрывно связана со всемирной историей, и именно это повлияло на подборку материалов. Исследователь сам порой удивляется некоторым выявленным фактам, которые, по его убеждению, становятся весьма интересными при сопоставлении: «Честно признаюсь, меня самого некоторые выявленные факты, открывшиеся при сопоставлении материалов, невероятно удивили. Даже поверхностный анализ исторических событий наводит на мысль о том, что уже пора организовывать «околонаучные» передачи и исследования по, казалось бы, известным историческим фактам. Нередко сталкиваешься с тем, что в научный оборот не вошёл огромный массив материалов из-за того, что их содержание не соответствовало устоявшейся исторической концепции, одобренной идеологической политикой. Словом, выпуск очередного издания состоялся, теперь слово за читателями».

Научно-просветительская деятельность Р. К. Кармова востребована временем. Опираясь на документальные источники, он стремится восстановить нефальсифицированную историю адыго-черкесов, культуру, быт, традиции своего народа. В этом ему принадлежит особая роль. Он является автором и участником более 80 исторических и публицистических теле- и радиопередач на русском и кабардинском языках. Руслан Кармов – преданный своему ремеслу исследователь, играющий заметную роль в изучении истории. Он обладает той широтой кругозора и пониманием предмета исследования, которые позволяют читателю и зрителю прислушаться и доверять оценкам, которые автор высказывает в своих публикациях, телевизионных проектах и научных статьях.

Истоки

Согласно древней народной мудрости, «путешествие в тысячу миль начинается с первого шага». Оглядываясь назад, замечаешь одну простую истину, что жизнь сама готовит каждого из нас к исполнению своего предназначения. Руслан Карнетович является ярким представителем древнего почитаемого рода Кармовых, его предки рождались и жили в самом живописном уголке Зольского района в селе Кармово (Къармэ Хьэблэ). Он родился в большой и дружной семье, где всегда свято чтут наилучшие традиции Адыгэ Хабзэ. В своей книге «Сто лет в истории рода Карма» (Нальчик, 2001 г.), Руслан Карнетович ставит задачу восстановить историческую справедливость, вернуть роду то, что было предано забвению за годы гонений и притеснений.

«...Книга посвящается тем, кто не любит громко хвастаться о своем происхождении, но показывает это на деле, не роняя достоинства, сохраняемого многими поколениями предков. Зная, что твой род достаточно уважаем в народе, надо помнить, что это уважение заслуживалось не только происхождением, но и поступками, которые остались в памяти народа и в архивах.

Это книга о тех, кто незаслуженно забыт. О тех, кто делал историю. О живущих сегодня говорить не следует, их дела скажут о себе сами. Не зря наши умные предки считали, что нельзя хвалить человека в его присутствии. Они вкладывали в эти слова великий смысл, который от нас зачастую ускользает.

В книге предпринимается попытка через призму истории одной фамилии осмыслить деяния адыгского народа. За прошедшие годы мы забыли одну из самых главных заповедей поколений своих предков. Мы забыли о том, что не помнящий своих предков не мог выступать даже свидетелем в спорных делах. Знание имен предков считалось обязательным условием, а родовитость и богатство в этом случае практически не играли никакой роли.

В отличие от нас, англичане, к примеру, до сих пор сохранили традицию изучать историю предков до седьмого колена. У них эту часть генеалогии каждый ребенок до семи лет должен знать обязательно. Поэтому он с раннего детства начинает ощущать себя значимой частью рода, а не одинокой пылинкой. Каждый человек, знающий и осознающий это, понимает, что его достижения и ошибки будут восприниматься не отдельно, а в контексте истории его рода. Это его внутренне дисциплинирует и координирует его действия.

Храня родовую память, мысленно обращаясь к предкам в трудную минуту, вы понимаете, что и ваши потомки будут вспоминать вас, гордиться вами. И вот это сознание ответственности поможет спасти свою честь в сложной ситуации.

Надо помнить, что честь, достоинство и сплоченность, все самое

лучшее нарабатывалось веками. Сама жизнь заставляла быть умнее, сильнее, благороднее и смелее. Все это потом уничтожалось десятилетиями, путем убийств и выселения лучших представителей фамилий. Действовал древнеримский принцип “разделяй и властвуй”. Мы забыли, кто мы, откуда, большинство не знает своих прадедов и не интересуется даже, кем они были. Рода, которые представляли собой единый организм, рассыпались, и теперь оставшиеся их представители зачастую даже не знают друг друга.

Говорят, каждая вера имеет силу благодаря своим постулатам, которые мы можем не одобрять, но обязаны выполнять. Благодаря этим постулатам объединялись государства, и каждый правитель, который не мог найти средств для объединения народа, находил их в вере.

Эта книга не претендует на истину в последней инстанции. Она предназначена для того, чтобы всколыхнуть самосознание, породить тот спор, в котором рождается истина. Даже о делах и людях очень известных и не очень давно живших идут споры, и зачастую истина ускользает от нас.

Спор этот может пробудить к жизни чувства гордости и первенства. Это те чувства, которое так и не смогли вытравить из нас. Гордость и первенство – не самые плохие качества, ведь не зря говорят, что плох тот солдат, который не стремится стать генералом. Правда, это хорошо до тех пор, пока не принимает извращенные формы. Будем же стремиться к тому, чтобы вернуть утраченное или хотя бы прикоснуться к истинам прошлого. В память о предках, которые оставили свой маленький, но гордый и честный след в истории нашей родины. Они достойны того, чтобы их помнили» (из книги Р. К. Кармова «Сто лет в истории рода Карма», 2001 г.).

Еще со школьной скамьи Руслан Кармов был одним из лучших учеников, он рано стал интересоваться историей, книгами, которые научили его многому, воспитали в нем любовь и преданность к своей стране, к родным истокам, ко всему, что могло бы возвысить его этическое самосознание. Для Руслана Кармова национальная идентификация, честь и любовь к малой родине – понятия конкретные, которые ощущаются всегда трепетно.

«Любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества», – писал Д. С. Лихачев. Любовь к национальным истокам может произрастать из внутренней потребности человека служить своему народу, непреходящим ценностям, обретенным многовековой историей предков, которые жили и творили на этой земле, облагораживая ее трудом и защищая на полях сражений.

Руслан Кармов никогда не забывает о примере своего деда Нахупша Кармова, который силой своего ума и духа умел противостоять

превратностям судьбы, переносить любые трудности, не теряя достоинства. Образ Нахупша Кармова можно характеризовать долгим повествованием о жизни, о его подвигах в годы Великой Отечественной, о терпении, необходимом в участи многих, незаслуженно оказавшихся в далеких лагерях. Жернова той эпохи были предельно суровы, не прощалось, когда солдат попадал во вражеский плен. Дедушка Нахупш и в этих условиях смог отыскать собственную духовную силу. В помощь ему были только вера в обретение справедливости и любовь к родному очагу. Даже после освобождения, вернувшись в родное село, Нахупш Кармов не переставал заботиться о своих земляках, которые в непростых условиях продолжали отбывать свой срок в лагерях. Он оправлял им посылки с продуктами, даже умудрялся передавать родниковую воду, ту самую Балкьыпс (р. Малка), которая обладала целительными свойствами и помогала избавляться от многих недугов. По чайной ложке, как лекарство, пили эту воду заключенные, словно припадая к живительному источнику после долгой жажды. «Балкьыпс исцелила нас от безверия, она насытила наши души теплотой, надеждой и верой в жизнь», – вспоминали потом благодарные земляки.

«С прохождением времени, в процессе личного нравственного взросления я понимаю одну важную особенность. Ранее я не думал об этом, но с годами понял: очень важен генетический код, то, что заложено в тебе предками, даже теми, кого ты не знаешь», – рассуждает Руслан Кармов. Осознавая свою сопричастность в сохранении непреходящих ценностей рода, он всегда следует заветам мудрых старших, которые следует постигать не только умом, но и сердцем, пропустить их через свою душу.

Новый опыт, новые свершения

2018 год – начало новой страницы в трудовой деятельности Р. К. Кармова. Весь накопленный опыт, все свои знания он принес в научную библиотеку Кабардино-Балкарского госуниверситета. На вопрос о том, что изменилось с тех пор, как его назначили директором вузовской библиотеки, Руслан Карнетович резонно отвечает, что подводить итоги еще рано. «Библиотека университетского комплекса – это сложный механизм, нам понятен его масштаб и мы знаем, в каком направлении двигаться. Есть успехи, о которых следует сказать. В нынешнем году завершилась инвентаризация и переоценка фонда библиотеки. Это даст нам возможность обеспечить более качественное, гибкое и быстрое обслуживание пользователей, а главное – постоянное и непрерывное упорядочение, сохранение и развитие фонда, регулирование всех процессов его создания и функционирования. Так, фонд библиотеки КБГУ на начало 2022 года составляет 3 377 880 единиц, из них 808 708 экземпляров – печатные издания, и 2 569 172 – электронные.

В 2020 году КБГУ, в числе более двухсот российских университетов, принял участие в масштабном проекте издательства «Лань»: «Сетевая электронная библиотека классических университетов» (СЭБ), в результате чего наша библиотека вошла в консорциум сетевых электронных библиотек вузов России. В рамках проекта вузы-участники размещают научный и учебный контент, изданный внутри университета, для взаимного бесплатного использования. Этот проект позволил получить доступ к учебным изданиям по 32-м направлениям обучения (46 тыс. наименований), куда входят и учебно-методические издания КБГУ.

Приоритет деятельности вузовской библиотеки, прежде всего, заключен в ее активной поддержке образовательного процесса и научных исследований вуза. Библиотека развивается, все больше совершенствуя новые практики в своей деятельности. Тем не менее, она сталкивается с рядом проблем, которые невозможно решить без поддержки руководства вуза. Успехи библиотеки напрямую зависят от стабильной деятельности вуза, всесторонней помощи ректората и связей с институтами и кафедрами университета, которые укрепляются из года в год.

Очевидна функционирующая роль руководства КБГУ во всесторонней поддержке библиотеки вуза. В последние годы, соответственно преобразованиям, которые происходят в организации и содержании образования, был принят ряд практических мероприятий по развитию библиотеки, обновлению и обогащению информационных ресурсов, внедрению автоматизации библиотечного обслуживания, в частности – использования электронного библиотечного продукта 1С.

«Очевидно, не столь важно, как библиотека вуза характеризует происходящие в ее деятельности изменения – новые услуги, улучшения, инновации. Гораздо важнее не забывать, что внедрение инноваций происходит исключительно для того, чтобы отвечать потребностям и ожиданиям заинтересованных сторон. Думаю, что самая заинтересованная сторона – наш вуз, наши пользователи. Именно они оценивают результативность и эффективность организованного в библиотеке процесса информационно-библиотечного обслуживания: полноту и качество удовлетворения информационных запросов, разнообразие представленных ресурсов и услуг, оперативность их представления.

Научная библиотека КБГУ находит множество путей для раскрытия своих фондов. В том числе выходы на кафедры, встречи со студенческой аудиторией на площадках самих институтов. Такие встречи становятся важными в решении совместных вопросов, касающихся информационной поддержки всех категорий пользователей вузовской библиотеки. У нас много совместных задач и идей, но их реализацию невозможно представить без тесного взаимодействия библиотеки, пре-

подавателей и студентов. Безусловно, это оптимизирует эффективную роль взаимодействия между участниками образовательного процесса: научной библиотеки вуза, как поставщика информационных услуг, и научно-образовательных подразделений, являющихся потребителями данных источников», – констатирует директор НБ КБГУ Р. К. Кармов.

Специфика решаемых в вузовской библиотеке задач предопределяет особую роль ее руководителя. Это – менеджер, профессионал, обладающий специальными знаниями, навыками, умениями в области управленческой деятельности. Руслан Карнетович убежден, что одно из условий успешной деятельности библиотеки – это здоровый психологический климат в коллективе. «Профессионализм каждого библиотекаря, – продолжает он, – проявляется в активном отношении к своей работе. Многогранная деятельность библиотеки может быть обеспечена только тщательно подобранными кадрами, знающими и любящими свое дело. Только на основе труда библиотечарей, знания, уникальные достижения, исследования, монографии становятся доступны читателям, нашим студентам, новому поколению изобретателей и ученых, творческих людей.

От того, как оснащена библиотека, как реагирует на запросы своих читателей, в каком объеме приобретает современные научные и учебные источники, зависит успех учебной и научной работы в вузе. Уверен, что библиотека вуза по-прежнему будет развивать свою приоритетную направленность в совершенствовании своей главной задачи – оказание методической и информационной поддержки научно-образовательному процессу университета».

В номере:

<i>Джамбулат Кошубаев.</i> Читая Танзилю. <i>Статья</i>	2
<i>Тахир Толгуров.</i> Точка выбора. <i>Статья</i>	8
<i>Мадина Хакуашева.</i> Идиостиль прозы А. Макоева. <i>Статья</i>	10
<i>Амир Макоев.</i> Бездна. Полеты на край ночи. Чужой. <i>Рассказы</i>	20
<i>Тамара Амир.</i> <i>Стихи</i>	53
<i>Зарина Канукова.</i> «Найдет, кто не ищет...» <i>Гл. из романа</i>	60
<i>Хусей Кулиев.</i> «Критик». Дублинка. «Дружки»... <i>Рассказы</i>	73
<i>Афлик Оразаев.</i> <i>Стихи</i>	92
Наш семинар. <i>Марианна Маргушева, Фатима Маржохова,</i> <i>Фарида Кудаева, Тимур Пишигошев, Ахмат Шидаков.</i> <i>Проза, стихи</i>	102
<i>Мадина Канукоева, Юрий Тхагазитов.</i> Лирика Зубера Тхагазитова и интегративные ресурсы национального этико-эстетического знания. <i>Статья</i>	140
<i>Инна Кажарова.</i> Мотив неприкаянности в повести Заура Канкулова «Затерявшийся в городе». <i>Статья</i>	152
<i>Тазал Машуков.</i> Публицистика и литературный процесс во второй половине XX века. <i>Статья</i>	162
<i>Мадина Буранова.</i> «Либо я найду свой путь, либо проложу его сам...». <i>Статья</i>	183

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии А. Елканова и М. Тарчковой

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 30.08.2022. Подписано к печати 05.10.2022.
Выход в свет 31.10.2022. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 841 экз. Заказ №2044. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.
Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-28-49,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Фестиваль Национальных культурных центров Кабардино-Балкарской Республики «Наш общий дом – Республика моя!» на площади Абхазии

